

4 [64]

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el país y el mundo •

- ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА
- СПОР ЧЕТЫРЕХ СЛАВЯН
- ПРИДИТЕ И ВОЛОДЕЙТЕ
- МЫ ДИАЛЕКТИКУ УЧИЛИ НЕ ПО ГЕГЕЛЮ

ГОЛЫЙ БОГ

- УКРДЕРЖНАЦМЕНВИДАВ
- КЛАДБИЩЕ ЛИТЕРАТУР
- ОТ СВУЛА ДО ЮЖНОЙ ЧОЛЛЫ
- НЕЛЬМА В ШАМПАНСКОМ СО СПАРЖЕЙ

1991

ИЮЛЬ · АВГУСТ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал «Страна и мир» издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского, Бориса Хазанова и Эйтана Финкельштейна. Обложка художника Б.Рабиновича. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

Представители журнала:

В Москве – Сергей Лёзов (125167, Ленинградский просп., 45, корп. 4, кв. 367).

В скандинавских странах – Борис Вайль (Det Kongelige Bibliotek, Chr. Brigge 8, 1219 København K, Danmark).

В Израиле – Рафаил Шапиро (Rehov Halot, 41/9 Gilo, Jerusalem 93384 Israel).

Стоимость годовой подписки в Европе 75 герм. марок, в США, Канаде и Израиле – 60 ам. долл., в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване – 70 ам. долл. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера – 12 герм. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Страна сегодня	1
Политическое обозрение	7
Как далеко мы уйдем? <i>Интервью с А.Бразаускасом</i>	22
<i>М.Белецкий.</i> После Вильнюса и Геташена	27
<i>Г.Амелин.</i> <i>А.Блюмбаум, Г.Пильщиков.</i> Краугольный кирпич нашего будущего	36 31
Письмо в редакцию	36
<i>С.Лёзов.</i> «Национальное» как ценность	38
<i>О.Савельзон.</i> Кто виноват и что делать?	40
<i>Л.Липсон.</i> Философия демократии	48
<i>Карл Поппер.</i> Оптимизм – вопреки Гегелю и Марксу	58
<i>Д.Шушарин.</i> Большевизм как социокультурный феномен	65
<i>Артур Кестлер.</i> Невидимые письма	83
<i>Говард Фаст.</i> Голый бог	94
<i>Т.Джесксон.</i> Южнокорейское чудо	107
<i>Э.Кернан.</i> Литература сегодня: крылья сломаны, мечты умирают	127
<i>Э.Йодер.</i> Известие о смерти литературы преждевременно	129
<i>О.Юрьев.</i> Отсутственное место	131
<i>Э.Белтов, Д.Юрасов.</i> 1937. Только факты, только имена...	137
Они еще не знали	141
<i>С.Максудов.</i> Каждому по его вере	142
<i>Б.Вайль.</i> Споры о прошлом	155
В конце номера	160

Das Land und die Welt e. V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München, 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514. Telex 5218017 umbt d. Telefax 534603

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

СТРАНА И МИР

Согласие на шанс

Помогите Советскому Союзу

Ельцин и КГБ

Мы продолжаем публикацию оценок событий в нашей стране, сделанных западными обозревателями и общественными деятелями. Одна из публикуемых заметок написана совместно гарвардским профессором Г.Аллисоном и известным советским экономистом Г.Ялиным. Статья президента Чехо-Словакии В.Гавела затрагивает, наряду с советскими проблемами, также и сходные проблемы бывших «социалистических стран».

ПРЕЖНИЙ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК УМИРАЕТ – ПОМОЖЕМ РОДИТЬСЯ НОВОМУ

Реалистично ли надеяться, что в течение ближайших одного-двух десятилетий Советский Союз сможет стать страной рыночной экономики? Многие говорят против этого. Психологические корни недемократического общества, не ориентированного на рынок, очень глубоки. Говорят, что русский крестьянин, узнав, что удачливый сосед приобрел себе корову, не стремится тоже купить корову, а постарается убить соседскую.

Консерватизм, укоренившаяся завистливость и пассивность, усиленные годами социалистического патернализма, сделали советских граждан плохо приспособленными для экономической и политической демократии. Противники демократии и рыночной экономики ревниво охраняют институты, олицетворяющие власть: армию, КГБ, внутренние войска, аппаратчиков центрального правительства и КПСС. Нечего и ожидать, что эти люди добровольно откажутся от власти. Напротив, следует ожидать прово-

каций, вплоть до использования вооруженной силы против конституционных правительств, как это уже случилось в Литве.

Все это может оказаться роковым для надежд на экономическую и политическую свободу.

Но подобно русской матрешке, внешне прочный футляр этих аргументов можно открыть и обнаружить внутри возможные альтернативы. Разлагающее влияние идеологии, культуры и психологии слабеет: если новый советский человек еще не родился, то, по крайней мере, старый является сейчас вымирающей породой. Провалы дискредитировали идеологию и практику. Коммунизм умер. Сейчас легче найти человека, искренне верящего в марксизм, в Кембридже (штат Массачусетс), нежели в Москве.

Резкий экономический спад заставляет граждан искать возможности выжить в опоре исключительно на самих себя. Чтобы добыть еду, аспирин или ботинки, их нужно искать, приходится заниматься натуральным обменом на «сером» рынке. Такое экономическое поведение, будучи легализовано, принесет выгоды как производителям, так и потребителям.

В этом году реакционеры неоднократно выступали открыто: в январе в Литве; против народной демонстрации в Москве в марте; с попыткой смещения Ельцина в апреле; на июньских выборах российского президента... Каждый раз реакционерам приходилось отступать. И хотя они еще могут действовать решительно, результаты их выступлений показывают всю пустоту отжившего режима.

На российских президентских выборах бывший премьер-министр И.Рыжков, защитник административно-командной экономики, выступал против курса Б.Ельцина на рыночную экономику. Его кампания

шла под лозунгом: «Голосовать за Ельцина – значит голосовать за капитализм».

Ельцин получил 60% голосов, Рыжков – 16%.

Наиболее мощная подземная сила в стране сейчас – это подъем национализма. Растущее национальное самосознание порождает требования независимости, создает угрозу распада страны. Но руководители и Союза, и республик, заглянув в пропасть, отступают назад.

Апрельское соглашение М.Горбачева и лидеров девяти крупнейших республик определило порядок переговоров о заключении нового Союзного договора, за которым должны последовать всеобщие выборы всех органов власти. Фактически установлено расписание для прорыва в направлении демократии в течение ближайшего года. Осталось только осуществить это соглашение.

Следующий шаг к демократии был сделан группой реформаторов во главе с Э.Шеварднадзе, объявившей о создании оппозиционного движения, бросающего вызов КПСС.

Сейчас и перед Горбачевым, и перед Ельциным вплотную стоят проблемы экономики. Только советские руководители могут выбрать решение, которое, по их мнению, лучше всего послужит интересам народа. Если они предпочтут решительно двинуться к рыночной экономике, им придется полагаться на советские ресурсы, собственную смелость и целеустремленность.

Какую же роль может играть при этом Запад?

Западные лидеры должны понять, что люди, производящие выбор, не имеют никакого опыта в рыночной экономике. Запад может, не вмешиваясь в советские внутренние дела, прояснить альтернативы, перед которыми стоят советские руководители. Западные лидеры должны понять,

Если советские руководители готовы избрать реалистическую программу быстрых преобразований в направлении рыночной экономики, Запад должен честно включиться в эту игру. Он должен вложить в эти преобразования свои моральные, интеллектуальные и, наконец, финансовые ресурсы, не только потому, что это в советских интересах, но и потому, что судьба Запада поставлена на кон. ●

*Г.Аллисон (Гарвард, США)
Г.Явлинский (Москва),
соавторы программы
«Согласие на шанс»*

«БОЛЬШЕ ВСЕГО ВЫ МОЖЕТЕ ПОМОЧЬ НАМ ТЕМ, ЧТО ПОМОЖЕТЕ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ»

Выступая в феврале 1990 г. на совместном заседании обеих палат Конгресса США, я сделал следующее замечание: «Я часто слышу вопрос: как могут Соединенные Штаты помочь вам сегодня? Мой ответ столь же парадоксален, как и вся моя жизнь: больше всего вы можете помочь нам тем, что поможете Советскому Союзу на его необратимом, но чрезвычайно сложном пути к демократии».

Обычно я не цитирую себя самого, но в последнее время, в преддверии встречи в верхах «Большой семерки» и участия в ней Михаила Горбачева, меня часто спрашивают, по-прежнему ли я придерживаюсь этой точки зрения и что, собственно, я имел в виду.

Чтобы объяснить мой положительный ответ на первый вопрос, я должен сначала ответить на второй.

*

Очень многие уверены, что я имел в виду экономическую помощь. Это не так, то есть экономическая помощь – это далеко не единственное, о чем я говорил. Я имел в виду, что в интересах моей страны, Европы, да и всего мира было бы помочь Советскому Союзу стать более свободным, более демократическим, более стабильным, причем упор должен быть сделан на демократию. Опыт послевоенного периода показал, что никакая экономическая помощь не сделает тоталитарную страну более процветающей, если только она не станет также и более демократической.

В начале 1990 г. Советский Союз все еще находился в нерешительности относительно того, куда он идет, и любая экономическая помощь скорее всего попала бы в бездонную бочку бюрократии, некомпетентности и коррупции. Теперь положение изменилось. Демократические силы пытаются организовать и осуществить радикальный разрыв с прошлым. Ведущими представителями этого направления являются бывший министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе и его коллеги из демократического лагеря.

Прогресс также был достигнут и на переговорах о новом Союзном договоре. Хотя его окончательная форма еще неясна, в одном можно быть уверенным: республики и политические и экономические реформы, которые они проводят, будут играть все большую и большую роль. Рос-

сийскому президенту Борису Ельцину вряд ли вновь придется проникать в кабинеты западных правительств через черный ход.

И наконец, сам М. Горбачев, по-видимому, сейчас более чем когда-либо привержен идее реформ.

Однако должны быть ясные гарантии того, что Советский Союз не вернется к своему тоталитарному, имперскому прошлому и не станет в будущем угрожать другим странам. В этом случае в ближайшие десятилетия может появиться шанс для демократии и мира.

Нечего и говорить, что существует риск того, что антидемократические силы возобладают в Советском Союзе вновь и любая помощь извне будет использована для поддержки отжившего режима.

Оценка появляющихся возможностей, а также риска показывает, какой должна быть помощь Советскому Союзу. Это должна быть помощь народу и политикам с демократическим мандатом, а не помощь бюрократам. Эта помощь должна быть обусловлена тем, что Советский Союз ясно продемонстрирует свою готовность не применять силу за пределами своей территории, и позволит соседям избрать свой собственный путь, включая также и те республики, входящие в нынешний Советский Союз, которые стремятся независимо определять свою судьбу — в особенности Латвию, Литву и Эстонию.

Эта помощь должна оказываться тысячами небольших порций, направленных в определенные области вновь создаваемой рыночной экономики, а не быть массивной, предназначенной для поддержки основных столпов рушащегося здания. В каждом отдельном случае решение должно зависеть от экономических достоинств проекта, а не от произвола центрального планирования.

В этой связи мы приходим к другому парадоксу. Как можно совместить очевидную необходимость в стабильности как Европы, так и Советского Союза с очевидным же стремлением многих народов к освобождению от центральной власти? Как можно совместить декларированный принцип территориальной ценности государств с принципом самоопределения наций? И если говорить о помощи, должна ли она быть направлена на поддержку первого или второго принципа?

На это нет легкого ответа, если не будет обеспечено больше демократии. В демократических странах существуют, по-видимому, тенденции как к интеграции, так и к диффе-

ренциации, как к увеличению самобытности регионов, так и к уменьшению значения границ. Если этот принцип применить к обширной территории Советского Союза, то придется, по-видимому, высказаться в пользу помощи наиболее перспективным регионам, островкам позитивного развития, которое позднее может распространиться на всю территорию, независимо от ее будущей внутренней структуры.

Конечно, возникает вопрос, что это за регионы и какая форма помощи будет для них наиболее подходящей.

Отсутствие опыта преобразования окостеневших тоталитарных режимов в действующие рыночные экономики с демократическими правительствами, равно как и размеры страны и ее населения, делают эту задачу почти неразрешимой. Но уже есть некоторые прецеденты — страны Центральной и Восточной Европы, которые уже необратимо вступили на путь к плюралистической демократии и рыночной экономике.

*

В течение 40 лет в этих странах существовал тот же самый тоталитарный режим, установленный в них Советским Союзом. После его свержения в ходе мирных народных революций им приходится иметь дело с такими же проблемами преобразования, приватизации и демократизации.

Пока наибольшего прогресса из всех этих стран добились, по-видимому, Чехословакия, Венгрия и Польша. С умеренной экономической помощью Запада эти три страны осуществили существенные перемены. Большинство западных аналитиков сейчас признают, что у этих стран есть все шансы на успех предпринимаемых ими усилий.

Если они преуспеют, то сам их успех будет также примером, образцом, масштабом для других стран региона, включая Советский Союз и народы Югославии, которая находится в процессе болезненного преобразования в новые формы.

Экономическая реформа в Чехословакии началась всерьез 1 января этого года, через 12 месяцев после победы демократических сил, при наличии сильного демократического мандата, полученного на свободных выборах. В этот день был снят контроль над ценами на большинство товаров и валюта стала конвертируемой, что открыло страну для рыночных сил.

Через несколько недель первые сотни тысяч малых предприятий, мастерских, магазинов и т.п. начали продаваться с аукциона. Крупная промышленность также

была подготовлена к приватизации. Было принято законодательство, открывающее страну для иностранных вкладчиков капитала и защищающее их вложения.

Сейчас, спустя полгода, уже получены обнадеживающие результаты.

После первоначального и вполне ожидавшегося резкого скачка цен ежемесячная инфляция сократилась до менее чем 2%, и есть все признаки ее дальнейшего сокращения. После первоначальной девальвации валюта стала устойчивой.

Даже до начала собственно приватизации новые совместные предприятия и акционерные компании обеспечили поступление в страну иностранных коммерческих инвестиций на сумму, превышающую 5 миллиардов долларов.

Несмотря на строгую финансовую политику правительства, включающую жесткий контроль над зарплатой, правительство пользуется широкой общественной поддержкой. Не было сколько-нибудь крупных общественных волнений или забастовок. Трехсторонние переговоры между правительством, предпринимателями и профсоюзами до сих пор привели к полюбовному урегулированию потенциальных конфликтов. Большинство населения решительно поддерживает преобразования.

Процесс в настоящее время входит в структурную и адаптационную фазу. Некоторые промышленные предприятия должны будут закрыться, другим придется пойти на серьезное изменение структуры капитала. Уровень безработицы, ныне составляющий около 3%, будет расти. Именно в этой решающей фазе мы не сможем обойтись без помощи наиболее развитых стран мира.

Одна форма помощи, по-видимому, будет особенно полезной: это расширение торговли между Западом и Чехо-Словакией (а также Венгрией и Польшей), дабы компенсировать крушение наших традиционных рынков в Советском Союзе и других странах бывшего СЭВ.

Чтобы защитить, по крайней мере частично, все еще хрупкую экономику и сбалансировать бывшую до сих пор односторонней ориентацию чехословацкой торговли, расширение торговли должно быть асимметричным в пользу чехословацкого экспорта на Запад, включая такие важные категории товаров, как текстиль, сталь и сельскохозяйственные продукты.

Вследствие относительной низкой конкурентной ценности наших товаров и ограниченной производительной способности объем нашего экспорта никогда не сможет серьезно угрожать внутренним рынкам или торговому балансу западных стран.

Это лишь часть нашей стратегии по интеграции Чехо-Словакии в семью европейских народов. К концу века мы надеемся стать полноправным членом Европейского Экономического Сообщества. Соглашение об ассоциированном членстве, которое сейчас обсуждается, должно предусматривать в будущем полное членство и проложить к нему путь. Оно должно также отражать первоначальную асимметрию торгового обмена и таким образом открыть европейские рынки для наших продуктов.

Мы приветствовали бы более гибкий подход Сообщества, дающий нам немедленный доступ на его рынки, ибо в самом ближайшем будущем мы столкнемся с огромными проблемами в процессе преобразования.

Соревновательная атмосфера европейского рынка поможет повысить качество наших товаров. Соглашение также откроет путь для широкого политического диалога и тесного сотрудничества со странами ЕЭС.

Наши друзья в Венгрии и Польше следуют той же самой стратегии. Мы полагаем, что мы скорее достигнем своих целей, сотрудничая с этими двумя странами, нежели конкурируя с ними.

*

Вследствие нашей длительной связи с советским рынком и вследствие сходного характера процесса преобразований изменения в Советском Союзе открывают для нашей экономики возможности, но и создают проблемы.

Советский Союз заинтересован в покупке наших товаров, но у него нет денег, чтобы за них платить. Возникающее в результате сокращение торговли между двумя странами грозит нарушить неустойчивое равновесие нашей экономики и уже привело к дальнейшему увеличению советского долга Чехо-Словакии, оцениваемого в 4 миллиарда долларов. Венгрия и Польша испытывают аналогичные трудности.

Большой помощью для Советского Союза и для нас было бы, если бы часть возможных западных кредитов Советскому Союзу была направлена на финансирование оплаты за наш экспорт в эту страну. Это та идея, которую министр иностранных дел Чехо-Словакии Иржи Динстбир развивал в прошлом году в Гарвардском университете. Польские и венгерские эксперты по внешней политике и экономике высказали свои варианты той же самой идеи. Некоторые ведущие западноевропейские банки изучают возможность подобных операций.

Тот же принцип может быть применен к продовольственной помощи, в которой

нуждается Советский Союз. Это поможет решить проблему наших сельскохозяйственных излишков без нарушения баланса уже насыщенных сельскохозяйственных рынков Запада.

Суверенитет стран Центральной и Восточной Европы никогда более не должен быть ограничен, что включает право этих стран на обеспечение собственной безопасности. Вывод советских войск из Германии и Польши имеет первостепенное значение, и нет никаких объективных причин для его отсрочки или замедления. Мирный вывод войск в результате взаимного соглашения — необходимое условие для полного восстановления суверенитета этих двух стран.

К сожалению, остатки старого имперского мышления все еще существуют в Советском Союзе. На это указывают разногласия относительно статей об обеспечении безопасности на переговорах о новых двусторонних соглашениях между Советским Союзом и Чехо-Словакией, Венгрией и Польшей, а также так называемая доктрина Фалина, печально напоминающая позорную доктрину Брежнева о советском вмешательстве для предотвращения отступлений от коммунизма.

Это тем более выглядит анахронизмом, что сам Горбачев придерживается более просвещенного взгляда на новые договоры, полагая, что они должны базироваться на Парижской хартии для новой Европы.

Мы никогда не разделяли взглядов некоторых советских политиков, приравнивавших Варшавский пакт к НАТО. Для нас НАТО является основным столпом европейской безопасности, дополненным другими институтами, такими, как Западно-

европейский союз и Конференция по безопасности и сотрудничеству в Европе. Американское присутствие на континенте было становым хребтом защиты свободы и демократии в течение 40 лет и на мой взгляд все еще необходимо. Оно не представляет угрозы Советскому Союзу, более того, гарантирует мир и стабильность всей Европе. Советский Союз должен с этим согласиться.

Я вынужден закончить еще одним парадоксом.

В нашем болезненном переходе к состоянию, которое большинство людей на Западе считает совершенно естественным, западные страны действительно более всего могут помочь нам тем, что помогут Советскому Союзу на его пути к демократии.

И в то же самое время Советскому Союзу в ходе еще более трудных преобразований западные страны, возможно, могут более всего помочь тем, что помогут Чехо-Словакии и другим странам Центральной Европы, — дабы показать, что это возможно и стоит затраченных усилий. Страны Центральной Европы могут стать центром стабильности и источником распространения демократических ценностей и благ для всего посткоммунистического региона. ●

Вацлав Гавел,
президент Чехо-Словакии

ВЕРНЕТСЯ ЛИ ЕЛЬЦИН ЗА ЛОШАДЬЮ?

Когда Борис Ельцин был первый раз в Вашингтоне, он советовал Соединенным Штатам, как вести дела с Советским Союзом. К счастью, мы его не послушали — к

счастью для нас, для советского народа и особенно для самого Бориса Ельцина.

Тогда Ельцин был главой оппозиции Михаилу Горбачеву внутри КПСС. В США он критиковал Горбачева и говорил, что в течение года Советский Союз может рухнуть. Так что, говорил он, поторопитесь и дайте Советскому Союзу ссуды, кредиты, технологию, постройте для нас миллионы квартир – спустите пар и, может быть, мы устоим. Он обрисовал нам свои собственные цели, если он когда-либо получит шанс переделать советскую экономику: 10–15% собственности приватизировать, 85–90% оставить государственной или коллективной.

Тогда, в сентябре 1989 г., США отклонили настоятельные рекомендации Ельцина и целого ряда советских и американских экспертов, которые тоже призывали Вашингтон поспешить с крупномасштабной помощью, дабы спасти Горбачева, чтоб потом не пришлось пожалеть об упущенном. Слушая Ельцина сейчас, я задаю себе вопрос, что произошло бы, если бы Соединенные Штаты последовали его совету подпереть тогдашние советские структуры. Безусловно, нынешний шанс радикальных изменений исчез бы на многие годы. Разумно предположить, что вновь усилившаяся коммунистическая машина не допустила бы такого бреда, как свободные выборы, только что сделавшие Ельцина президентом Российской республики.

Теперь он дает иной и более разумный совет. Он покончил с коммунизмом и социализмом – больше уже нет и речи о 10–15% частной собственности. Он рекомендует Вашингтону не оказывать помощи ни Кремлю, ни российской бюрократии. Правильно будет, говорит он теперь, действовать через частные вложения в частные предприятия.

Урок, который отсюда можно извлечь, состоит в том, что Ельцин был неправ, призывая Соединенные Штаты вмешаться в советскую историю посредством массивной помощи, которая сможет продлить жизнь остатков советской системы. С тех пор он прошел большой путь. Но до сих пор целое собрание американских и советских экспертов по экономике продолжает нам говорить, что есть лишь одна альтернатива: Горбачев либо катастрофа. Так что, дескать, следует поторопиться с миллиардами.

Нет, время для помощи настанет лишь тогда, когда мы сможем быть уверенными, что помощь идет не на спасение системы, которую советские люди презирают, и не в пользу коммунистических аппаратчиков,

внезапно обратившихся в капиталистическую веру. Советские люди заслуживают большего, чем только экономические перемены. Да, свободный рынок, но переход к нему может занять годы. США и другие западные страны сами до сих пор работают над устройством своего рынка.

Советские политические свободы – право голосовать, думать, писать, верить – могут прийти быстрее, и это важно и для мира за пределами советских границ. Демократии не воюют друг с другом.

Для советских граждан, которые боролись с коммунистической системой, когда Горбачев и Ельцин были еще ее частью, лакмусовой бумажкой является КГБ. Ни тот, ни другой не пошли в этом вопросе достаточно далеко: КГБ по-прежнему всемогущ. Через пять лет после прихода к власти Горбачев освободил большинство политзаключенных. Но глава КГБ все еще очень близок к нему – даже ближе, чем когда-либо.

В Вашингтоне Ельцин заявил, что КГБ – это монстр. Он сказал, что намеревается сократить его размеры и на территории России поставит его под собственный контроль. Он сказал, что надеется, что в один прекрасный день деятельность КГБ будет ограничена борьбой с преступностью и защитой прав человека. Миллионы русских, которых кагебистские судьи посылали в кагебистские тюрьмы, сочтут дурной шуткой идею превращения КГБ в отделение Международной лиги прав человека. Они не хотят ни нового главы КГБ, ни самого КГБ, а всего лишь отчета в его преступлениях.

Но у Ельцина есть нечто существенное, чего Горбачев не осмелился даже попытаться получить: поддержка русского народа через свободные выборы для себя самого и для провозглашенного им демократического пути. Ельцин покинул КПСС 12 июля 1990 г. Я ощущаю некоторое неудобство от того, что Соединенные Штаты лобызуют человека, долгое время бывшего коммунистическим лидером, с таким энтузиазмом, который следовало бы приберечь для жертв коммунизма. Но Ельцин был избран свободно и честно, и он олицетворяет надежду на еще большую меру свободы и честности в Советском Союзе.

Так что он заслужил дружеский шлепок по спине и прекрасную стетоскопскую шляпу, которую подарил ему сенатор Боб Доул. Когда Ельцин посетит нас вновь и скажет нам, что он уничтожил КГБ, мы подарим ему лошадь. ●

А. Розенталь,
редактор New York Times

Июнь 1941 года
Словения, Хорватия и другие
Досье

ПОЛВЕКА СПУСТЯ

Взгляд с другой стороны: война глазами немецкого историка

1. Малой кровью, могучим ударом

В 1938 г. «вторая империалистическая война», по мнению Сталина, была уже в разгаре: захват Абиссинии фашистской Италией, германо-итальянская интервенция в Испании, вторжение Японии в Центральный Китай, наконец, насильственный пересмотр Версальского договора, осуществляемый Третьим рейхом, – все это чрезвычайно обострило международные противоречия и накалило обстановку в Европе и на Дальнем Востоке. Сталин намеревался использовать эти противоречия в духе общей стратегии коммунизма, предначертанной Лениным: пусть империалисты (к которым равно причислялись и фашисты, и буржуазные демократы) перегрызут глотку друг другу, а затем в образовавшийся вакуум вклинится Советский Союз и добьется победы социалистической революции во всей Европе. Теория построения социализма в «одной отдельно взятой стране» отнюдь не означала отказа от надежд на мировую революцию. «Ясно, что пока существует капиталистическое окружение, – говорилось в Кратком курсе истории ВКП(б), автором которого позднее стал считаться сам Сталин, – опасность нападения на СССР будет сохраняться... Чтобы устранить опасность новой интервенции иностранных капиталистических государств, необходимо устранить капиталистическое окружение... Отсюда следует, что победа пролетарской революции в капиталистических странах отвечает жизненным интересам трудящихся СССР».

За «революционным подъемом» 1917–1923 гг. последовал «революционный спад», и молодое советское государство воспользовалось передышкой, чтобы подготовиться к новому приливу. Целью индустриализации было создать военно-промышленный комплекс и превратить Красную Армию в самую современную, оснащенную по последнему слову техники, армию мира. Необходимые для этого решения были приняты в Москве еще в 20-х годах, в эпоху, когда Гитлер и национал-социализм еще не представляли собой сколько-нибудь значительную политическую силу. В сборнике «Вооруженные силы СССР» под ред. М.В.Сахарова, выпущенном в ГДР в 1974 г., читаем: «С учетом международного соотношения сил советские военные теоретики пришли к выводу, что борьба с агрессивной империалистических сил против социалистического государства должна вестись со всей решительностью и бескомпромиссностью до полного уничтожения империалистических агрессоров».

Так родилась доктрина «ответного удара»: в случае империалистической агрессии Красная Армия нанесет сокрушительный контрудар, и исход войны будет решен на вражеской территории. Толкование понятия «империалистическая агрессия», само собой, остается прерогативой советского руководства.

В духе этой доктрины Советский Союз начал в 30-х годах производство соответствующего вооружения. Еще одна цитата из вышеупомянутого сборника: «В годы 1930–1931 советская оборонная промышленность выпускала 1911 артиллерийских орудий в год; в 1938 г. за год было произведено уже 12687 орудий. Производство винтовок в этот же период выросло со 174

тыс. до 1 млн. 174 тыс. в год, производство пулеметов – с 40892 до 74657. Авиационная промышленность выпустила в 1930–31 гг. 860 самолетов, в 1938 – 5469, из них более двух тысяч бомбардировщиков. Танковая промышленность увеличила за эти же годы свое производство с 740 до 2271 танков в год».

В 1939 г. представился случай продемонстрировать боевую мощь Красной Армии на Дальнем Востоке. В мае японские войска вторглись со стороны Маньчжурии на территорию Монгольской Народной республики в районе реки Халхин-Гол. После долгих боев против советско-монгольских войск японское командование решило начать 24 августа большое наступление силами 6-й Квантунской армии. Командующий советско-монгольскими вооруженными силами комкор Г.К.Жуков перехитрил японцев: 20 августа армейская группа, в составе которой находилось около 500 танков, более 500 самолетов и другое вооружение, нанесла противнику неожиданный удар; 6-я Квантунская армия была окружена и почти полностью уничтожена. Это был своего рода пролог ко Второй мировой войне.

2. Четвертый раздел Польши

Тем временем в Европе происходили события, следствием которых стало противостояние Третьего рейха Великобритании и Франции; вслед за аннексией Австрии и Судетской области рейх оккупировал в мае 1939 г. «остаток Чехословакии». Британское правительство пыталось вовлечь Польшу и СССР в большую антигерманскую коалицию. В Берлине забеспокоились. Пока англичане и французы силились переманить Сталина на свою сторону, советский диктатор дал понять немцам, что вопреки пропагандной риторике всех последних лет, он не возражал бы против идеи заключить соглашение между Германией и Советским Союзом. Для Гитлера и его министра иностранных дел Иоахима фон Риббентропа это был шанс вырваться из кольца изоляции, и они схватились за него. В то самое время, когда на Дальнем Востоке решалась судьба 6-й Квантунской армии, 23 августа 1939 г. Риббентроп и Молотов подписали в Москве германо-советский договор о ненападении; в дополнительном секретном протоколе предусматривалось разделение Европы на германскую и советскую зоны влияния. Раздел Польши, четвертый в истории этой страны, который был подлинной, хотя и не обсуждаемой вслух, целью германо-советского сотрудничества в двадцатые

годы, теперь стал реальностью. Кроме того, были заключены соглашения об экономическом сотрудничестве, – они позволили Германии обойти блокаду западных держав и удовлетворить потребности германской экономики в сырье за счет поставок из СССР. Дело в том, что ни экономика страны, ни состояние вооруженных сил еще не позволяли германской империи вести войну.

Что касается западных держав, то без Советского Союза они были не в состоянии эффективно помочь Польше. Менее чем за три недели сентября 1939 г. вермахт раздавил польские вооруженные силы; после этого Красная армия вступила в Восточную Польшу. Оба тоталитарных режима учредили на оккупированных территориях свой порядок, основанный на подавлении и терроре; польское государство прекратило свое существование. Новый германо-советский союз был скреплен 28 сентября 1939 г. договором о дружбе и границах.

Если до сих пор германская империя вследствие недостаточно высокого уровня вооружений не имела реальных шансов победить в войне против коалиции, состоявшей из Англии, Франции, Польши и СССР, то теперь, в результате того, что Сталин качнулся в другую сторону, установилось военное равновесие между Германией и Италией, с одной стороны, и Англией и Францией – с другой. Сталин рассчитывал на то, что «империалисты» истощат свои силы в войне друг с другом. Предпосылкой для такого хода дел должна была стать благосклонность СССР по отношению к Гитлеру. Учитывая свое географическое и стратегическое положение, Германия могла вести победоносную войну против западных стран, только имея за спиной надежный тыл и обеспечив себя сырьевыми ресурсами; Сталин обеспечил Гитлеру и то, и другое. Правда, неожиданно быстро закончившийся французский поход в мае–июне 1940 г. грозил нарушить расчеты Сталина: Германия вышла из войны отнюдь не обессиленной, наоборот, она стала еще могущественней. Однако Великобритания, хотя и оказалась в критическом положении, не сложила оружия. Война продолжалась, и вдали уже маячил призрак нового грозного участника – Соединенных Штатов Америки.

3. Молотов в Берлине

После победы немцев над Францией отношения между Берлином и Москвой ухудшились. Чтобы сравнить империалистов, заставить их хорошенько поколотить

друг друга, Советскому Союзу следовало поддерживать того, кто в данный момент оказался слабейшим, но теперь Германия оказалась себе большую часть европейского континента и была отнюдь не слабейшей стороной. Отсюда логически следовало, что Москва должна искать сближения с Лондоном; именно этого опасался Гитлер.

После раздела Польши Советский Союз не терял времени даром. Зимой 1939–40 гг. было совершено нападение на Финляндию. Правда, Красная Армия произвела неважное впечатление, но на фоне блестящей победы у Халхин-Голя это было, возможно, обманным маневром. Как бы то ни было, часть финской территории была аннексирована. Далее были проглочены три прибалтийских государства и отобрана у Румынии Бессарабия. Территории с общим населением 23 млн. человек стали новыми советскими республиками. Летом 1940 г. продолжалось давление Москвы на Финляндию и Румынию. Но оно уже было чревато конфликтами СССР с германским рейхом, так как финские никелевые разработки и румынская нефть были абсолютно необходимы для нужд немецкой военной промышленности.

Дабы устранить столкновение интересов, Гитлер пригласил народного комиссара иностранных дел Молотова для переговоров в Берлин. С осени 1939 г. Гитлер склонялся к мнению, что Сталин расширялся со своими всемирно-революционными амбициями; ныне, как казалось, Сталин отстаивает национальные, русско-имперские интересы. Два великих националиста, казалось, всегда могут между собой договориться. Завоевание «жизненного пространства» на Востоке начало для Гитлера терять свою привлекательность с тех пор, как Германия подмяла под себя европейский континент, сделав возможным образование самостоятельного европейского экономического региона.

Германский диктатор делал надежду заставить Сталина присоединиться к пакту трех держав; ось Берлин–Рим–Москва–Токио была бы непобедимой и могла бы с легкостью одолеть объединенных англичан. Нужно было согласовать интересы всех четырех держав, погасить все конфликты. Гитлер намеревался направить экспансионистские устремления СССР в сторону Индии и Персидского залива, в области, которые остальные участники планируемой коалиции не интересовали.

Визит Молотова состоялся 12–13 ноября 1940 г., однако советский представитель не пошел на уступки; напротив, он с необычным упорством отстаивал интересы СССР в Финляндии и Румынии. Гитлер

примириться с этим не мог: слишком важны были сырьевые ресурсы этих стран для военной промышленности рейха, без румынской нефти он просто не мог воевать. Хуже того: Молотов предъявил претензии на Скандинавию и Балканы. Если бы советское влияние распространилось на эти регионы, Германия оказалась бы в зависимости от Советов.

Ей грозила, таким образом, опасность быть размолотой между двумя жерновомы. Визит Молотова в Берлин стал поворотным пунктом в предыстории Второй мировой войны. Гитлер рассчитывал на прочное равновесие интересов на Востоке, теперь же война с Россией представлялась неизбежной. Ухудшение отношений с СССР наметилось уже в конце июля 1940 г.; именно в это время Гитлер поручил командованию вермахта разработать план военного вторжения в СССР. Восемнадцатого декабря Гитлер подписал «план Барбаросса».

4. Была ли война неожиданной?

Уже через одиннадцать дней решение Гитлера стало известно генеральному штабу Красной Армии: советские разведывательные службы блестяще выполнили свою задачу. Нельзя представить себе что-либо более далекое от действительности, чем легенду о «внезапном и вероломном» нападении на СССР. На самом деле советское руководство было достаточно подробно информировано о готовящейся войне. Сегодня об этом можно прочесть и в советских публикациях.

Вот краткое резюме полученной информации.

Генштаб знал из заслуживающих доверия источников: 1) о том, что германское правительство приняло решение развязать войну с Советским Союзом; 2) о политических целях и стратегических замыслах Гитлера и его окружения; 3) о силах и средствах, которыми располагает Германия для нападения; 4) о конкретном плане ведения войны; 5) о перегруппировках и передвижении войск вблизи границ СССР. Вся эта информация была накоплена в 1940 г. и в первую половину 1941 г.

В декабре 1940 года, то есть ко времени, когда о «плане Барбаросса» стало известно генеральному штабу, в Москве под председательством наркома обороны С. Тимошенко состоялось совещание высших командиров РККА по стратегическим вопросам; в отношении того, как должна будет выглядеть стратегия СССР, царил полное единодушие: «Накануне Великой Отечественной войны советская военная

доктрина не стояла перед альтернативой – отдать предпочтение оборонительной или наступательной стратегии. Эта доктрина покоилась на твердом убеждении, что основной метод ведения войны – наступление, ибо только оно гарантирует победу... Упор при этом делался на мощный фронтальный удар с проникновением вглубь и прорывом стратегического фронта противника, что должно было создать предпосылки для уничтожения сил противника по частям... Тем самым высшее советское командование фактически оставило без внимания вопросы стратегической обороны, поскольку оно рассматривало будущие операции Красной Армии почти исключительно как наступательные» («История Второй мировой войны» под ред. А.Гречко и др., том 3, 1973).

Начиная с лета 1940 г., вся страна лихорадочно готовилась к войне. Военная промышленность неуклонно наращивала темпы производства, численность советских вооруженных сил с 1939 г. до начала войны увеличилась в 2,8 раза. В мае 1941 г. было призвано 800 тысяч резервистов, дивизии и корпуса западных пограничных военных округов получили приказ придвинуться к границе, здесь же были построены командные и наблюдательные пункты; со второй половины мая началось перемещение войск из внутренних регионов страны.

5. Канун

К этому времени Германия успела сосредоточить вблизи границы 80 дивизий, в том числе всего лишь три танковых дивизии. Танковые дивизии представляли собой острие наступательных операций вермахта, поэтому до тех пор, пока они не были собраны в кулак, возможность немецкого наступления практически исключалась. Из общего числа 17 танковых дивизий, предназначенных для наступления, 14 были передвинуты на исходные позиции между 1 и 22 июня; хотя скрыть подготовку к наступлению было уже невозможно, были приняты меры к тому, чтобы Советы как можно дольше оставались в неведении относительно конкретных намерений немцев. Советский генштаб пристально следил за всеми этими передвижениями. Пятнадцатого мая нарком обороны С.Тимошенко и начальник генерального штаба Г.Жуков докладывали Сталину:

«Принимая во внимание, что в настоящее время Германия имеет отмобилизованную армию и мощный арьергард, существует возможность того, что она нас предупредит и нанесет удар. Чтобы предотвратить это, считая необходимым не

дать германскому командованию никакой возможности захватить инициативу, считая необходимым предупредить противника и начать наступление в момент, когда германская армия еще находится в стадии развертывания».

Как бы ни толковал фразу о том, что Германия может нас «предупредить» (предупредить что?), из этого документа совершенно ясно одно: Красная Армия стояла на западной границе СССР в боевой готовности и могла перейти в короткое время к активным наступательным операциям. Жуков зарекомендовал себя еще на Халхин-Голе как мастер внезапного удара. Оценка ситуации, данная Жуковым и Тимошенко, совпадает с оценкой Гитлера. В ноябре 1941 года Гитлер говорил о положении, сложившемся к весне этого года, следующее:

«Я следил за каждым движением нашего великого противника на Востоке... Непрерывно наблюдая за ним, я был готов в любой момент, когда будет ясно, что противник ринется на нас, в свою очередь атаковать, при необходимости – в течение 24 часов. К середине июня появились угрожающие признаки, а во второй половине июня уже не осталось сомнений, что вопрос идет, может быть, о днях, может быть, о неделях (речь перед «старой гвардией» 8 ноября 1941 г.).

Вермахт и Красная Армия стояли, ошестившись, друг против друга, и обе стороны знали, что преимущество будет у того, кто ударит первым.

Пресса нейтральных стран уже подробно писала о предстоящей германо-советской войне, когда Сталин заверил 13 апреля германского посла Ф.Шуленбурга: «Мы должны оставаться друзьями». В последние месяцы перед началом войны Сталин стремился создать впечатление, что он хочет при любых обстоятельствах избежать конфликта с Германией. Но кому или чему должны были верить командование вермахта и германский диктатор: словам Сталина или его делам? Данные воздушной разведки и наземных информационных служб не позволяли усомниться в готовности советской стороны к наступательному маршу. Особенно массовое сосредоточение войск было отмечено на границе с Румынией; молниеносное овладение румынскими нефтяными приисками означало бы для германского рейха неминуемое поражение.

Если бы Сталин действительно стремился всеми возможными средствами избежать военного столкновения с рейхом, он мог бы распорядиться об отводе своих армий к старым западным границам страны, позади надежной линии укреплений

(«линии Сталина»), с тем, чтобы широкая полоса между старой и новой границей оставалась под охраной лишь групп прикрытия. Это разрушило бы немецкие планы, состоявшие в том, чтобы окружить и парализовать основную массу советских войск, сосредоточенную вблизи новой границы.

6. Начало

Двадцать первого июня 1941 г. ситуация выглядела так:

На немецкой стороне – три войсковых группы со 123 дивизиями, в том числе 17 танковыми. Кроме того, 35 дивизий союзников Германии. После начала войны до середины июля к этим силам присоединились резервы: 22 пехотных и 2 танковых дивизии. Четыре группы танковых войск вермахта располагали 3300 боевыми машинами. Воздушные силы состояли из трех флотов с общим количеством 2000 самолетов.

Советский Союз. В западных пограничных военных округах стоял Первый стратегический эшелон: пять фронтов со 170 дивизиями. Он располагал 1475 новыми танками КВ (в то время – самая передовая конструкция, технический шедевр, которому вермахт практически не мог противопоставить что-либо подобное; легендарные германские «Тигры» и «Пантеры» появились лишь в 1943 г.). Кроме того, советский Первый эшелон включал более 10 тысяч танков других типов. Воздушные силы имели 1540 боевых самолетов новейшей конструкции и несколько тысяч машин старого образца. Позади Первого стратегического эшелона войск стоял Второй эшелон – 7 армий, в состав которых входило не менее 70 дивизий и 8000 танков. (Все цифры – по данным цитированной выше «Истории Второй мировой войны»; данные о количестве немецких войск суммированы в кн. A.Philippi u. F.Heim, «Der Feldzug gegen Sowjetrussland», 1962).

Этот Второй эшелон начал свое передвижение вперед еще 13 июня, до 10 июля он должен был переместиться к западной границе. Тогда у Красной Армии было бы свыше 240 дивизий с 29 мотомеханизированными корпусами, 20000 танков и намного больше 10000 самолетов.

В июне 1941 г., перед самым началом войны, Сталин составил (или подписал) текст, известный под названием «О задачах политической пропаганды в Красной Армии в настоящее время». Там говорилось:

«Новые условия, в которых живет наша страна, современное международное положение, чреватое непредвиденными собы-

тиями, требуют революционной решимости и постоянной готовности перейти к сокрушительному наступлению на врага... Все виды пропаганды должны иметь единую цель... должны быть направлены на правильное ведение наступательной и всеокрушающей войны... Бойцов следует воспитывать в духе активной ненависти к врагу, воспитывать в них стремление вступить с ним в схватку, воспитывать готовность защищать нашу Родину на территории врага и нанести ему смертельный удар. Весь личный состав Красной Армии должен осознать, что возросшая политическая, экономическая и военная мощь Советского Союза позволяет нам вести наступательную внешнюю политику, решительно устранять военные очаги у наших границ и расширять нашу территорию».

Едва ли этот документ может служить доказательством мирных намерений Сталина или хотя бы того, что он вел курс на оборонительную войну.

За несколько часов до нападения на СССР Гитлер писал Муссолини (трудно предположить, чтобы он в этом случае водил дуче за нос):

«Пишу Вам это письмо в минуту, когда многомесячные раздумья... привели, наконец, к тяжелейшему решению моей жизни. Я считаю, что после того, как мне представили последнюю русскую стратегическую карту, и с учетом многочисленных других донесений, я больше не могу взять на себя ответственность за дальнейшее выжидание, и я считаю прежде всего, что другого пути для устранения этой опасности нет, разве что выжидать и дальше, но рано или поздно, не в этом, так в следующем году такая тактика приведет к гибели».

До сего дня остается без удовлетворительного ответа вопрос: почему Сталин и советский генеральный штаб, располагая точной информацией о подготовке немцев к войне, дали себя захватить врасплох? Почему нападение выглядело такой неожиданностью для советского диктатора и его армий? Советскими информационными службами было перехвачено множество сообщений, указывавших на то, что начало «операции Барбаросса» планируется на вторую половину июня. Видимо, Сталин полагал, что немецкое наступление начнется позже, но на чем основывалось это предположение?

Быть может, ключ к решению загадки содержится в письме Молотова, которое он направил Сталину после переговоров с Гитлером в Берлине 12 ноября 1940 г. «Гитлер ищет нашей поддержки в борьбе против Англии и ее союзников, – докладывал Молотов. – Нам следует ждать обо-

стрения конфликта между ними. Гитлер колеблется. Он не решится вести войну на два фронта. Я считаю, что у нас есть резерв времени...».

Очевидно, Сталин и Молотов были убеждены, что Гитлер начнет войну с Советским Союзом только после перемирия или достижения какого-нибудь соглашения с Великобританией. Но такого соглашения никогда не могло быть. Когда в течение июня 1941 г. германские танковые дивизии сосредоточились на советской границе и намерения немцев уже невозможно было скрыть, менять советскую диспозицию было уже поздно. Фактически Гитлер лишь 5 июня дал свое согласие на сроки заключительного и решающего подтягивания сил, которые однозначно предопределили момент нападения. Двадцать второго июня вермахт ударил по еще не закончившей свое наступательное продвижение Красной Армии и увлек Советский Союз в катастрофу лета сорок первого года. ●

Вальтер Пост (Мюнхен)

РАЗВОД ПО-ЮГОСЛАВСКИ

В 6 часов вечера после войны

Начиная с четверга 4 июня крупнокалиберное оружие в Югославии молчало, — подразделения Югославской народной армии (ЮНА), ввязавшиеся в бой на территории Словении, были отведены на исходные позиции. Возникшая передышка явилась хорошим поводом для подведения первых, конечно же, предварительных итогов той военной авантюры, каковой явилась попытка военного командования Югославии вооруженным путем остановить процесс отделения Словении и Хорватии и восстановить единство федерации.

Первый и по-своему наиболее неожиданный результат: военная кампания обернулась унижительным поражением федеральной армии. Целью наступления ЮНА было восстановление контроля Белградского правительства над пограничными пунктами на словенско-австрийско-итальянской границах. Бой велся с переменным успехом, но в конце концов все без исключения пограничные посты оказались в руках подразделений словенской территориальной обороны. Несмотря на колоссальный перевес в вооружениях и в технических средствах ведения войны, ее исход оказался для ЮНА плачевным: значительная часть боевой техники перешла в руки словенцев в виде трофеев, до одной трети

личного состава было взято в плен или перебежало на сторону Словении.

Вторым неутешительным для Белграда итогом этой короткой войны, стал радикальный сдвиг в позиции Запада по отношению к будущему Югославии. Если накануне военных действий эта позиция сводилась к безусловной поддержке единства федерации, то к моменту их окончания верх взяла идея международного признания независимых Словении и Хорватии. Возможность дипломатического признания отколовшихся республик стала важным инструментом нажима на зарвавшихся белградских генералов, равно как и угроза экономической блокады и эмбарго на поставку вооружений Югославии. В результате военных действий в Словении югославский конфликт оказался в фокусе европейской политики: на экстренном заседании в Праге новосозданный «Совет безопасности» Хельсинкского совещания принял решение направить в Югославию своих наблюдателей. Этот шаг привел в чувство генералов из Белграда и помешал им предпринять вторую попытку военного решения конфликта.

Третий итог затихших сражений: позиции республик, добивающихся независимости от Белграда, значительно укрепились. На переговорах с представителями федерального правительства и армии словенское руководство добилось вполне приемлемого компромисса: выработан механизм постоянных контактов, который поднимает отношения между Словенией и Югославией на уровень почти межгосударственных. При этом Словения не уступила ни одной позиции: ни в вопросе о пограничных постах, ни в вопросе о полном суверенитете. Словения отказалась даже временно отменить какие-либо законодательные акты, направленные на достижение независимости. Она лишь согласилась не предпринимать шагов в этом направлении на период переговоров об условиях разъединения — если таковые будут начаты.

Четвертый итог: чуть ли не навязанной Белградом гражданской войны: фактический развал некогда единого фронта сторонников неделимой Югославии. Причем трещины побежали по всему монолиту лагеря федералистов. Несогласие выявилось между гражданским правительством и армейской верхушкой. Возникли разногласия и внутри самой армейской верхушки — например, между министерством обороны Югославии и генштабом ЮНА. Как иначе расценить принятие армией всех условий прекращения огня буквально на утро после драматического выступления по Белградскому телевидению началь-

ника генштаба генерала Аджича, формально объявившего войну Словении до победного конца? Глубокая трещина пролегла в эти дни между сербским офицерством, особенно высшим, и населением Сербии, которое, как оказалось, гражданской войны вовсе не желает. И пока сербские офицеры спешно создавали в Белграде новую марксистско-ленинскую партию самого догматического пошиба, жители сербской столицы проводили на улицах многочисленные антивоенные демонстрации под лозунгом «Титоисты вон из Сербии!»

В самые последние дни перед перемирием военные авантюристы из Белграда растеряли даже традиционных союзников в официальных республиканских структурах Югославии. Если раньше руководство Македонии и Боснии-Герцеговины пытались соблюдать нейтралитет в конфликте между сербским и хорватско-словенским лагерями, то сейчас оно открыто поддержало последних. Более того, даже традиционно верная Белграду Черногория отмежевалась от федеральной армии, запретив своим гражданам участвовать в военных действиях против Словении. Под впечатлением словенского успеха парламент Черногории принял ряд весьма фрондерских резолюций, отражающих, надо полагать, нежелание и этой республики оставаться на тонущем корабле. В таких условиях за старую неделимую Югославию успешно не повоюешь!

Худой мир лучше доброй войны

Переговоры, которые стороны югославского конфликта вместе с представителями Европейского Сообщества провели 6–7 июля на острове Бриони, оказались трудными, но, в конечном счете, и плодо-

творными, – подписано соглашение, предусматривающее немедленное прекращение огня и согласованы принципы, в рамках которых будет решаться дальнейшая судьба Югославии.

Европейская «тройка», осуществляющая посреднические функции, на этот раз состояла из министров иностранных дел Нидерландов, Люксембурга и Португалии – соответственно, Ван дер Брука, Жака Пооза и Жуана Пиньейру. Конфликтующие стороны были представлены руководителями разных уровней: Хорватия и Словения – своими президентами Туджманом и Кучаном, Сербия – почему-то не президентом Милошевичем, а представителем республики в федеральном Президиуме Йовичем. Точку зрения Президиума СФРЮ как высшего органа государственной власти представлял на Брионской встрече его председатель, хорват Стипе Месич, избранный на этот пост совсем недавно и водрузившийся в свое кресло в результате посреднических миссий предыдущих европейских «троек». Эти-то деятели после 16 часов утомительных переговоров и подписали всех устраивающее соглашение, которое министр иностранных дел Югославии Будимир Лончар даже окрестил «началом новой эры в истории страны».

Чтобы понять, какая из сторон выиграла, посмотрим, к чему же пришли стороны в результате переговоров. Представитель Словении с легким сердцем согласился выполнить два условия всеобъемлющего компромисса: полное прекращение военных действий, с которым связаны устранение баррикад и противотанковых заграждений на улицах Любляны, возвращение войсковых частей в казармы, а также освобождение военнопленных. Словенские

ополченцы из территориальной обороны, за отсутствием собственных казарм, просто разошлись по домам до объявления новой тревоги. Баррикады улиц Любляны не красят, и их с удовольствием разобрали. Что же касается военнопленных, общая численность которых к концу боевых действий достигла двух с половиной тысяч, то сами словенские власти смотрели на них как на ненужную обузу. Так что пленных несербского происхождения еще до всяких соглашений отправили по домам, а с сербов, отпускаемых на волю в соответствии с соглашением о прекращении огня, взяли подписку о невозвращении на военную службу.

Гораздо труднее дался компромисс в вопросе о контроле над границей и о моратории на Декларацию независимости Хорватии и Словении. И так, все 27 контрольно-пропускных пункта Словении к концу боев оказались в руках республиканской территориальной обороны. Но Президиум СФРЮ в ультимативной форме потребовал передать их под контроль федеральных погранично-таможенных властей, не указав, однако, какие меры будут приняты в случае невыполнения этого требования в установленный срок – до полудня 7 июля. Посредникам из Европейского Сообщества президент Словении Милан Кучан изложил свою позицию весьма доходчиво: Словению хотят заставить отказаться от контроля над своими границами для того, чтобы затруднить ее международное признание – Любляна, мол, не контролирует территорию республики. Этот аргумент посланцы из Европейского Сообщества сочли вполне серьезным. В результате компромисс выглядит так: Словения и впредь будет осуществлять погранично-таможенный контроль на своих границах, но взимаемые пошлины будет переводить в федеральную казну – до окончательного урегулирования с Белградом. Такое решение укрепляет позиции Словении в вопросе о международном признании республики.

В том же направлении работает и последний из достигнутых на Брионе компромиссов. Руководство Сербии и Президиум СФРЮ очень надеялись, что предварительным условием переговоров о будущем устройстве Югославии станет восстановление «статуса-кво», то есть возврат к положению, существовавшему к моменту начала конфликта. Иными словами, они самым решительным образом требовали отмены деклараций о независимости Словении и Хорватии. Словенцы же считали, что после гражданской войны и человеческих жертв отказаться от суверенитета невысказано и

согласились только на то, чтобы не предпринимать в течение какого-то ограниченного срока новых шагов, направленных на реализацию Декларации о независимости. Европейская «тройка» первоначально склонялась на сторону Белграда, но на остров Бриони она приехала уже под впечатлением общего сдвига настроений в Европе в пользу международно-правового признания Словении.

Принятое соглашение, которое до мелочей повторяет словенскую позицию, распространяется и на Хорватию. Начиная с 1 августа (когда должны начаться переговоры о будущем государственном устройстве Югославии) и на протяжении последующих трех месяцев Словения и Хорватия не станут предпринимать новых шагов по укреплению своей независимости. Все это выгодно Словении, – будет урегулирован в этот период вопрос о разьединении – прекрасно, не будет – она снова начнет в одностороннем порядке добиваться независимости. Во всех случаях международное сообщество больше никогда не сможет упрекнуть ее в несговорчивости. В течение же этих трех месяцев – и в этом тоже Брионское соглашение целиком повторило позицию Словении, которую долго не мог переварить Белград – за миром под югославскими оливами будут наблюдать от 30 до 50 военных и штатских представителей ЕС.

Итак, Брионские соглашения фактически исключают вероятность еще одной попытки военного решения кризиса и заметно приближают Словению к международному признанию.

Каждый за себя

Парламент Словении абсолютным большинством голосов ратифицировал Брионские соглашения. И хотя обе стороны конфликта тут же начали обвинять друг друга в нарушении взятых на себя обязательств, можно предположить, что в основном соглашение о перемирии будет соблюдаться – тем более, что в район конфликта уже прибыли военные и штатские наблюдатели Европейского Сообщества. Если не обращать внимания на почти ежедневные вооруженные стычки в сербскохорватском пограничье, в которых, разумеется, гибнут люди, то можно рассчитывать на три месяца передышки, гарантированных Брионским соглашением, и, пользуясь затишьем, поразмыслить о будущем Югославии.

Президент Словении Милан Кучан, считает, что три месяца в течение которых Словения обязалась заморозить действие Декларации о независимости, и есть тот

срок, который отделяет республику от полной государственной самостоятельности. Многие говорят в пользу этого предположения. Сначала общественное мнение, а затем и политические круги Запада созрели для международного признания Словении. Вот факты такого рода: требование признания Словении содержится в резолюциях недавно проходивших съездов Либерального и Социалистического Интернационалов. Внутри нынешней Югославии множатся признаки того, что с отпадением Словении смирились (или склоняются к этому) даже те республики, которые еще недавно противились самой мысли об отделении: Черногория и Сербия. Корреспонденту агентства «Associated Press», к примеру, из правительственных источников в Любляне стало известно, что словенцы «поддерживают контакты» с руководством Сербии, пытаясь закрепить удачные для себя итоги гражданской войны. И судя по всему, дело идет на лад: даже твердолобый федералист – сербский президент Слободан Милошевич, еще недавно настаивавший на единстве-неделимости Югославии, в драматическом телевещании неожиданно заявил, что «федерация обойдется и без тех, кто решил покинуть ее, и даже выиграет от их ухода».

Что касается Хорватии, то ее положение сильно отличается от положения Словении. В действиях двух республик нет и намек на согласованность, если не считать того, что Хорватия в последнюю минуту решила декларировать свою независимость в тот же день, что и Словения – 25 июня этого года. В остальном, как это не удивительно, в отношениях между республиками царит недоверие и взаимная подозрительность. Словения затаила на Хорватию «зуб», после того, когда та не пришла ей на помощь, предоставив северным соседям в одиночку отбиваться от наседающей ЮНА. Хорват Стипе Месич, заняв должность председателя Президиума СФРЮ, сильно разочаровал словенцев, фактически присоединившись к антисловенскому фронту. За это люблянская печать тут же навесила на него ярлык «клоуна» и «марионетки ЮНА». «Мы не можем отделаться от впечатления, – заявил член Президиума парламента Словении Матиаж Кмецл, – что Месич и другие (понимай: другие члены Президиума федерации) подчинились воле генералов». Раздражает словенцев и двойная, по их мнению, игра Хорватии: с одной стороны, она объявила о независимости, а с другой – не отзывала своих представителей ни из Президиума СФРЮ, ни из правительства (Словения, демонстрируя последователь-

ность, сделала и то, и другое). В настоящее время Хорватия хорошо представлена на самом высоком федеральном уровне: кроме президента страны – Стипе Месича – хорватами являются также премьер-министр Анте Маркович и министр иностранных дел Будимир Лончар.

Решив для себя вопрос окончательно и бесповоротно, Словения, естественно, предпочла бы видеть в Хорватии надежного союзника. Поэтому время от времени Любляна пытается выжать из Загреба вразумительный ответ на свои сомнения. Министр информации Словении Йелко Качин предпринял такую попытку в заявлении для печати: «Хорватии пора определиться и решить для себя, в каких пределах она независима, – сказал он. – Ведь и нам хочется знать, граничим ли мы на юге с Хорватией или все-таки с Югославией? Ответить на этот вопрос может только Загреб».

Но Загреб с ответом не торопится. Там понимают, что фокус югославского конфликта неотвратимо смещается на ее территорию. Знают в Хорватии и то, что в последние дни Сербия провела масштабную мобилизацию, что позволило ей поставить под ружье дополнительно 200 тысяч человек. А этот факт не предвещает для нее ничего хорошего.

Эндшпиль в цейтноте

К середине июля стало очевидно, что центристские силы в Югославии потерпели поражение. ЮНА, потеряв над собой всякое политическое руководство, а, заодно, и право действовать от имени федерации, одичала и стала все заметней сливаться с сербскими «бандоформированиями». Правительство СФРЮ, все более призрачное и наделенное никому не известными полномочиями, не жалеет язвительных слов в адрес беспомощного Президиума федерации, заседания которого попеременно бойкотируются то сербскими, то хорватско-словенским лагерем. И даже в тех редких случаях, когда неполный состав Президиума образует искомый кворум, его решения единодушно игнорируются всеми заинтересованными сторонами. Последний грозный указ Президиума, оказавшийся на поверку очередной новогонней хлопушкой, предлагал в ультимативном порядке разоружиться всем «незаконным военным формированиям», хотя применительно к сегодняшней Югославии термин «законность» производит скорее комический эффект. Председатель Президиума СФРЮ Стипе Месич, памятуя о том, что в верховном органе власти он представляет все-таки родную Хорватию,

сам же и поставил под сомнение серьезность указа, подчеркнув, что он не распространяется на Национальную Гвардию Хорватии. Срок исполнения Указа был назначен до полуночи 18 июля, и истек, не вызвав к себе ни малейшего интереса. В эти дни не вооружается в Югославии только ленивый, и стоит привести выборочный перечень действующих в стране формирований, сознавая, что через какое-то время и он окажется неполным:

- Войска территориальной обороны Словении. Примерно 40 тысяч бойцов, вооруженных автоматами, а ныне и трофеями, отбитыми у ЮНА.

- Национальная Гвардия Хорватии. Семьдесят тысяч бойцов, вооруженных автоматами, РПГ, а также каким-то количеством тяжелых вооружений.

- Резервисты хорватского МВД, общим числом около 22 тысяч человек. При мобилизации их численность легко доводится до 30-40 тысяч человек. На вооружении у них, среди прочего, есть и какое-то количество ракет класса «земля-воздух».

- Резервисты МВД Сербии. Численность неизвестна. Впервые о резком увеличении численности республиканской полиции президент Сербии Милошевич сообщил 16 марта этого года, а 6 июля он же заявил, что «по численности и уровню военной подготовки эти силы превосходят все, чем располагает потенциальный противник».

- Сербские «четники». Сравнительно новое, но быстро растущее формирование, опирающееся на традиции времен Второй мировой войны. Рекрутирование в отряды «четников» открыто ведется в университетских и рабочих районах Белграда. Именно «четники» ведут сейчас партизанскую войну в населенных сербами районах Хорватии.

- Полицейские и парашютно-десантные подразделения Автономной сербской области Краина с административным центром в городе Книн (в 80 километрах от адриатического побережья Хорватии). Численность неизвестна, вооружение с армейских складов.

- Ополчение правящей в Хорватии партии «Хорватское демократическое сообщество». По данным Белграда, ополчение имеет на вооружении несколько десятков тысяч автоматов Калашникова, поставленных Венгрией, и миллионы патронов к ним.

- Народное ополчение населенных сербами восточных районов Хорватии, именуемых Славонией, а также сербское меньшинство области Лука, окружающей хорватский город Задар. Численность точно неизвестна, вооружение - армейское.

- Поголовно вооруженные сербы в провинции Косово. Полиция этого в прошлом автономного края, населенного на девять десятых албанцами, формируется исключительно из сербов.

- Албанское подполье в Косово, активно готовящее народное восстание против «сербских угнетателей». Вооружено пистолетами и бог знает чем еще, доставляемым контрабандой из соседней Албании.

- Боевики мусульманской Боснии и Герцеговины, имеющей все основания опасаться за целостность республики.

И так далее.

Учитывая боевой задор вооруженных граждан в Югославии, внутри- и внешнеполитические проблемы страны, можно предположить, что события в этой стране будут развиваться по одному из следующих сценариев:

Первый из них: Югославия превращается в конфедерацию шести республик, связанных весьма условными узами. Этот вариант более других устроил бы Запад, но он потребовал бы изменить карту страны в соответствии с этническим расселением. Драголюб Мичунович, профессор Белградского Университета и по совместительству председатель Демократической партии, человек по нынешним временам весьма умеренных воззрений, предложил в интересах конфедерации изменить границы между республиками. По этому плану Хорватия уступает Сербии Краину и другие районы с преобладанием сербского населения, получая взамен солидный кусок Боснии, населенный преимущественно хорватами. Но и Мичунович, и другие энтузиасты этой идеи признают, что у великолепного плана есть свои узкие места: во-первых, он не принимает в расчет чувства ограбляемых боснийцев, во-вторых, взаимная озлобленность сербов и хорватов уже достигла той отметки, за которой спокойные переговоры по столь острым вопросам стали немислимы. Не говоря уже о том, что Словения на все пригласительные жесты реагирует индифферентно: она уже фактически обеспечила себе независимость и не променяет ее ни на какие пряники.

Второй вариант: возникновение на месте нынешней СФРЮ двух государств: Югославской Конфедерации и Словении. Разумеется, условием образования такой конфедерации является урегулирование сербско-хорватского территориального спора. В теории огрызок Югославии и после отпадения Словении останется работоспособным, хотя и потребует от Запада грандиозных финансовых вливаний. Но, с

одной стороны, новая конфедерация лишится границ с западными государствами, а следовательно и связанных с ними транзитных доходов, а с другой – открытое покровительство, оказываемое Словенией немецкоязычными государствами Европы может вызвать дополнительную напряженность на континенте. Франция уже сейчас с некоторой подозрительностью следит за германо-австро-словенскими особыми отношениями.

В третьем варианте примеру Словенией последует Хорватия. Остается Великая Сербия, включающая в себя нынешнюю Сербию, Македонию, Боснию и Герцеговину, Черногорию и два края: Воеводину и Косово. По общему мнению, такая Велюкосербская держава оказалась бы нежизнеспособной. Она утратила бы все адриатическое побережье, сохранив за собой лишь черногорский коридор. Косово немедленно превратилось бы к ахиллесову пяту новой державы. Усмирение албанцев, не желающих оставаться наедине с сербами, непременно вылилось бы в бесконечное, утомительное и дорогостоящее занятие. 40% жителей Боснии и Герцеговины – мусульмане, и они неизбежно оказались бы втянутыми в борьбу на стороне албанских единоверцев. Учитывая при этом взаимную подозрительность, всем трем новообразованным балканским государствам пришлось бы в первое время главным образом вооружаться и отстраивать национальные армии. Специалисты по государственному структурам настаивают на том, что выход из федерации двух или более республик делает все образование нефункциональным. Возможно грядет и четвертый вариант, при котором Югославия распадается на шесть-семь государств, в удачном варианте в соответствии с нынешними границами между республиками. При этом остается нерешенной проблема сербов в Хорватии и албанцев в Косово. Учитывая, что Косово в силу исторических сантиментов Сербия без борьбы не отдаст, можно предсказать скорое великое переселение народов и локальные войны до конца дней.

Впрочем, события на Балканах развиваются столь стремительно, что различные варианты решения югославских проблем теряют смысл еще до того, когда о них можно начать говорить всерьез. Во всяком случае 18 июля Президиум СФРЮ принял решение вывести федеральные войска из Словении. Похоже, независимость этой республики обеспечена; центр тяжести конфликта перемещается в Хорватию. ●

Ефим Фиштейн (Мюнхен)

ВАРШАВСКИЙ ПАКТ УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВАРШАВСКИЙ ПАКТ?

Не успев вывести свои войска из стран Восточной Европы, кремлевские лидеры начинают оказывать на эти страны негласный нажим. Цель Москвы – вынудить бывших союзников подписать двусторонние соглашения о взаимной безопасности. Система двусторонних соглашений, по замыслу ее авторов, должна представлять из себя достаточно гибкую структуру, призванную заменить Варшавский пакт. По мнению ответственных лиц из восточноевропейских столиц, эта политическая линия выработана в Министерстве обороны СССР и направлена на то, чтобы сохранить советское влияние, а если удастся – и доминирующую роль Советского Союза в регионе.

Правда, некоторые попытки оказать давление на восточноевропейцев уже провалились. Так, Москва настаивала на том, чтобы старые военные планы ОВД не предавались огласке. Но шила в мешке утаить не удалось. Достоинством гласности стали некоторые планы наступательных операций, из которых ясно, что в случае войны, венгерские войска должны были нарушить нейтралитет Австрии и зайти в тыл западногерманской армии.

Важнее, однако, другое обстоятельство. Москва настаивает, чтобы страны Восточной Европы не входили в какие-либо союзы с теми государствами, которые во времена Варшавского пакта считались враждебными странами-членами ОВД. Проще говоря, восточноевропейским странам пытаются запретить вступать в союз со странами НАТО. А это совершенно неприемлемо для восточноевропейских столиц. Правда, правительство в Варшаве предпочитает не высываться вперед до тех пор, пока советские войска не уберутся восвояси, но Прага и Будапешт уже отвергли требования Кремля, справедливо полагая, что они означают ущемление суверенитета их стран. Один высокопоставленный сотрудник венгерского правительства сказал корреспонденту английского журнала «Foreign Report», что если его стране еще в этом году не удастся установить тесные связи с Западом, «западное пренебрежение и апатия» предопределят судьбу Венгрии на десятилетия вперед. Единственная страна, которая подписала соглашения с Советским Союзом на условиях Кремля, это Румыния. В Бухаресте, видимо, посчитали, что пойдя на уступки Москве, они заручились благосклонностью могущественного соседа, прежде всего, в конфликте с Венгрией.

Между тем президент Горбачев продолжает оказывать давление на страны Восточной Европы. Он, правда, отказался от требований, чтобы вся торговля с этими странами осуществлялась в твердой валюте, но в письме к венгерскому руководству Горбачев подчеркнул, что в будущем бартерная торговля будет производиться только с теми странами, которые подпишут с СССР предлагаемые Министерством обороны соглашения. Торговля – сильный козырь в руках Москвы, ведь большая часть экспорта из восточноевропейских стран долгие годы направлялась в СССР в обмен на поставки сырья и горючего. Пока что одна лишь Венгрия сумела переориентировать большую часть своего экспорта на Запад и в состоянии поэтому противостоять советскому экономическому давлению. Другим же странам региона, похоже, скоро придется почувствовать тяжелую руку советских руководителей-перестройщиков, не стесняющихся использовать такие методы давления, как например, приостановка поставок нефти.

В восточноевропейских столицах отдают себе отчет в том, что вчерашние члены ОВД не могут немедленно стать полноправными членами НАТО. Именно поэтому здесь ищут какие-то пути, чтобы тем или иным образом оказаться «под зонтом» этого оборонительного союза. Так, Венгрия, Чехословакия и Польша уже не посылают своих офицеров на обучение в Советский Союз. Напротив, в военные академии западных стран уже начали прибывать группы венгерских курсантов. Ждут там в ближайшее время и курсантов из Польши.

Удобный случай доказать свою лояльность НАТО представился этим трем восточноевропейским странам во время войны в Персидском заливе. И они им воспользовались, предоставив союзникам информацию об арабских террористах, находящихся в Европе, расширив с Западом сотрудничество в области разведки и проявив интерес к закупкам западного вооружения. С последним, правда, дело обстоит довольно сложно. Хотя Советский Союз продает ныне оружие только за твердую валюту, цены на него все же значительно ниже, чем на аналогичные виды вооружений из западных стран. Конечно, в восточноевропейских столицах понимают, что покупая оружие в СССР, они лишь усиливают свою зависимость от Москвы, а их собственные вооруженные силы так и остаются «технически несовместимы» с вооруженными силами стран НАТО. Но выбора у них нет – ведь ни покупать западное вооружение, ни производить совре-

менное оружие по стандартам НАТО сами они еще долго не смогут. Правда, остается надежда, что страны НАТО позволят восточноевропейцам приобрести по низким ценам некоторые виды оружия, которые там снимаются с вооружения – такие, например, как системы противоракетной обороны, самолеты и оборудование для систем связи.

Польша, в частности, стремится приобрести на Западе самолеты и, кроме того, Варшава намерена наладить с помощью западных фирм обслуживание своего военного флота, оснащенного судами советского производства.

Венгрия пытается продлить срок службы своих МИГ-21 с помощью британской технологии, разработанной для модернизации индийских МИГов. Британские компании уже направили в Венгрию своих экспертов, а американские, бельгийские и французские – в Польшу. К своему удивлению, восточноевропейцы обнаружили, что деловое сотрудничество в области модернизации вооружений (и доходы от него) производят на Запад большее впечатление, чем призывы о помощи во имя европейского единства. ●

Э. Ф.

ДОСЬЕ «ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБОЗРЕНИЯ»

ЛОНДОНСКАЯ ВСТРЕЧА В ВЕРХАХ

Участники экономической встречи в верхах в Лондоне – лидеры семи ведущих индустриальных стран мира – приняли 16 июля политическое коммюнике и выпустили отдельное заявление по проблемам разоружения. Вот краткое изложение принятых «большой семеркой» документов.

Ирак

Санкции против Ирака не будут отменены «до тех пор, пока все соответствующие резолюции Совета Безопасности ООН не будут выполнены в полном объеме и пока народ Ирака, равно как и соседи этой страны, не смогут жить, не опасаясь угроз, давления или нападения».

«Что касается народа Ирака, то он должен получить право открыто, демократическим путем избрать руководство страны».

Лидеры семерки заявляют, что они с надеждой смотрят вперед, имея в виду предстоящие выборы в Кувейте и улучшение дел с правами человека в этой стране.

Израиль

Лидеры семи одобряют инициативу США, направленную на подписание мирных соглашений на Ближнем Востоке.

«Мы поддерживаем концепцию мирной конференции, которая должна начаться параллельно с прямыми переговорами между Израилем и представителями палестинцев, а также между Израилем и арабскими странами».

Лидеры семи призывают Израиль и его арабских соседей проявить гибкость. «В этой связи мы надеемся, что арабский бойкот будет приостановлен, равно как и строительство поселений на оккупированных территориях».

Объединенные нации

«Жизнеспособная ООН должна играть центральную роль в усилиях по поддержанию мирового порядка. Мы обязуемся сделать все, чтобы ООН стала сильной, более компетентной и более эффективной в том, что касается соблюдения прав человека, поддержания всеобщего мира и обуздания агрессии».

Лидеры семи призвали учредить в ООН новый высокий пост, причем официальное лицо, которое его займет, должно будет следить и заранее предупреждать о возникновении кризисов, а также координировать международные усилия в случае возникновения чрезвычайных ситуаций.

Ливан

Коммюнике Лондонской встречи в верхах обращает внимание на то, что ситуация в этой стране улучшилась и выражает надежду, что будет проложен путь к выполнению Тайфских соглашений, достигнутых под покровительством Саудовской Аравии между воюющими фракциями и призывающих к выводу всех иностранных войск из страны и к проведению свободных выборов.

Югославия

Лидеры семи заявляют, что югославский народ должен сам решать свою судьбу. В политическом коммюнике выражается озабоченность в связи со сложившейся в стране ситуацией. «Использование вооруженных сил и кровопролитие не могут привести к окончательному урегулированию и лишь увеличивают риск дестабилизации. Мы призываем к прекращению насилия, любых военных акций и возвращению армии в казармы».

Восточная Европа

Лидеры семи приветствовали политические и экономические перемены и выразили поддержку демократическим преобразованиям и введению рыночной экономики в странах региона.

Советский Союз

Лидеры семи подтвердили свою поддержку фундаментальным преобразованиям в Советском Союзе и заявили, что обязуются работать с советскими официальными лицами в создании открытого, базирующегося на рыночной экономике, демократического общества.

«Мы верим, что новое мышление в советской внешней политике, которое дало так много для ослабления напряженности в отношениях между Востоком и Западом и укрепления мира и многосторонней системы безопасности (в Европе), распространится на все другие проблемы во всех уголках планеты».

Лидеры семерки выразили надежду, что новый дух сотрудничества найдет свое отражение и в Азии.

«Мы приветствуем усилия создать новый союз, основанный на согласии без принуждения, который возьмет на себя заботу о благополучии народов Советского Союза. Важность усилий в этом отношении трудно переоценить: открытый и демократический Советский Союз сможет играть очень существенную роль в строительстве стабильного и безопасного мира».

Балтийские страны

«Мы надеемся, что переговоры между СССР и избранными правительствами в балтийских странах позволят решить судьбу последних в демократическом духе и в соответствии с законными желаниями народов».

Южная Африка

Лидеры семерки приветствуют отмену апартеида и выражают надежду, что огромные социальные проблемы не подорвут устойчивости новой многорасовой Южной Африки.

«Мы надеемся, что за формальной отменой апартеида последуют важные шаги, которые приведут к улучшению положения наиболее обездоленной части населения Южной Африки. Мы надеемся, что переговоры о новой конституции, которая будет означать демократию для

всех, независимо от цвета кожи, начнутся немедленно и трагический рост насилия будет остановлен».

Лидеры семерки заявляют, что помощь Южной Африке должна направляться «в те области, где большинство населения долгое время было лишено образования, жилья, медицинской и социальной помощи».

Терроризм

Коммюнике призывает немедленно и без всяких условий освободить всех заложников и сообщить сведения о тех из них, кто погиб в заключении.

Контроль над вооружением

«Мы поддерживаем идею создания всеобщего реестра по перемещению вооружений под эгидой ООН и обязуемся содействовать скорейшей реализации этого предложения».

«Все страны должны воздерживаться от передачи вооружений в тех случаях, когда это ведет к дестабилизации или стимулирует рост напряженности. Особые ограничения должны налагаться на передачу технологии производства вооружений и на их продажу в страны, находящиеся в горячих точках планеты». ●

УХОДИТЕ, ТОЛЬКО, ПОЖАЛУЙСТА, УХОДИТЕ

Вывод советских войск из стран Восточной и Центральной Европы – одна из ключевых проблем оздоровления политического климата в Европе, создания здесь атмосферы доверия и сотрудничества. И уж тем более невозможно приступить к строительству новой системы безопасности, заключить какие-то новые соглашения, ее гарантирующие, без того, чтобы последний советский солдат не покинул территории стран бывшего Варшавского пакта.

Как же обстоит дело с выводом советских войск?

Благодаря решительной позиции и энергичным усилиям правительств в Праге и Будапеште, советские войска уже покинули Венгрию и Чехо-Словакию. 19 июня завершился вывод стотысячного корпуса из Венрии, а 25 июня последний из 74 тысяч советских солдат покинул Чехо-Словакию. Конечно, загаженные территории, вырубленные леса, оравленные реки –

все это осталось в наследство от «братьев по оружию», тем не менее дело сделано.

Что касается Польши, то часть советских солдат уже выведена из этой страны. Советский Союз долго настаивал на том, что оставшиеся войска не могут быть выведены до тех пор, пока последний советский солдат не покинет территории бывшей ГДР. Предполагалось при этом, что вывод войск из Германии будет осуществляться через Польшу. Правительство в Варшаве решительно воспротивилось как затяжке с выводом войск, так и плану переброски их через польские земли. В конце концов Москва согласилась вывести войска, расквартированные в Германии, морским путем, а вывод остающихся в Польше 50 тысяч своих солдат завершить к середине 1992 г.

Значительно более серьезную проблему представляет из себя вывод и временное (теперь уже действительно временное) пребывание советских войск на территории бывшей ГДР. Проблема эта очень беспокоит немецких политиков, будоражит общественное мнение в Германии, вызывает озабоченность во всех западных столицах.

В сущности, проблема здесь не одна; их – три.

Первая – это строительство жилья для возвращающихся на родину советских военнослужащих. Согласно договоренности, достигнутой в октябре прошлого года между канцлером Г.Колем и президентом М.Горбачевым, правительство объединенной Германии обязалось заплатить за вывод советских войск 13,5 миллиарда германских марок, из которых 7,8 миллиарда предназначались специально для строительства жилья для советских офицеров и их семей.

До сих пор казалось, что все идет гладко – советское руководство, в том числе высшее военное командование, неоднократно заявляло, что вывод войск начался согласно расписанию и закончится к 1994 г., как об этом договорились Коль и Горбачев. К середине года из 380 тысяч солдат в новых землях Германии осталось только 300 тысяч.

Но вот, в конце июня берлинское бюро агентства печати «Новости» распространило сообщение, что начиная с июля темпы вывода советских войск будут замедлены, так как «Германия еще не начала строительство домов для советских военнослужащих». «Если строительство домов не начнется в ближайшее время, – говорится далее в сообщении, – Москва вынуждена будет временно замедлить темпы вывода своих войск». Правительство в Бонне тут

же заявило, что оно «ошеломлено и встревожено» подобной постановкой вопроса, подчеркнув при этом, что расписание вывода войск никак не связано со строительством жилья для офицерского корпуса. Пресс-атташе Министерства экономики в особом заявлении подчеркнул, что вывод советских войск и строительство домов для военнослужащих не связаны никакими договорными обязательствами. Здесь нелишне напомнить, что и Советское правительство, воспользовавшись отсутствием соответствующей договоренности, передало часть подрядов на строительство домов для военнослужащих, субсидируемое из немецкой казны, турецким и другим, не немецким, фирмам.

Второй важной проблемой является наличие на территории бывшей ГДР химического и ядерного оружия. В какой-то мере этот вопрос волнует общественность в Германии даже больше, чем срыв графика вывода советских войск.

Скандал начался в апреле, когда командующий Западной группой войск генерал-полковник Матвей Бурлаков заявил, что в Германии больше не осталось советского ядерного оружия. Характерно, что он не сказал при этом, когда и каким образом оно было вывезено с территории Германии. Для сравнения замечу, что американское командование в Германии заблаговременно предупреждает центральные и местные власти, когда и каким маршрутом выводится из этой страны сверхопасное оружие. Каждый гражданин может наблюдать по телевидению за ходом операции по вывозу американского химического и атомного оружия.

Однако, несмотря на заявление генерала Бурлакова, в прессе и в ответственных политических кругах не затихали разговоры о том, что атомное оружие все еще находится на территории страны. Споры продолжались до 3 июня, когда министр обороны СССР маршал Дмитрий Язов сообщил немецкой делегации, находящейся в Москве, что все химическое оружие вывезено из Германии, но «некоторое количество единиц ядерного оружия» все еще остается на территории бывшей ГДР. Слова министра обороны подтвердил и глава внешнеполитического ведомства Александр Бессмертных, заявивший во время визита в Бонн в середине июня, что советское ядерное оружие все еще остается на территории Восточной Германии.

Чем объяснить такую разногласию? Аналитики из Германского разведывательного управления говорят, что ядерное ору-

жие на территории Германии находится под контролем войск КГБ и передается в распоряжение военных только во время войны. По этой причине, дескать, генерал Бурлаков мог и не знать о его наличии в подчиненных ему войсках. Что и говорить, заявление аналитиков от разведки пролило свет на весьма интересные вещи с точки зрения структуры вооруженных сил СССР и субординации между военным командованием и органами КГБ, но оно ни в малейшей степени не успокоило общественное мнение и правительство Германии.

Третьей проблемой, связанной с временным пребыванием советских войск, является массовое дезертирство из рядов «доблестных вооруженных сил». Как только советское командование увидело, что дезертирство принимает серьезные масштабы, оно тут же, причём в ультимативной форме, потребовало от германских властей выдать ему перебежчиков. Ходят слухи, что вначале немецкие власти поддались нажиму и выдали нескольких беглецов советским военным властям. Однако в самой Германии поднялась волна протестов, на правительство был оказан сильный нажим со стороны общественности и оно вынуждено было добиваться компромисса. По тем же слухам, правительственные чиновники как будто пришли к соглашению с советскими военными властями, что впредь дезертиры не будут выдаваться назад, но и сведения о побегах и о предоставлении политического убежища беглецам не будут предаваться гласности. (Несмотря на то, что чиновники из Министерства внутренних дел в Бонне отказываются называть число перебежчиков и отвечать на вопросы о их судьбе, в печать просочились сведения о 1500 советских солдат, покинувших свои части и попросивших политическое убежище у немецких властей.)

Советскую сторону договор устраивал тем, что остающиеся в частях потенциальные беглецы не узнают правду о сбежавших товарищах (возможно, им даже внушают, что все они возвращены на родину) и это охладит их пыл.

Немецкое же правительство довольно тем, что может себя не компрометировать, нарушая право людей на политическое убежище.

Итак, острые углы как-то удалось притупить, но заноза по-прежнему остается в теле. А пока она не удалена окончательно, вероятность разного рода осложнений остается весьма высокой. ●

Э.Ф.

КАК ДАЛЕКО МЫ УЙДЕМ?

Интервью с Альгирдасом Бразаускасом

Альгирдас-Миколас Бразаускас родился в 1932 г. Начал карьеру с должности инженера-строителя, занимал ряд важных административно-хозяйственных постов. С 1977 г. секретарь ЦК КП Латвии. В 1988 г. избирается первым секретарем ЦК самостоятельной компартии Литвы. С января по март 1990 г. Председатель Президиума ВС Литвы, а с марта 1990 по январь 1991 г. заместитель председателя Совета Министров Литвы. В настоящее время председатель Демократической партии труда (бывшая самостоятельная компартия Литвы) и лидер партийной фракции в Верховном Совете Литвы.

А.Бразаускас выражает мнение лишь одной части политического спектра сегодняшней Литвы. В следующем номере нашего журнала мы намерены опубликовать интервью с одним из его политических оппонентов – председателем Совета Сейма Саудиса Юозасом Тумялиссом.

Интервью у А.Бразаускаса взял Э.Финкельштейн.

Начнем с начала, с тех мартовских дней 1990 года, когда была провозглашена независимость Литвы. Вы в это время были самым популярным политическим лидером, возглавляли вторую по величине фракцию в Верховном Совете Литвы. И в такой ситуации вы отказались от должности заместителя председателя ВС Литвы, согласившись занять достаточно скромный пост заместителя премьер-министра, который, кстати, утратили через 9 месяцев. В то время это вызвало некоторое недоумение. Казалось логичным, что вы либо разделите власть с Ландсбергисом, либо уйдете в оппозицию и, представив своим политическим соперникам решать сложнейшие проблемы, будете дожидаться своего часа. Не считаете ли вы сегодня, что допустили тогда политический просчет?

Нет, не считаю. Я пошел на это, потому что был уверен – и коллеги по партии со мной соглашались, – что мы, тогда еще независимая компартия Литвы, не должны оставаться в стороне, когда дело идет о восстановлении государственности нашей республики. Литовские коммунисты, которые вышли из КПСС, провозгласили своей целью борьбу за независимость. Мы были обязаны участвовать в этом процессе. Кроме того, мы были заинтересованы в том, чтобы члены партии оставались на командных должностях в экономической сфере, в сфере хозяйства республики. Правильность нашего решения теперь подтвердилась. Сегодня, когда с моей стороны и со стороны других министров – членов нашей партии (и тех, кто должен был выйти из партии, я бы сказал – приостановить свое членство в партии) нет контроля над экономикой, положение ухудшилось, процессы повернулись вправо.

Я глубоко убежден, что мое пребывание в правительстве К.Прунскене пошло на пользу дела и вовсе не было ошибкой. Это было необходимо, чтобы обеспечить преемственность. Нельзя одним махом все перечеркнуть – сегодня Литва управлялась компартией, а с завтрашнего дня приходят какие-то новые люди и начинают управлять страной.

Сейчас, когда правительство Прунскене ушло в отставку, именно так и случилось, но тогда наше участие, участие в правительстве лояльно настроенных коммунистов было необходимо.

Вас можно понять так, что вы сознательно уступили политическим соперникам, чтобы обеспечить стабильность страны в переходный период?

Я был уверен, что люди боятся коммунизма, что они по горло сыты коммунизмом. И как их ни убеждай, что мы – другие коммунисты и преследуем другие цели, рядовому человеку все равно будет трудно нас понять и трудно нам поверить. В этом мы в Литве не одиноки. Аналогичное положение сложилось во всех странах Восточной Европы.

Наши люди голосовали вовсе не за моего политического противника. Ни в коем случае. Люди, отдавшие голоса «Саюдису», голосовали за независимость Литвы. Президента же народ не избирал. Председателя Верховного Совета избирали депутаты ВС, которых во время выборов поддерживал «Саюдис». Все это мы предвидели. Я хорошо понимал, что победить мы не можем, одно только клеймо «коммунист» – и достаточно.

Как вы оцениваете достижения правительства Прунскене и почему это правительство пало?

Я думаю, это было компетентное правительство, оно могло бы работать и дальше, но критерии его оценки со стороны ВС носили исключительно политический характер. Оно пало из-за политических расхождений с Верховным Советом Литвы.

Мы – Прунскене и я – считали, что Литва не может отмежеваться от Советского Союза, от экономического рынка Советского Союза. Мы считали, что Литва должна поддерживать экономические связи с СССР, а для этого требовалось поддерживать контакты с руководством в Москве. Но поездки в Москву, встречи с Горбачевым, Рыжковым, Лукьяновым и другими ставились нам в вину. Особенно после введения экономической блокады, которая была вызвана политическими причинами, точнее, абсолютно неграмотными решениями ВС Литвы. Но мы в правительстве считали необходимым действовать так, чтобы положить конец блокаде, которая продолжалась два с половиной месяца. Для этого мы предложили ввести мораторий на некоторые законы Литовской республики – не на Акт о независимости, конечно. Но это и явилось поворотным пунктом в наших отношениях с ВС. После июля 1990 г. нам уже трудно было общаться с руководством Верховного Совета, трудно защищать там наши решения. Точнее, наши предложения просто не принимались. Нам настолько не верили, нас настолько не воспринимали, что я готов был уйти из правительства. Но был конец года, конец финансового года. К тому же Прунскене часто отлучалась за границу, и мне приходилось исполнять ее обязанности. Так что я продолжал оставаться в правительстве, а ВС продолжал считать нас прокоммунистическим правительством. И там действовали, исходя из убеждения, что нам нельзя доверять.

Верховный Совет начал принимать законы, позволяющие ему брать на себя функции исполнительной власти, создавать собственные, параллельные правительству структуры. В частности, ВС вывел из подчинения Совмина Государственный банк. Но без влияния на банковскую систему правительство работать не может. Тем более, что необходимо было создавать новую национальную банковскую систему. Она должна была стать двухступенчатой – государственной и коммерческой. Но мы оказались парализованными. А затем началось преследование личного характера против некоторых министров и их заместителей. В конце концов правительство вынуждено было подать в отставку.

Как на все это смотрела Москва?

Москва не вмешивалась в наши внутренние дела, я не могу сказать, будто Москва пыталась диктовать. И у меня, и у Прунскене отношения с Москвой были вполне нормальными, мы поддерживали контакты с союзными министрами, с руководством Совета министров СССР, с Рыжковым и его заместителями, с Госпланом, с Минфином.

Но ведь ввела же Москва экономическую блокаду...

Была блокада, но она была вызвана не нами, не правительством, а решениями ВС – такими, как закрытие военкоматов, одностороннее взятие под юрисдикцию Литвы всесоюзной собственности. Мы предостерегали против таких решений, но они тем не менее принимались. Потом были ультиматумы – сначала Горбачева, потом Рыжкова.

Я еще в феврале предупреждал, что возможна экономическая блокада со стороны Москвы, но сначала меня не слушали, а потом обвинили в том, что я знал и молчал.

А я, между тем, был председателем Антиблокадной комиссии, и работали мы там очень напряженно: 50 заседаний за 72 дня! Вообще блокада застала нас врасплох, но через две-три недели мы уже пришли в себя, выработали антиблокадные меры и довольно успешно решали многочисленные оперативные вопросы.

Как вы оцениваете новое правительство Вагнорюса?

Вообще-то я стараюсь оценок не давать, тем более, что новое правительство работает всего четыре-пять месяцев. Многие прежние министры остались и в новом правительстве. Но сделаны серьезные ошибки при назначении новых министров, в частности, министров финансов и материальных ресурсов. Я высказал эти соображения и премьер-министру.

Я думаю, что новое правительство уже допустило ряд ошибок, которых мы бы не сделали. Это и ликвидация структур управления республиканского звена, и ликвидация министерств промышленности, и ликвидация ассоциаций, которые были созданы и зарегистрированы уже на основании новых законов о государственных предприятиях, принятых ВС Литвы. Все это – в ущерб делу.

Главным же образом новое правительство не может понять требований сельского хозяйства. Неадекватные закупочные цены, сложности в финансовой системе и другие трудности могут привести к взрыву в сельскохозяйственном производстве. У правительства нет своего мнения в вопросе приватизации государственной собственности, и оно оказалось в стороне в этом самом большом вопросе. На мой взгляд, принято неправильное решение о возврате собственности, особенно земли. Ведь это может привести к серьезным социальным конфликтам. Кроме того, этот шаг, безусловно, снизит производство сельхозпродукции. А ведь 52% национального дохода дает сельское хозяйство республики! Но новое правительство не участвует в решении этих вопросов.

Самое страшное во всем – это политизация хозяйственных проблем. Например, в вопросах кадров. Сейчас выдвинут лозунг: «Отказаться от бывших», то есть от руководителей разных рангов, специалистов. Но ведь альтернативы-то нет. А специалист – это специалист, и главное – он должен хорошо выполнять свою работу.

Вернемся от экономики к политике. В чьих руках сегодня реальная власть в Литве?

В руках правых. Это – объединенная фракция «Саюдиса» – 34 человека, это – Независимая партия, хотя и малочисленная, но к ней многие примыкают. В их руках абсолютно все.

Но есть ли у них государственные структуры, как они управляют страной?

Правительство абсолютно правое. Конечно, в нем есть люди, которые раньше не были правыми, а сейчас поддались им. Большинство в парламенте состав-

ляют депутаты, поддерживаемые «Саудисом», – я бы так сформулировал. Мы – левые – представлены Демократической партией труда. Нас 14 человек, и к нам примыкают 8 депутатов-поляков. Фракция центра не очень организована. Фракция либералов (40 человек) еще не выработала своей линии. Вообще это все только зарождающиеся партии с численностью от пятисот до тысячи человек. Наша партия насчитывает 17 тысяч человек и имеет парт-организации во всех городах.

Как вы оцениваете шансы вашей партии на ближайшую перспективу?

Симпатии к нашей партии среди населения растут. Особенно это стало заметно после создания Форума будущего, в который вошли многие общественные организации – профсоюзы, Союз политзаключенных и другие – и члены левых партий, в частности, нашей партии.

Вообще многие наши граждане как бы очнулись и стали искать ответ на вопрос «кто есть кто?». Теперь, когда экономическая, политическая и общественная жизнь до предела усложнилась, люди пытаются понять, кто им говорил правду в глаза, кто избегал правды, кто их обманывает до сего дня. Взять к примеру теперешний политический курс. Он базируется отнюдь не на платформе Саудиса. Там ничего не говорилось, в частности, о стопроцентном возврате собственности. А это пытаются сегодня делать.

Если бы вам удалось вернуться к власти, в каком направлении в области политики и экономики вы бы стали действовать прежде всего?

Прежде всего я бы попытался наладить отношения с Советским Союзом, не отказываясь от основных принципов независимости. Главное – добиться реальной государственной самостоятельности. Дело ведь не в том, чтобы делегации двух стран уселись за стол переговоров, подписали договор и вопрос решен. Нет, не решен. Независимость – это процесс, длительный процесс. Необходимо установить политические контакты, решить вопросы о собственности обеих стран, установить внешнеторговые связи, наладить кредитно-денежные отношения, согласовать вопросы о границе, таможне и т.д. и т.п. Необходимо решить сложный вопрос о чужих политических силах, находящихся в Литве – КГБ и компартии. Ведь компартия подчиняется только КПСС и в нее вошли теперь армейские партийные организации, чего никогда в прошлом не было. И еще. Многие линии коммуникаций контролируются из Москвы. Это тоже предмет переговоров. И все эти вопросы нужно решать реально, а не отделываться общими декларациями.

Произошли ли в Москве какие-либо сдвиги в том, что касается выхода Литвы из СССР?

Сегодня я на 60% убежден, что Москва пережила, переварила синдром единого Советского Союза. Даже самые крайние, такие как Иван Полозков, уже поняли, что шесть республик невозможно удержать. Ни танками, ни омонотами, ни другой силой. Сегодня в Москве всем ясно, что мы уйдем. Но вот вопрос: далеко ли мы уйдем? Тут все решит экономика. Экономика – главное оружие против нас. Парадокс ведь заключается в том, что мы говорим о независимости Литвы, но живем по-старому, живем в Советском Союзе. По-прежнему централизовано, из Москвы, распределяются ресурсы, сырье, топливо, осуществляются поставки товаров от нас и к нам.

Но скоро такое положение кончится. Девять республик объединяются в Союз Суверенных Республик. Рождается новое государство, которое и само будет жить по-новому, и с нами поведет себя по-новому. Нам никто ничего централизовано давать не будет. Мы же в обозримом будущем не сумеем найти

рынки сбыта и источники сырья и топлива вне ССР. И вот здесь-то важно правильно построить отношения с Центром, с другими республиками. Здесь-то и начинается политика, здесь-то и нужно проявить умение, политическое искусство!

Запад весьма наглядно продемонстрировал свою заинтересованность в сохранении и стабильности советской державы. Вполне вероятно, что он решит оказать массивную помощь в размере запрошенных Горбачевым 250 миллиардов долларов. Если это произойдет, сложится положение, когда три гиганта – Америка, Западная Европа и Япония – сотрудничают, точнее помогают, четвертому гиганту – советской державе. Не опасаетесь ли вы, что в этом случае Литва окажется за бортом, станет не нужной ни Западу, ни Востоку?

Я не думаю, что мы окажемся за бортом. Во-первых, я не верю, что экономическая помощь, даже в размере 250 миллиардов долларов, спасет такую огромную страну, как Советский Союз. Москва так или иначе вынуждена будет сотрудничать с соседними странами. Все мы – Чехо-Словакия, Венгрия, Польша, Литва и другие – будем участвовать в экономической жизни региона, дополнять друг друга.

Литва, в частности, экспортировала в СССР продукцию на сумму 8–8,5 миллиардов рублей. Эта продукция нужна там, и она дешевле, чем на мировых рынках. Конечно, если наши товары будут дороже, от них откажутся. Но при всех обстоятельствах экономические связи в регионе сохранятся, отношения будут поддерживаться.

Другое дело, что получив массивную помощь, Москва может с большей легкостью диктовать нам свои условия. И вот здесь мы будем вынуждены обратиться к Западу и спросить: почему там не видят шести республик, которым не только отказываются помогать, но и ставят их в еще более трудное положение? Тем более, что потеря независимости тремя балтийскими республиками – результат Второй мировой войны. Этого никто в мире не отрицает. Но тогда, господа, давайте кончать с последствиями Второй мировой войны, давайте добиваться справедливости и в вопросе распределения помощи!

Справедливость справедливостью, но есть ли у вас планы на случай, если Литва окажется в одиночестве и вынуждена будет опираться исключительно на собственные силы? Выживете ли вы?

Трудный вопрос. К сожалению, планы на этот случай не разработаны, ведь у нас все построено на эмоциях...

В ночь на 31 июля на пограничном пункте «Медининкай», что на литовско-белорусской границе, неизвестные лица учинили кровавую бойню. Шестеро сотрудников Литовской таможни: Альгимантас Юозакас, Мнидаугас Балавакас, Альгирдас Казлаускас, Юозас Янонис, Антанас Мустейкис, Станисловас Орлавичюс были застрелены на месте. Тяжелораненный Ричардас Рабавичюс скончался через несколько дней.

Сотрудники «Страны и мира» потрясены кровавой бойней, возмущены нескончаемыми актами террора против независимой Литвы. Мы выражаем соболезнование семьям погибших и требуем, чтобы террору и провокациям был положен конец.

Михаил БЕЛЕЦКИЙ (Киев)

ПОСЛЕ ВИЛЬНЮСА И ГЕТАШЕНА

*И не верить ни в чистое небо,
Ни в улыбки сиятельных лиц.*
А.Галич

Сравнивая нынешний 1991 год с недавними 1988 или 1989, вдумчивый наблюдатель должен отметить кардинальное изменение взаимоотношений общества и власти. Речь здесь идет не о состоянии общественного мнения – такой разговор должен вестись с использованием материалов специальных социологических исследований, которыми мы не располагаем. Я предлагаю поразмышлять об изменении самих нравственных предпосылок указанных взаимоотношений.

Несколько лет назад один из братьев Стругацких высказал примерно такую мысль: после 1985 г. Россия оказалась в уникальном положении, когда интеллигенция солидарна с верховной властью. Такая солидарность была бесспорным фактом, и, поддерживая ее, интеллигенция была безусловно права перед совестью и историей.

Сегодня таким же фактом является то, что практически каждый интеллигент, каждый мыслящий и совестливый человек, как бы он ни оценивал возможности своего сотрудничества с властью, будет категорически отрицать возможность своей моральной солидарности с ней. И тоже будет при этом безусловно прав.

Что же изменилось за эти несколько лет? Изменилось очень многое: уменьшился страх перед властью, обострились все виды противоречий в обществе, возросли усталость, озлобленность, конфронтационность и радикализация сознания. К этим процессам оказались неподготовленными как государственные структуры, так и нарождающаяся демократия. И в результате их изменились не просто тактика и стратегия власти – изменились нравственные принципы, на которых она строила свои отношения с обществом.

Провозглашение новыми руководителями СССР в 1985 г. принципов нравственности в политике, приоритета общечеловеческих ценностей было явно нетрадиционным и неожиданным шагом. Но более замечательным было то, что за несколько лет им удалось убедить общественность в своей стране, да и все человечество, что они – впервые в истории Советского государства – действительно придерживаются этих принципов и приоритетов. Не буду напоминать о замечательных изменениях в стране в первые годы перестройки – советскому читателю, склонному забыть о них, не дадут это сделать выступления зарубежных политиков. Для дальнейшего анализа я хочу только подчеркнуть важность одной группы акций, трудных для руководителей СССР, без которых им, однако, не удалось бы добиться доверия к своей политике, – нравственно-политической оценки и осуждения всех преступлений предшествующих режимов, начиная от убийства царской семьи и террора в гражданской войне и кончая психбольницами для диссидентов при Брежневе и афганской войной.

Доверие к нравственным принципам политики горбачевской администрации (при возможном несогласии с отдельными аспектами практической политики) и являлось в течение нескольких лет основой, на которой строились ее отношения с интеллигенцией и демократической общественностью. Доверие это было настолько сильным, что после первых кровавых расправ вооруженных частей над населением – в Звартноце, Тбилиси, Баку – почти никому, за

исключением малочисленных тогда крайних радикалов, не приходило в голову обвинять центральные власти в сознательной организации преступлений. Сами эти преступления, естественно, вызвали большую обеспокоенность в обществе. Однако большинство демократически настроенных людей склонно было объяснять их тупоумием, бездушием и некомпетентностью местных командиров, помноженным на дух бесчеловечности и уголовщины, господствующей в нашей армии. Претензии к высшей государственной власти сводились в основном к тому, что она не предотвратила использование войск в чисто гражданских конфликтах, хотя в случае Баку такое использование выглядело в принципе правомерным. В целом же, как мне кажется, преобладало представление, что речь идет о трагических сбоях системы, последствиях нашего тоталитарного прошлого, в устранении которых руководство страны заинтересовано не менее, чем общество. Главной же заботой было предотвращение подобных событий в будущем, для чего при желании можно было применить несложное средство: добросовестное расследование событий, честное и однозначное осуждение и отмежевание от преступлений, аналогичное отмежеванию от совершенного при предыдущих режимах, наказание (не обязательно очень строгое) виновных.

Первые трещины в моральном фундаменте, на котором покоились взаимоотношения власти и общества, появились в результате действий, а точнее бездействия власти в ответ на эти события. К примеру, непосредственный виновник тбилисских убийств генерал Родионов был едва ли не повышен – кстати, сегодня он печатно рассуждает о преимуществах для нашей страны военной диктатуры перед другими формами правления. Генеральный прокурор, дезавуируя заключение комиссии Верховного Совета СССР, определяет, что в действиях армейских частей не было нарушений, на что впоследствии с удовольствием ссылается военный министр. В общем, так было, так будет, как в свое время сказал другой министр по подобному поводу. Думаю, многие, как и я, испытали шок, поняв, что верховная власть страны не собирается отмежеваться от преступлений, совершаемых от ее имени. И наверное, многие задали себе вопрос: так как же с приоритетом общечеловеческих ценностей?

Но и после этого еще некоторое время могла оставаться некоторая доля надежды: ладно, руководство страны поступает, мягко сказать, не вполне нравственно, идет на недостойные компромиссы с совестью, не хочет ссориться с армией и т.д.; но уж оно-то, наверное, об общечеловеческих приоритетах как-то помнит, и по-своему, по-привычному, негласно, в кабинетах прикрутит своих генералов, пригрозит, потребует: «Кончайте убивать мирных людей». Каюсь, сам я был, по-видимому, одним из последних простаков в этой стране, питавших такие надежды.

Рассуждать так стало невозможно после 13 января 1991 г., после захвата Советской армией телебашни в Вильнюсе и новых убийств мирных жителей.

После этого и по сегодняшний день – бесчинства и убийства, совершаемые в Латвии и Литве отрядами милиции особого назначения МВД СССР.

Но на сегодня, когда я пишу эти строки, все это уже отступает перед событиями, происходящими в Азербайджане и прилегающими к нему районами Армении.

До сих пор, ссылаясь на события, я ограничивался упоминанием их мест – читатель достаточно осведомлен о том, что происходило в Прибалтике и в Тбилиси. На Армении мне придется остановиться подробнее – боюсь, что в массе своей наше общество знает о том, что там происходит, исключительно мало. К стыду нашему приходится признать, что европоцентризм, свойственный нам, русским, славянским, прибалтийским интеллигентам и демократам, и в определенных пределах оправданный, позволяет нам равнодушно отворачиваться от страданий наших братьев по человечеству, по общей истории и культуре, живущих южнее границы РСФСР. А между тем, самые масштаб-

ные с 1985 г. нарушения властями законности и прав человека происходили и происходят сегодня именно там – не в последнюю очередь и по причине нашего к ним равнодушия.

Для начала хочу напомнить, что Армения, о которой будет идти речь, является древнейшей в мире христианской страной (христианство принято как государственная религия в 301 г.), в течение веков подвергавшейся завоеваниям и опустошениям со стороны враждебных ирано- и тюркоязычных соседей; едва ли не единственной землей, вошедшей в состав Российской империи действительно добровольно и сохранившей любовь и признательность к России, в которые трудно поверить тому, кто сам с ними не столкнулся, до последних лет перестройки: народом, половина которого до Первой мировой войны проживала на территории Турции, где систематически подвергалась резне и в 1915 г. была окончательно уничтожена – около 2 миллионов человек – или изгнана в результате первого геноцида XX века. Вслед за этим руководители Советской России (еще не СССР!) дарят часть извечно заселенных армянами земель дружественной Турции, часть – Нахичеванскую область и Карабах – по просьбе той же Турции родственному ей советскому Азербайджану. Национальное угнетение, которому подвергались армяне Карабаха, отмеченное даже в решениях ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР, привело в 1988 г. к обращению областного совета с просьбой о выходе из Азербайджана и вхождении в Армению. Это обращение послужило началом конфликта между двумя республиками со взаимным переселением беженцев, массовой резней армян, сопровождавшейся исключительными жестокостями, в Сумгаите, Кировабаде, Баку, и все усиливавшимися вооруженными столкновениями между людьми двух национальностей. Для защиты мирного населения в Карабах были введены части Советской армии и милиции, но столкновения продолжались. В течение большей части времени конфликта Азербайджан осуществлял блокаду Карабаха и Армении, которая не только снижала уровень жизни людей, но и помешала принять союзную и международную помощь жертвам землетрясения 1988 г., в частности, отстроить жилье примерно для полумиллиона человек, оставшихся без крова.

Таков исторический фон, позволяющий понять психологическое состояние народа, подвергшегося нападению в последних числах апреля этого года. До этих дней Советская армия и войска МВД, по крайней мере, формально соблюдали видимость паритета по отношению к конфликтующим сторонам, утверждая, что они в равной мере защищают армянское и азербайджанское население. (Правда, что касается практических действий, то армяне не без основания придерживались другого мнения.) Но в конце апреля руководители СССР в ходе политической игры по подготовке Союзного договора решили продемонстрировать поддержку идеологически близкого коммунистического руководства Азербайджана и наказать непокорную Армению с ее демократическим парламентом. Организуется военно-полицейская акция, в которой армия и войска МВД СССР явным образом смыкаются с азербайджанскими вооруженными формированиями в их действиях против армян.

В ходе этой акции проведены операции против примерно трех десятков армянских сел на территории Армении и Азербайджана. В Армении действия войск сводились к поискам оружия и захватам подозрительных лиц, к которым относились в первую очередь милиционеры: эти подозрительные передавались азербайджанским властям и увозились на территорию Азербайджана. При попытках сопротивления или подозрениях военных о возможности таких попыток действовал хорошо известный нам по Отечественной войне принцип коллективной ответственности. Так артиллерийским и танковым огнем было разрушено село Воскепар; там же в упор расстрелян автобус с милиционерами, которые не отстреливались и не оказывали сопротивления. (Что касается принципа коллективной ответственности, то его лучше всего выразил командующий войсками МВД генерал Шаталин. Он предупредил, что будет

брать заложниками армян, проживающих в России, из расчета 10 человек за одного солдата; в случае крайнего развития событий он намекнул, что готов взорвать Армянскую АЭС. Мне все же верится, что этого генералу не дадут сделать, но нравственные критерии организаторов и исполнителей операции такое заявление достаточно характеризует.)

Действия в Азербайджане имели главной целью массовую депортацию оставшихся в нем армянских деревень. Наиболее показательна судьба Геташена. Из этой большой армянской деревни были выведены защищавшие ее войска МВД, вслед за чем ее окружили другие части, которыми командовал тот же генерал Шаталин. Несколько дней деревню обстреливали из орудий, пулеметов и вертолетов, а потом в нее вошли азербайджанские омоновцы, повторившие в ней то, что мир знает по Сумгаиту. Они оставили после себя разрушенные дома, трупы с перерезанными горлами, с отрезанными ушами, со снятыми скальпами. Немногих оставшихся в живых женщин и детей военные «по их просьбе» эвакуировали в Армению. Писательница Инесса Буркова назвала Геташен Хатынью перестройки.

Не всегда с такими зверствами, но практически всегда с надругательствами и издевательствами проходила депортация нескольких десятков других армянских деревень. Тысячи беженцев, избитых и ограбленных, сосредоточены на границах Армении. В отличие от бежавших от Саддама Хусейна курдов, им, кроме живущих в блокаде соотечественников, никто не поможет. Страшно думать о судьбе сотен захваченных людей, оказавшихся в руках азербайджанского ОМОНА.

Вот такую страну, такую политику, таких руководителей, такой приоритет общечеловеческих ценностей мы имеем сегодня. Как же нам в этой стране жить? Для начала нужно просто осознать, что это совсем не та страна, в которой мы жили в 1989 г.

Надо понять, что восстановить моральный авторитет руководителей этой страны в глазах общества, найти основу для нравственной солидарности с ними уже невозможно: Камю писал, что нельзя войти в цивилизованное общество с карточкой «Убийца» на лацкане пиджака. Они сделали достаточно, и уже не остановить суд истории, который положит на одну чашу весов инициированный ими рывок от тоталитаризма, нашу сегодняшнюю гласность и раскованность, возвращение культурного наследия, а на другую – геташенскую бойню.

Так или иначе, мы снова возвратились к правителям, использующим преступления, причем тяжкие преступления против человечности, в качестве эффективного орудия своей политики. Конечно, по масштабу их невозможно сравнить с преступлениями Сталина. Но с преступлениями администрации Брежнева, тоже по-своему стремившейся минимизировать репрессии, уже можно. Я говорю не об общей оценке деятельности двух администраций – они несопоставимы. У предыдущей я затрудняюсь назвать хоть одно полезное деяние, а исторические заслуги нынешней неоспоримы. Сравняются только беззакония, уголовные преступления, нарушения прав человека, в которых повинны одна и другая. Что страшнее: тысячи диссидентов в лагерях и психушках, вторжение в Чехословакию и Афганистан, убитые в Афганистане советские солдаты и афганцы – или десятки (пока!) мирных жителей, убитых своей армией, тысячи депортированных, невмешательство в заведомый геноцид? Если даже мы и согласимся, что первое, пожалуй, страшнее, то они все-таки уже сопоставимы.

К сожалению, политика, не останавливающаяся перед преступлениями, имеет свою логику: став на ее путь, даже, может быть, нечаянно и по неразумию, трудно остановиться. События в нашей стране подтверждают это. Казалось бы, можно было остановиться после Тбилиси и Баку. Но дьявольская машина насилия уже запущена в ход. Осудить действия военных нельзя, чтобы не лишиться их поддержки. А министры и генералы возводят вой-

ну с «экстремистами» и «боевиками» в ранг государственной политики; разрабатываются планы, солдатам промываются мозги, передислоцируются части – и вот мы имеем Вильнюс. Теперь остановиться еще труднее. Потом Геташен. Остановиться почти невозможно. Где следующие убийства? Вспомним мысль патера Брауна: «Где лучше всего спрятать труп? В груди трупов». Если люди наконец осознают значимость и масштаб преступлений армяно-азербайджанской кампании и по стране прокатится волна демонстраций с требованием суда над виновными, чем ответить им, как не новыми танками и саперными лопатками? А если слишком разойдется печать, что делать, как не ликвидировать гласность? Кстати, достаточно серьезные высказывания на этот счет уже были.

У этой политики есть еще одно далеко идущее последствие – она практически сводит к нулю возможности нормальной демократической смены администрации и прихода к власти других лидеров. Если бы после такой смены наше государство стало сколько-нибудь правовым, оно было бы просто обязано начать судебное расследование преступлений, совершенных по инициативе или при поддержке нынешнего руководства. Счет, который должен быть к нему предъявлен, куда серьезнее счетов, обычно предъявляемых в цивилизованных государствах, – это не жалкий Уотергейт. Потому нынешние руководители СССР просто никогда не смогут допустить такого развития событий. И для возвращения к политическим принципам, основанным на нравственности и праве, нам останется надеяться только на счастливую случайность. На неожиданный приход к власти нового Горбачева. Или нового Гавела.

Июнь 1991

**ГАМЕЛИН, А.БЛЮМБАУМ
И.ПИЛЬЩИКОВ (Тарту)**

КРАЕУГОЛЬНЫЙ КИРПИЧ НАШЕГО БУДУЩЕГО

В № 5 за 1990 г. нашего журнала мы опубликовали ряд материалов, посвященных статье А.Солженицына «Как нам обустроить Россию». Хотя интерес к работе за время, истекшее со времени публикации, заметно охладел, отклики на нее все еще продолжают появляться в прессе в качестве аргумента в политических спорах. Мы публикуем ниже напечатанную впервые в многотиражке Тартусского университета «Alma mater» (и потому малодоступную русскому читателю) статью, в которой работа А.Солженицына анализируется с новых позиций – в общем контексте русской культуры.

Мы помещаем также полученное редакцией письмо читателя – Ю.Амосова, редактора издающейся в Австралии русской газеты «Единение».

Русские не любят гипотез. Им нужно целостное мировоззрение. Эта мысль Бердяева известна теперь едва ли не каждому советскому гражданину. Недавно одна неглупая интеллигентная дама призналась мне: «Я верю всему, что им (Бердяевым) написано». Теперь русские, кажется, поверили и Солженицыну. Свято место пусто не бывает: раз-два и готов этакий себе новый марксизм-ленинизм! *Ex ungue leonem.*

Критиковать отдельные соображения и места, обсуждать новую брошюру Солженицына «Как нам обустроить Россию» – абсолютно бессмысленно, не выяснив прежде всего, как сделана солженицынская «шинель». Важно показать истоки и смысл этой брошюры, понять ее как целое, прояснить ее базовые концептуальные схемы, стоящие за текстом, и происхождение этих схем.

Что сразу бросается в глаза? Многожанровость брошюры. И не определишь, *что это такое*: законопроект, проповедь, метафизический трактат или что-то еще. И это потому, что автор пытается совместить несколько авторских позиций (или поз?). Из них важнейшие – поза законодателя «западного» типа и поза гениального русского писателя, которому, в отличие от писателя западного, самой русской культуры дано право вмешиваться во все государственные и общественные дела. Отсюда – эклектизм текста, который представляет собой соединение несоединимого. Это и законопроект (то есть *программа*), и обосновывающая эту программу *идея*, некоторое философско-историологическое (точнее, квази-философское и квази-историологическое) построение. Для Солженицына идея важнее программы, более того, программа – эпифеномен идеи, метафизически полнокровной, единственной и абсолютно истинной (ср. в XX веке хотя бы документы НТС, партии младороссов и евразийство). Значит, нужно понять, во-первых, *что это за идея*, во-вторых, *почему она появилась*, и в-третьих, *почему высказана именно Солженицыным*.

В основе размышлений Солженицына над русской историей лежит представление о глубоком и принципиальном дуализме, противоборстве двух начал – имперского и национального. Эти начала опрокидываются в пространство русской истории, и победа одного из них означает поражение другого. По сути дела, никакого исторического движения у Солженицына нет, а есть смена состояний: цветущее царство народного духа после «духовной катастрофы Семнадцатого года» сменяется имперской властью и царством тьмы. Имперское начало безусловно и единственно отождествляется со «слепорожденной и злокачественной марксо-ленинской утопией», «коммунистической властью». И почти навязчивое противопоставление большевистской «Империи Кремля» и народной субстанции – пафос всей брошюры. «Пространнодержавное мышление» и «имперский дурман» при этом оказываются всецело порождениями Революции. До нее Россия как будто и не знала Империи! Разумеется, что разделение имперской и национальной стихий не доказывается ни исторически, ни логически. Это исходная онтологическая предпосылка. Такая историческая лож искупается только одним – искренним простодушием, с которым Солженицын нам ее предлагает. Г.Федотов (которого, кстати, Солженицын цитирует) писал: «Соединение мужицкого царя с дворянским государем создавало из петербургской императорской власти абсолютизм, небывалый в истории. (...) Петербургские самодержцы могли, опираясь на народ, подавлять дворянство и, опираясь на дворянство, разрушать быт, оскорблять нравственное чувство народа». («И есть и будет», 1932 г.). Тот же Бердяев называет Петра I «большевиком на троне». А деспотия и крепостное право – это Ромул и Рем, вскормленные русской историей.

Большевистская Империя с ее идеологией интернационализма, если верить Солженицыну, всегда была антинациональной. Ну еще бы! Для него не существует резкого перехода сталинской империи от политики интернационализма к националистической политике в конце 30-х гг., принципиального идеологического перелома, без которого был бы непонятен первый сталинский послевоенный тост: «За русский народ!» Или Александр Исаевич забыл о пушкинских празднествах 1937 г., превративших Пушкина из выразителя ограниченного дворянского мировоззрения – в великого *национального* поэта?

А как же все это сказывается на разрешении современного национального вопроса? Да очень просто. Объявляя Империю исчадьем коммунистического ада, Солженицын тут же выстраивает русскую этнодицею: он оправдывает многострадальный русский народ, снимая с него вину за коммунистическо-имперские злодеяния и, как это ни абсурдно, перекладывает эту вину на чужие плечи. Много и исключительно либерально рассуждая о суверенитете, праве других наций на самоопределение и возрождение, Солженицын проговаривается и «самоопределяет» их совершенно имперским образом: «окраи-

ны» (!) «непременно и бесповоротно будут отделены». Кем отделены? «Нами» – теми, кто будет обустривать Россию, то есть русскими. Вот он, характерно имперский жест: сначала – насильственное присоединение, теперь – насильственное отделение. По меткому выражению Ленина, Петр I искоренил в России варварство варварскими средствами. Солженицын искореняет империю имперскими... А почему, собственно говоря, немедленно отделить? Что за спешность? Наш автор признается: «...нет у нас сил на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. Нет у нас сил на Империю! – и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель». Вот так простым смысловым и синтаксическим параллелизмом имперские признаки (размозжать, высасывать, ускорять гибель русской нации) переносятся на понятие «окраины». Таким образом получается, что не русская империя высасывала жизненные соки из своих нерусских провинций, подавляла и русифицировала их, а «Россия эти десятилетия отдавала свои жизненные соки республикам!» «Держать великую Империю (хотя «Империю», но все-таки «Великую!») – значит вымертвлять свой собственный народ. Зачем этот разнопестрый сплав? – чтобы русским потерять свое неповторимое лицо?»; и Солженицын почти кричит: быстрее отделить их, они нас погубят, растворят, отнимут последние силы! Они нам смертельно опасны!

Теперь уже мы, русские, ни в чем не виноваты. А как же с покаянием? Ведь национальное покаяние, к которому вы призываете (а великоросская гордыня и здесь не дает покоя: уж если страдали русские от Империи, то, непременно, «прежде всего» и больше всех; если уж каяться, то для того, чтобы воспринять так, как никто не воспринял бы!), национальное покаяние – это осознание *собственной* вины, то есть содеянного нацией. Ведь вина, вручаемая то коммунистам, то «окраинам» – *это моя русская вина. И твоя, Александр Исаевич*. Покаяние – это осознание, переживание того, что «это я сделал», а не сетование, что «вот, мол, кто-то другой делал и меня заставлял». Революция ведь не свалилась на голову русскому народу ни с того, ни с сего, как кирпич на Бронной. Еще Воланд не без оснований заметил Берлиозу: «Кирпич ни с того, ни с сего никому и никогда на голову не свалится». А.Пятигорский (в статье о Пастернаке) заметил в свою очередь, что когда «победа сил зла над душой отдельного человека» «отражается в душах людей как глобальная объективность рока», это – потеря возможности самосмысления. И если эта потеря происходит в масштабах целой культуры – эта культура *теряет смысл*. Русские интеллигенты, считает Пятигорский, не смогли осмыслить революцию, потому что мыслили о ней «в терминах другого»: «Думая о революции, они понимали, что кто-то будет убивать кого-то, но они не поняли, что это их будут убивать и они будут убивать».

И точно также мыслит о большевистском режиме Солженицын: *они* (не мы) исказили *наш* (не их) дух! Русский народ – жертва большевизма, а не его основа. Вот это и импонирует русским. Так они и воспринимают себя, не желая понять, что ситуация, в которой они находятся – отчужденный продукт их деятельности, «превращенная форма» (Маркс) их типа деятельности, являющаяся им в их сознании как «глобальная объективность». Ведь недаром критика сталинизма так легко звучит из уст нынешних партийцев. Логика здесь та же: сталинские коммунисты – не мы, это какие-то другие коммунисты; вот наша деятельность – на благо народа и во имя его. Солженицын приглашает коммунистов публично раскаяться. Это, по его твердому убеждению, станет «хоть первым (!) разряжением нашей густо-гнетущей моральной атмосферы». Так ведь компартия и лечится «покаянием» по солженицынской рецептуре.

Но как рядом с русским национальным духом появляется сам Александр Исаевич Солженицын? Каким образом из концепции *Volksgeist*'а следует необходимость написания и публикации брошюры типа «Как нам обустроить...»? Как связан сам *факт* появления брошюры с ее базовой *концепцией*?

Представление о народе как о целостном организме появляется (как рефлексия просветительской традиции) в Европе в XVIII веке, с одной стороны, у Руссо («Об общественном договоре»), с другой – у Гердера. Народ мыслится не как механическая сумма отдельных индивидов, а как индивид высшего порядка, характеризующийся собственным «национальным складом» (Гердер). А уж иенские романтики прямо связывали понятие *Volksgeist* с понятием *гения* (как непосредственного выразителя этого национального духа). Эта концептуальная схема пришла к Солженицыну, по всей видимости, в редакции И.Ильина (важность немецких философских построений для последнего очевидна). По логике Ильина («Творческая идея нашего будущего», 1937 г.), свержение большевизма само по себе не приведет к возрождению национального духа. Но для возможности такого возрождения нужна прежде всего «руководящая творческая идея», а не политическая тактика и программа, вторичные и производные от нее. Кто должен высказать национальную идею? Естественно, гений, который «ставит свой народ перед лицом Божием и выговаривает за него и от его имени символ его предметов веры, предметного созерцания, знания и воли» («Путь духовного обновления», 1935 г.). Народ, по мнению Ильина, не может сам найти путь; этот путь ему указывает гений, «выговаривая» национальную идею. Для Ильина между гением и народом, конечно, имеется «прямое единство»: «И это единство он (гений) передает многозначительным словом *«мы»*. Вот откуда загадочное *«нам»* в заглавии брошюры. *«Мы»* – это русский народ, говорящий устами гения (Солженицына) и трепетно вслушивающийся в провозглашение своего символа веры.

Примат историософски обоснованной идеи над политической программой характерен для русского мышления о России и в XIX в. Недаром славянофильство, связывающее иенский романтизм с русской историософией начала XX века, было охарактеризовано К.Кавелиным следующим образом: «Славянофильство было исключительно научной, исторической, философской и теософической доктриной, без всякого политического характера». То есть, общественно-политические взгляды у славянофилов, разумеется, были; важна вторичность их, воспринимавшаяся оппонентами (Кавелин, Чичерин, Пыпин) как их отсутствие. Несмотря на то, что славянофильская концепция не была ни единой, ни неизменной, инварианты все-таки имелись – и это, во-первых, зависимость политических программ от философии истории. Именно в сочинениях славянофилов появляется сочетание историософской метафизики с непосредственными политическими программами. Второй важный момент: содержание славянофильской философии истории – противостояние народа и государства. Государство свойственно Западу, а не России; народ же есть только в России, «в Западной Европе нет народа» (К.Аксаков). Народ вслед за немецкими мыслителями понимался как внутренне единая цельность. Третий момент – прагматика славянофильских построений; цель их – «воспитание общества»: «Все наши слова, все наши толки имеют только одну цель, цель педагогическую» (А.Хомяков). Это «воспитание» И.Киреевский, А.Хомяков, К.Аксаков понимали как полное преобразование России на основе разработанной ими «новой науки», главный вывод и пафос которой: «У нас другой путь, наша Русь – святая Русь» (К.Аксаков). Совершенно очевидна близость брошюры Солженицына славянофильскому учению – по всем трем пунктам. Мы, таким образом, имеем дело с феноменом «неонеославянофильства». Впрочем, старо все это.

Утопия всегда отвечает на вопрос: «Как должно быть устроено идеальное общество?», а не «Как устроено общество?». В этом ее принципиальный анти-историзм; основные понятия ее – идеологические конструкты, лишённые какого бы то ни было исторического содержания. Утопия полагает себя, то как идеал будущего, то как прецедент прошлого, но всегда конструируется из априорных теоретических предпосылок. «Догматически-мечтательная

любопытность» (Кант) солженицынского обращения к истории, например, готова превратить исторически верные факты (да, действительно, в IX веке не было украинского народа, как не было особого украинского языка) в аргументы собственной панславянской утопии (да они просто забыли, что они русские!). Катков такой половинчатости бы не одобрил – он считал, что забыли не только украинцы с белоруссами, но и поляки с литовцами. А манипулирование просветительскими взглядами! Наш автор охотно цитирует Монтескье, полагавшего, что адекватный образ правления для России – монархия, и оспаривает азбучную истину европейской общественной мысли XVIII века – разделение трех властей (законодательной, исполнительной, судебной).

Русские «архаисты» конца XVIII – начала XIX вв., переосмысляя консервативно, а подчас и прямо реакционно, исходные исторические модели французского Просвещения, видели в начальном состоянии национальной истории исходное совершенство, преуспевание, основанное на Вере и Традиции. В следующей фазе национальный дух подвергался в результате западного влияния «порче» и «искажению». Заключительная фаза в будущем мыслилась как *возвращение* к истокам и «очищение» национального начала. Но русские «архансты», в отличие от славянофилов, как писал Ю.Лотман, «предпочитали отсчитывать время «порчи» не от петровской реформы (и не от революции 1917 г. – у Солженицына), а от момента «французской заразы» – середины XVIII столетия – и осуждать не европеизацию политического строя, не Петербург и «немецкую бюрократию» (как это делали славянофилы; и не Кремль и большевиков, как это делает Солженицын), а моды, щеголей и «Кузнецкий мост».

Обе европейские «заразы» (власть и моды) комически сталкиваются у Александра Исаевича: «...наша молодежь растет если не в сторону преступности, то в сторону неосмысленного варварского подражания чему-то, заманчивому изчужа. Исторический Железный Занавес (...) не доходил до самого низу, и туда подтекала навозная жижа распущенной опустившейся «поп-масс-культуры», вульгарнейших мод и издержек публичности...» Поясняя: коммунизм (вещь чудовишно нерусская, импортированная хриstopродавцами-марксистами!) спасает русскую молодежь от растлевающей ее поп-культуры, но безуспешно. Одна «зараза» предохраняет от другой, но плохо.

Солженицынская критика любой ценой западных демократических свобод и либерализма, *юрократии* сродни формуле Достоевского «Аблакат – продажная совесть». Достоевский только романы писал так, как будто начинался Бахтина, а во взглядах на реальную политику обнаруживал редкое шовинистическое прямотушие.

«Реформизм» Солженицына, его пафос всеобщей регламентации жизни и «плавного-преемственного развития» в конечном итоге таят в себе эсхатологический смысл. «Реформа» имеет целью не частичное улучшение той или иной сферы государственной и социальной жизни, а конечное и полное преобразование *всей* системы жизни. Солженицынское «программирование» и его практическая реализация должны лишь подготовить окончательную перемену в русской истории, которая будет иметь эсхатологически-завершающий характер. Русский «реформизм» всегда был ведом «русской идеей», и никогда не связывался с *продолжением*, но только с *началом*, с полным и окончательным разрушением сложившегося порядка (в данном случае коммунистической диктатуры) и созданием на *новом* месте нового прекрасного мира. Коммунистическая диктатура устанавливала себя таким же образом. Солженицынская мысль в основе своей тотальна и тоталитарна. Он сменяет одну утопию другой – и да здравствует Volksgeist, руководящая и направляющая сила нашей эпохи!

Теперь нам осталось выяснить последний вопрос: почему Россию спасает именно Солженицын. Самосознание русской культуры содержит концепт гениального *писателя*, указующего путь спасения России. На кого в своем

«культурном поведении» ориентируется наш автор? Прежде всего на Толстого и Достоевского. Каторга русского гения Достоевского как его личная судьба превращается у Солженицына в сталинскую каторгу всего русского народа, и эту национальную трагедию Солженицын переживает как свою. Первым сказав правду о сталинизме («ГУЛАГ»), он тем самым ставит себя в исключительное положение – оказывается «единственным честным человеком» в России. Но кроме этого – русская культура сразу восприняла Солженицына как «нового Толстого». (А даже в двадцатые годы русская литература нуждалась в «новом» – для того времени «красном» – Толстом). И Солженицын, таким образом упрочив свою позицию «Толстого XX века», эмансипируется от своей социальной группы – интеллигенции («Образованщина») и обращается к народу.

Вскрыть условия и предпосылки появления брошюры «Как нам обустроить...», я уверен, совершенно необходимо. Текст этот задан состоянием русской культуры и, претендуя на глобальное изменение этого состояния, фактически лишь упрочивает и поддерживает его. Выдавая себя за нечто головокружительно новое, он на деле является попросту архаичным. Но вернуться из головокружения утопии в осмысленную реальность – способна ли Россия? Вряд ли. ●

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 5 за 1990 г. вашего журнала напечатан отклик Олексы Пидлуцкого («Не согласен, Александр Исасвич») на статью А.И.Солженицына «Как нам обустроить Россию». Смысл и цель отклика О.Пидлуцкого – доказать, что украинцы, белоруссы и великороссы – отличные друг от друга нации, – нации с самостоятельной историей, языком, культурой и т.д., и т.п.

Однако приводимые О.Пидлуцким доводы доказывают скорее обратное. Будем кратки:

Язык. Да, украинский язык отличается от великорусского. Но доказывает ли это, что украинцы и великороссы – две разные нации? Китайцы, говорящие на кантонском языке, вовсе не считают себя нацией, отличной от китайцев, говорящих на мандарине. А ведь их языковое различие так велико, что они буквально не понимают друг друга.

Фольклор. Пруссак и баварцы одеваются по-разному, танцуют по-разному, едят разную (в кулинарном отношении) пищу, но от этого они не перестают быть двумя ветвями одной нации.

Одежда, танцы, виды пищи и даже язык северных итальянцев весьма отличны от таковых итальянцев южных. Так что же это – две разные нации?..

И такие рассуждения можно было бы продолжить до пределов нескольких увеселительных томов, по прочтении которых каждый мыслящий человек пришел бы к неизбежному выводу: подобные рассуждения и доводы никоим образом не могут служить доказательством правоты О.Пидлуцкого.

И еще один довод О.Пидлуцкого: ссылка на военные действия Выговского против московского войска. Что же это доказывает? Ровным счетом ничего. Не может же быть неизвестно О.Пидлуцкому, что междоусобные войны терзали наших славянских предков с XI века. Значит ли это, что каждый из участников этих многолетних и многочисленных войн был представителем и защитником какой-то отдельной, самостоятельной нации? И в шутку такого не станешь утверждать...

Доказывая свою правоту, О.Пидлуцкий ссылается на каких-то анонимных «непредубежденных ученых», которых, как он утверждает, «немало». Беда лишь в том, что в полемическом задоре О.Пидлуцкий позабыл назвать этих «ученых» и привести названия их трудов и прочие данные. Признаюсь, утверждения О.Пидлуцкого меня настолько заинтересовали, что это и является главной причиной написания этого письма. А посему очень прошу О.Пидлуцкого: не обесцудите, назовите этих «непредубежденных ученых» и укажите (заодно) названия их трудов и прочие данные, необходимые для того, чтобы мы (читатели) также могли с ними ознакомиться и либо принять, либо окончательно отвергнуть ваши тезисы.

В следующем (за упоминанием о «непредубежденных ученых») абзаце статьи-отклика О.Пидлуцкий ссылается на труд С.М.Соловьева «История России с древнейших времен» и упоминает о позиции митрополита Киевского Сильвестра Косова. И опять – О.Пидлуцкий не считает нужным указать страницы «Истории...» Соловьева, ни, тем более, привести цитаты.

Пытаюсь хоть как-то разобраться в том, что тшится доказать О.Пидлуцкий, занялся я просмотром «Истории...» Соловьева и нашел в 10 томе, в главе 3 весьма любопытные строки:

«14 января, – пишет С.Соловьев, – (1654 г.) – Бутурлин (специальный полномочный посол царя Алексея Михайловича, – Ю.А.) с товарищами отправился в Киев; 16 числа за полторы версты от Золотых ворот встретил его с речью митрополит Сильвестр Косов: «Целует Вас в лице моем он, благочестивый Владимир, великий князь русский; целует вас святой апостол Андрей Первозванный, провозвестивший на сем месте велию просияти славу Божию, яже ныне вашим пришествием благополучно паки обновляется; целую вас общему житию начальницы, преподобный Антоний и Феодосий Печерские и все преподобнии, лета и живот свой о Христе в сих пещерах изнурившие; целуем и мы о Христе ваше благородие со всем освященным собором, целующе ж любовне взываем: внидите в дом Бога нашего и на седалище первейше благочестия русского, да вашим пришествием обновится яко орля юность наследия благочестивых великих князей русских».

До этого тот же Сильвестр Косов прислал в 1651 году летом царю Алексею Михайловичу грамоту, содержавшую такие слова (там же): «Избран я на митрополию киевскую во время нужное, когда учинилась в нашей Литовской земле нынешняя междоусобная брань...» Далее – перечисление бед и проч., а в заключение: «Вели, государь, дать свое жалование: 12 миней месячных да прологи сентябрьские и мартовские, да Феофилакта, да устав большой, и на меня умилосердись, на одежду теплую пожалуй, чем бы мне согреться...»

Приведенные выше цитаты вовсе не подтверждают мнение О.Пидлуцкого, а свидетельствуют о том, что тот же митрополит С.Косов считал царя Алексея Михайловича и его послов – своими соотечественниками, почему и считал возможным просить царя Московского о назначении ему содержания. То есть он, С.Косов, отождествлял свои интересы и интересы народа, который он представлял, с интересами царя Московского и интересами присланных царем послов.

Упомянутому О.Пидлуцким писарю (а впоследствии – атаману) Выговскому историк С.Соловьев отводит немало строк. Так мы читаем не только о том, что войска Выговского разбили в Конотопской битве царское (московское) войско, которым командовал князь Трубецкой, но и о том, как Выговский интриговал, «маневрируя» многократно между поляками, Москвой и крымским ханом. Да и слава Выговского в Конотопской битве принадлежат по праву не столько ему, сколько поддержавшему его тогда крымскому (татарскому) хану.

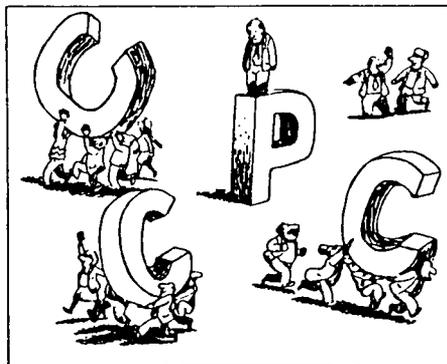
Интриги Выговского составляют, конечно, часть истории Украины XVII века. Но доказывают они все, что угодно, только (опять-таки!) не то, что тшится доказать О.Пидлуцкий.

Народ на Украине того времени был предельно обременен польской шляхтой, боялся набегов татар (и устал от них) и мечтал (без преувеличений!) объединиться с Русью Московской. Мечтал об этом уже хотя бы потому, что другой Руси в то время не было, но там (в Московии) жил народ, близкий и по вере, и по традициям, и по языку. И эта мечта была осуществлена в Переяславле в начале января 1654 г., когда ведущие люди Украины решили объединиться со своими единовверными братьями. Кстати сказать, в этом процессе принимал участие тот же Выговский, впоследствии «передумавший».

Завершу повторением просьбы к О.Пидлуцкому: не откажите в любезности – сообщите имена и проч. упомянутых Вами «непредубежденных ученых».

С уважением,

Юрий Амосов (Сидней)

«НАЦИОНАЛЬНОЕ» КАК ЦЕННОСТЬ

1.

Мы привыкли обсуждать национальную проблематику главным образом на русском материале. Уже примерно полтора века проблема «национального» обсуждается здесь в рамках оппозиции «западники – почвенники». Я подозреваю, что большинство оригинальных русских мыслителей вообще не укладывается в эту схему. Куда отнести, например, Чаадаева – не только привычного Чаадаева «Философических писем», но и недавно открывшегося нам «позднего» Чаадаева, автора коротких эссе сороковых–пятидесятых годов? Вот он говорит: «Хронология Европы чужда нам, мы присутствуем при жизни нашего века, но не участвуем в ней. Не будем заблуждаться: наша роль в мире, как бы значительна она ни была, как бы ни была славна, – роль доныне лишь политическая; и до движения идей в собственном смысле нам еще нет дела». Считать ли автора этих слов западником? Вот его мнение о западниках: «Русский либерал – бессмысленная мошка, толкущаяся в солнечном луче; солнце это – солнце Запада».

Однако быть «вне школ и систем» – это, пожалуй, давно установившаяся функция образа Чаадаева внутри русской философской традиции. Гораздо важнее другое. Можно показать (скажем, на примере Герцена), что с «Западом» у русских западников гораздо меньше общего, чем с русскими же почвенниками.

Чаадаев писал преимущественно по-французски, но, естественно, его творчество не стало из-за этого частью французской культуры, – так же как латинские произведения Петрарки не сделали его древнеримским писателем. Пересечь границы своего национально-культурного пространства гораздо труднее – даже если бы такая задача ставилась сознательно, – чем перейти в своем творчестве на чужой язык. (Есть, конечно, Адельберт фон Шамиссо, Владимир Набоков, Ханна Арендт, Пауль Тиллих – писатели-эмигранты, перешедшие на другой язык и ставшие творцами национальной культуры тех стран, куда они уехали; но это совсем особый случай.)

Вот так оно и шло: полтора столетия, если не больше, наша историософия жует тему «Россия и Европа». Переходя к событиям последних лет, я могу заметить: изменение политических обстоятельств не повлияло решающим образом на интеллектуальную ситуацию. Просто дискуссия, которая раньше велась преимущественно в самиздате или в эмигрантской периодике, переместилась теперь на страницы «Огонька», «Нового мира», «Нашего современника» и других советских журналов. Даже некоторые из авторов проделали этот переход. Различные (впрочем, немногочисленные) смысловые позиции вышли на поверхность культурной жизни в готовом виде, во всеоружии давно продуманной аргументации, как тридцать три богатыря из «Сказки о царе Салтане».

2.

Между тем началась новая эпоха – эпоха национально-освободительных движений угнетенных народов нашей страны, народов, для которых власть Центра более или менее тождественна власти русских коммунистов.

Легко заметить, что прежний концептуальный аппарат, приспособленный для анализа русской национальной проблематики и «русской идеи», оказался непригодным в новых условиях. Даже само слово «национализм» традиционно воспринимается так называемой «прогрессивной» русской интеллигенцией как оценочное понятие с отрицательным значением. Часто вспоминают слова: «Патриотизм (или национализм) – это последнее прибежище негодяя», процитированные Львом Толстым в «Круге чтения». При этом словосочетание «национально-освободительное движение» столь же традиционно воспринимается как оценоч-

ное понятие с положительным значением. Надо признать, что в обоих случаях на наше восприятие повлияла не только традиция западной интеллигенции, но и официальный пропагандистский узор. Эрнест Геллнер в книге «Нации и национализм» предлагает следующее *описательное* определение национализма: «Национализм – это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать». Соглашаясь с тем, что определение Геллнера существенно для нашей сегодняшней ситуации, я бы хотел дополнить его другим, указывающим на интеллектуальные и нравственные аспекты политического национализма. С этой точки зрения национализм можно определить как признание приоритета «национального» перед всеми другими ценностными ориентациями личности. При этом обычно допускается, что «национальное» способно интегрировать эти другие ценности. Именно это притязание «национального» и вызывает сомнения. Я исхожу из того, что «национальное» как самостоятельная ценность способно скорее исключить другие ценности.

При сравнении этих двух определений национализма можно заметить, что они предполагают внутреннюю связь разных форм «национального». Тем самым постулируется отказ от принципиального различия между «хорошим» и «дурным» национализмом. Это не значит, что такие различия признаются несуществующими или маловажными. Просто здесь ставится другая задача: выявление общих черт, присущих *всякому* национальному сознанию.

3.

Возвращаясь в этом контексте к «русскому вопросу», необходимо заметить: не исключена возможность того, что на следующем (и, быть может, близком) повороте нашей истории «новая русская правая» еще скажет свое слово. Другими словами, угрозу нового национал-большевизма нельзя считать вполне надуманной. Но сейчас мы видим нечто другое. Ежедневно происходит насилие на так называемой «национальной почве». Слово «Сумгаит» стало именем нарицательным в современном политическом словаре. На наших глазах падает цена человеческой жизни, мы привыкаем к крови.

В свое время центральное правительство ни словом не выразило соболезнования жертвам сумгаитской резни (то, что принято называть «отсутствием политической оценки»). Но в случае сумгаитского погрома была по крайней мере попытка составить список жертв, назвать всех поименно. Усилиями группы армянских историков и юристов собраны свидетельства тех армян, которые уцелели после погрома. Их показания и документы составили несколько томов, для чтения которых мне приходилось преодолевать сопротивление инстинкта самосохранения: сознание отказывалось вмещать эти сведения.

Еще нагляднее эта девальвация человеческой жизни видна на примере резни турок-месхетинцев в Ферганской долине в июне 1989 г. По официальным данным, погромщики убили более ста человек. Никто не квалифицировал происшедшее как геноцид. Никто не настаивал на публикации списка жертв. Люди просто исчезли, будто их и не было или будто они и не люди вовсе. Эта трагедия не вызвала ответной боли в общественном сознании. Оказалось, что просто никому нет до этого дела. После эвакуации из Средней Азии турки-месхетинцы оказались разбросанными по стране, в которой не нашлось социальной группы, готовой отстаивать их интересы.

Потом последовали кровавые события в Абхазии, Южной Осетии, в Оше, в Молдавии. Тлеет партизанская война в Нагорном Карабахе, новое грузинское правительство принимает энергичные меры по «окончательному решению» проблемы меньшинств – от насильственной ассимиляции до изгнания. Мы давно привыкли к вестям о ежедневном насилии.

Я думаю, что эти события важны не только для оценки нынешней внутриполитической ситуации, но и для выработки нового подхода к проблематике «национального». ●

КТО ВИНОВАТ И ЧТО ДЕЛАТЬ?

Эти два вопроса всегда увязывались в России друг с другом. Уже в самой формулировке первого из них содержится взрывоопасная заготовка для ответа на второй – ведь после того, как определены виновные, совершенно ясно, что делать, – бороться со злодеями!

Естественно, эти вопросы особенно обостряются, когда страна вступает, как например, в настоящее время, в период глубокого социального кризиса. Что же предлагается в качестве «рецептов лечения» советского общества в нынешней ситуации? Все имеющие широкое хождение идеи можно, грубо говоря, отнести к одному из трех основных направлений общественной мысли.

В рамках первого из них злом, являющимся причиной «болезни», объявляются инородцы. После устранения их самих или хотя бы их якобы всеобъемлющего вредоносного влияния, спасение рекомендуется искать на путях возрождения ценностей патриархальной русской жизни. «Вернуться назад к ней никак нельзя – в истории вообще возврат невозможен. Но она может стать для нас наиболее ценной моделью органически выросшего жизненного уклада, у которого можно многому научиться, и главное, космоцентризму – жизни в состоянии устойчивого социального, экономического и экологического равновесия» (И. Шафаревич, «Две дороги – к одному обрыву». «Новый мир», № 7, 1989 г.).

Этими самыми «двумя дорогами», кои в отличие от первой, направленной к космоцентризму, ведут к «одному обрыву», Шафаревич считает пути развития общества, на которые как раз и ориентированы второе и третье предлагаемые направления движения страны – назад, к административно-командной системе, и вперед, к демократии и рынку.

«Космоцентризм» – свежеспеченный термин, которым часть сторонников первого направления обозначает свою цель, – по существу не вносит ничего нового. В данном случае речь идет об обыкновенном русском фундаментализме. Среди наиболее авторитетных лидеров этого направления, помимо И. Шафаревича, в первую очередь следует назвать А. Солженицына, а его манифест «Как нам обустроить Россию» вполне можно считать программным документом современного русского фундаментализма.

Приверженцы второго направления, консерваторы, видят виновников всех бед СССР в безответственных реформаторах – разрушителях имевшихся порядков. Рекомендации по поводу того, что следует делать, обычно облекаются в форму призывов вернуть стране спокойствие и дисциплину. Ясно, однако, что хотя тщательно взвешивающие свои высказывания политики говорят лишь об *установлении порядка*, на самом деле имеется в виду *восстановление порядков*.

Консерваторы, в отличие от сторонников первого направления, отрицающих полезность не только помощи Запада (о ней не допускается даже мысли), но и западного опыта развития общества, признают последний в том, что касается технической стороны прогресса. Это, собственно, и служит И. Шафаревичу основанием для отнесения второго и третьего путей развития к одному типу – «техноцентрическому», коем у он противопоставляет космоцентризм.

Представляется, однако, что гораздо глубже сходство как раз первого и второго направлений – фундаментализма и большевизма, в корнях которых одна и та же претензия на особое предназначение России идти своим путем, открывающим якобы всему остальному человечеству истинную дорогу к светлому будущему – в одном случае космоцентрическому, в другом – коммунистическому.

Возможно, что здесь не только амбиция, но и подсознательное стремление избавиться от ощущения собственной ущербности, трансформировав его в уверенность в

своей полноценности, подобную, например, убежденности невежественных большевиков в выгоде отсутствия у них образования. Они нисколько не сомневались, что кухарка может управлять государством, более того, считали, что у нее это получится лучше, чем у классово чуждых грамотеев. Большевики видели преимущество в том, что они «академиев не кончали». Ясно ведь, что убедить себя, будто находишься в ситуации, в которой «излишняя» образованность только вредит, гораздо удобнее, чем тратить массу усилий на то, чтобы приобрести образование. Точно также психологически более комфортно сознавать себя не представителем страны, безнадежно отставшей и обреченной тяжело догонять других, ушедших далеко вперед по пути прогресса, а считать эту «дорогу» ведущей к «обрыву» и, таким образом, даже радоваться собственному положению, в котором еще можно остановиться и «свернуть в сторону от пропасти».

Замечу, что похожие мотивы звучат и в формулировках консерваторов: «остановить скатывание страны к капитализму», – еще одно сходство между ними и фундаменталистами. И те, и эти видят образцы для подражания в прошлом – одни в годах первых пятилеток, другие во времена патриархальной докапиталистической России.

К третьему направлению можно отнести множество разных течений. Но если не рассматривать республики с их национальными движениями к суверенитету, то в Центре до недавнего времени существовало лишь два реформистских течения, которые имели реальную политическую силу, значительное по меркам многомиллионной страны число сторонников и хоть в какой-то степени серьезно разработанную программу. Это умеренные во главе с Горбачевым и радикалы, первоначально сгруппировавшиеся вокруг межрегиональной депутатской группы, а позднее вокруг «Демократической России» и Б.Ельцина.

Концепция умеренных реформаторов строилась на обвинении Сталина, его сторонников и последователей. Было предложено тоталитарный социализм перестроить в социализм с «человеческим лицом». Ныне этого течения практически больше не существует. Хотя М.Горбачев и его приверженцы еще пытаются отделить себя от консерваторов, совершенно ясно, что разница между ними перестала быть принципиальной. Это видно прежде всего по тому, что в качестве виноватых склоняются уже не сталинисты, не противники перестройки, а как раз те, кто оказался ей наиболее привержен; естественно, и в делах произошел резкий поворот. В общем умеренные реформаторы превратились в умеренных консерваторов.

Сторонники радикальных реформ, наоборот, четко сориентированы на Запад, в обвинениях они не останавливаются только на сталинистах, считая их лишь промежуточным звеном, источник же бед видят в марксистах и вообще во всех противниках ценностей свободного мира. Посему предлагается скорейшим образом изменить весь строй общественных и производственных отношений в стране. Радикалам кажется, что стоит устранить абсурдные советские и установить «правильные» западные порядки, и дело пойдет на лад. Например, в экономике достаточно ввести свободу предпринимательства и частную собственность, кои должны возродить у советских людей так называемое «чувство хозяина» (подразумевается, что для того, чтобы стать хозяином, хватит одного «чувства»), и хозяйственные проблемы будут решены.

Вообще, это ведь исконно большевистская идея – предоставить хозяйствовать «кухаркам». Теперь, правда, речь уже идет не об отдельных, особо отмеченных, «служащих народу», а о целых коллективах «кухарок». Забавно, что радикалы, иронизирующие над словами коммунистического гимна «кто был ничем, тот станет всем» (мол, разве из ничего может получиться что-то?!), сами по существу предлагают совершить то, что не довели до конца большевики, сделавшие в 1917 г. «всем» только часть тех, «кто был ничем». Теперь же реформаторами предлагается действительно всех, кто является «ничем», сделать «всем» – арендаторами, кооператорами, акционерными – в общем, самостоятельными хозяевами. Как они могут «нахозяйствовать» в стране, видно уже из того, что получилось от наделения предприятий чуть большей, чем раньше, самостоятельностью. Дикость и неразбериха в экономике СССР только усугубились – предприятия стали переходить на натуральный обмен

продукцией, началось ее необоснованное удорожание и «вымывание» дешевого ассортимента. Этому явлению тут же придумали специальное наименование – «коллективный эгоизм», стремясь завуалировать причину – неразумные решения правительства, которыми и вызвано то, что называют «коллективным эгоизмом». Подобное неразумие, конечно же, характерно не только для экономических решений советских хозяев.

В связи с новоизобретенным термином «коллективный эгоизм» вспоминается меткое замечание А.Шопенгауэра о том, что человек признает за собой какие угодно пороки гораздо легче, чем глупость. Один из способов ее непризнания, широко распространенный у советских людей, состоит в том, чтобы выдавать ее следствия за проявление других пороков. Отсюда, как представляется, проистекают и распространяемые в последнее время радикальными перестройщиками призывы к покаянию. Даже добросовестно самокритичным россиянам психологически легче видеть причины бед нации в каких-то грехах или чьей-то вине – отдельных личностей, социального слоя, партии и т.д. и т.п. Каяться все-таки не столь неприятно и неперспективно, как признать неспособность самостоятельно рационально распоряжаться теми несметными, уникальными богатствами, которыми природа наделила Россию.

Наоборот, ориентировка на самостоятельные действия необычайно сильна у радикалов. Как констатировала покойный культуролог В.Чаликова, ныне «западничество, уже у Герцена бывшее по-своему «славянофильским», еще больше овостоцилось». Некоторые западанки даже не включают в число насущно необходимого стране ее взаимодействие с Западом. Такова, например, позиция известного экономиста и публициста В.Селюнина, сделавшего в области критики огосударственной и пропаганды рыночной экономики, пожалуй, больше, чем кто бы то ни было из пишущих на эти темы в СССР. Недаром, в ответ на его статью «Последний шанс» (ЛГ, 2 мая 1990 г.), опубликованную тогда, когда еще строились какие-то планы продолжения перестройки, разрабатывались какие-то программы, акад. С.Шаталин заметил: «А вот чего у Селюнина нет, но что действительно входит в число «последних шансов», – мы должны определиться по отношению к иностранной помощи. Без крупномасштабной помощи Запада современную рыночную экономику мы не создадим... Нам нужны кредиты под погребительские товары, нам нужен импорт капитала, импорт мозгов, нужно постараться взять от Запада все, что можно по части организации экономики».

Но, как видно, и сам С.Шаталин, один из наиболее ориентированных на Запад авторитетных советских экономистов, ограничивается только предложением «взять» что-то западное. Его программа «500 дней» представляет собой утопический план построения капитализма в одной отдельно взятой стране за полтора года.

Итак, даже самые радикальные российские западанки отводят Западу роль «помощника», но никак не руководителя. Чего уж больше, если идеолог, а с недавнего времени и организатор свободной экономической зоны на Сахалине, В.Федоров заявляет: «Я рассматриваю внешнеэкономический фактор как очень важный. Без него наша реформа слишком затянется, а нам эту дистанцию надо пробежать быстро. Но все-таки как фактор вторичный. Упор надо делать на собственные силы и стоять на своих ногах» («Известия», 26 мая 1990 г.). Выясняется, во-первых, что на пути создания свободной экономической зоны на Сахалине имеется масса препятствий, а во-вторых, что ее идеолог и организатор хоть и надеется преодолеть их «своими силами», однако четкого представления о том, как это можно сделать, не имеет.

В общем все вышесказанное является подтверждением на конкретных примерах вывода, сделанного в моей первой статье («Страна и мир», № 6, 1990 г.) на основе методологического анализа культуры принятия решений в СССР: советскими «decision makers» не могут быть приняты разумные решения. Однако дело не только в субъектах решений. Сам их объект – Советский Союз таков, что, ограничивая действия лишь его рамками, невозможно исправить создавшееся в нем положение.

В частности, любые попытки преобразования советской экономической системы, которая изначально строилась как сугубо замкнутая и плановая, призванные ликви-

дировать один из этих взаимоувязанных факторов, не трогая другой, всегда будут приводить к нелепицам, подобным, например, тому же «коллективному эгоизму». Да, он проявился в связи с ошибками, допущенными руководителями СССР в последние годы, но база-то для него создана гораздо раньше концентрированием и специализированием производства в стране, приведшими к «сверхмонополизму», который несовместим с ослаблением планового начала.

Чтобы хоть как-то урегулировать это противоречие, правительство решило при переходе к рынку жестко ограничить предельный уровень рентабельности производства. Эта мера была призвана обуздать «коллективных эгоистов», но и для тех, кто захочет заработать, рационально хозяйствуя, опираясь на достижения научно-технического прогресса, она тоже будет сдерживающим фактором. Столь же разрушительным для советской экономики может оказаться и антимонопольный закон, предложенный новым премьером В.Павловым, ратующим за установление максимальной доли одного предприятия на рынке в 35%. Но у многих промышленных гигантов такая доля гораздо больше (например, для продукции крупнейшего машиностроительного завода «Уралмаш» она составляет в среднем 60%). Что же, перепрофилировать значительную часть производственных мощностей подобных гигантов? На какие средства? И где тогда взять продукцию, которую они перестанут производить? Как избежать социального взрыва, грозящего в связи с образованием огромной армии безработных?

По-видимому, эта опасность прежде всего отпугнула М.Горбачева от программы «500 дней», выполнение которой в результате приватизации государственных предприятий привело бы к высвобождению 40 миллионов рабочих. М.Горбачев реальный политик, конечно же, не мог быть удовлетворен ответом С.Шаталина: «Для них всегда нашлась бы работа на строительстве, обновлении инфраструктуры и т.д.» Предвидя кровопролитную реакцию масс на реформы, некоторые политологи (например, И.Клямкин и А.Мигранян) предлагали в качестве выхода установление диктатуры «прогрессивного президента». Ясно, однако, что диктатура возможна лишь в том случае, когда ее фундаментом будут армия, КГБ и бюрократический аппарат – структуры регрессивные и не заинтересованные в создании рыночной экономики.

Как видим, предлагаемые решения экономических проблем влекут за собой необходимость решать проблемы социальные, те в свою очередь – политические, а последние опять упираются в экономику. Получается замкнутый круг. Таким образом, невозможность решения проблем СССР «изнутри» в немалой мере обусловлена сложившейся структурой самого объекта – Советского Союза.

Между тем, приверженцы всех трех рассматриваемых вариантов ответов на вечные российские вопросы приглашают (каждый на свой лад) советских людей решиться на подвиг, аналогичный тому, что удалось совершить лишь одному-единственному герою – барону Мюнхгаузену, который, как известно, сумел вытащить дернув за собственную косичку, себя вместе с лошадыю из болота.

Попытаемся предложить принципиально различные ответы. Прежде всего заметим разрушительную формулировку вопроса «кто виноват?» на более конструктивную: «в чем корень зла?». Думается, – в низком уровне общей культуры советского общества. «Общая культура» здесь понимается как совокупность всевозможных культур – интеллектуальной, духовной, коммуникативной, политической, правовой, экологической, производственной, культуры экономических отношений и др.

Приведенный перечень в известной степени условен и предназначен в первую очередь для того, чтобы, опираясь на него, сформулировать довольно тривиальную, однако важную для дальнейшего изложения мысль: цивилизованность общества (высокий уровень его общей культуры, в указанном понимании) характеризуется множеством факторов. Они, конечно же, взаимосвязаны, в большей мере влияют друг на друга, но, как представляется, ни одному из них не может принадлежать роль основополагающего, такого, который определял бы собой остальные. И именно от всей совокупности факторов целиком и полностью зависит благосостояние общества, жизненный уровень ее членов. Последний тоже имеет множество составляю-

щих, причем их важность не одинакова для людей в разных странах; даже в одной и той же стране значимость тех или иных параметров (аспектов жизни, человеческих ценностей) порой резко меняется с течением времени. Но нигде и никогда какой-то единственный параметр не приобретал такой весомости, чтобы сделать незначимыми все остальные.

Ясно, что на каждый параметр жизненного уровня каждый культурный фактор влияет по-своему, то есть зависимость благосостояния общества от его цивилизованности чрезвычайно сложна. Попытки достичь благосостояния на основе преобразования какого-то одного фактора являются чем-то вроде социальной алхимии, поисков «философского камня социума», способного продвинуть общество в «золотой век». К чему это может привести на самом деле, показывает печальный пример России, где в октябре 1917 г. были искусственно изменены, причем коренным образом, экономические отношения. Они, конечно, определяют в жизни общества очень многое, но далеко не все. Чтобы убедиться в этом, достаточно, например, сопоставить «цивилизованный» капитализм (североамериканский и западноевропейский) с «нецивилизованным» (индийским и латиноамериканским).

Очевидно, прогресс общества связан с его естественно сбалансированным продвижением ко все большей и большей цивилизованности во всех областях. Следовательно, вопрос «что делать?» сводится к другому вопросу – как стимулировать процесс такого естественно сбалансированного продвижения? Ясно, что прежде всего для этого необходимо соответствующим образом изменить факторы, сдерживающие (ингибирующие, выражаясь языком химиков) данный процесс. В качестве подобного ингибитора я уже указывал на тотальное огосударствление в России экономических отношений. Чтобы лишний раз подчеркнуть, что им не принадлежит какой-то сверхроли в прогрессе общества вообще, приведу примеры из других областей – пограничная стена в Китае (здесь застой был обусловлен именно этим искусственным ограничением коммуникативной культуры) и религиозный фундаментализм (например, причиной нецивилизованности стран, в которых господствует ортодоксальный ислам, является, на мой взгляд, именно эта особенность их духовной культуры).

Итак, уничтожение ингибиторов должно дать «зеленый свет» естественно сбалансированному цивилизованию общества. Но нельзя ли не только сделать этот процесс возможным, а еще и подтолкнуть, ускорить его? Раз есть ингибиторы, может быть, существуют и катализаторы? И если да, то доступно ли их определение человеческому разуму? Представляется, что ответ на эти вопросы может быть положительным, если они относятся к тем частям мирового сообщества, которые пребывают в диком или варварском состоянии. В таком случае имеющийся уже пример цивилизованных стран несет информацию о том, что есть действительный прогресс, дает исторический опыт развития общей культуры, а главное, обеспечивает возможность привнесения ее в нецивилизованные социумы посредством цивилизаторства.

Последнее выступает в настоящее время, когда колониализм и миссионерство ушли в прошлое, в форме экономического и/или военно-политического патронажа, благодаря которому, например, буквально в считанные годы преобразились страны, называемые «южно-азиатскими драконами» («Страна и мир», № 11, 1986 г.). Их отличие от отсталых соседей, не подвергнувшихся цивилизаторскому воздействию, разительно и, что очень характерно, многогранно. Если ингибировать прогресс в целом может, как мы видели, нарушение его естественного хода всего лишь в одном направлении, то в качестве катализатора (а именно им явилось американское присутствие в Южной Корее и на Тайване) способно выступить только нечто, оказывающее благотворное влияние на все (или хотя бы на многие) области общей культуры. И что может обеспечить такое комплексное влияние, кроме присутствия цивилизаторов, причем не в подчиненной, а в какой-то значительной роли? Другого рода катализаторы вряд ли возможны.

В каком же качестве Запад может выступить в СССР? Ясно, что недостаточно ограничиться ролью «нанятого менеджера». В этом случае работать как надо будет просто невозможно (если вообще дело дойдет до работы). Известно, что Советским Союзом закуплено, но не задействовано зарубежное оборудование стоимостью в

несколько миллиардов долларов – не вызывает сомнений, что столь же иррационально будут использованы и импортные «мозги». В связи с этим следует заметить, что многие, в том числе и довольно проницательные люди на Западе, все-таки не сознают в полной мере, насколько безгранична советская иррациональность. Вот, например, один из самых авторитетных бизнесменов Америки Дж. Сорос, справедливо выражая сомнение в целесообразности предоставления СССР кредитов (валюта, по его мнению, скорее всего будет истрачена без толку, как это не раз бывало раньше), рекомендует в то же время сделать упор на управленческую помощь западных специалистов. Думается, однако, что поставить с головы на ноги советскую экономику предприниматели с Запада смогут только будучи не помощниками, а *хозяевами*: купив средства производства СССР.

Я считаю, что на продажу Западу советских предприятий правильнее смотреть как на приобретение для них цивилизованных хозяев, самими же хозяевами и оплаченное. Ясно, что прежде, чем ввести этот катализатор развития, следует устранить ингибитор. Надо разгосударствить экономические отношения в стране (это не конечная, а только промежуточная цель); необходимо принять законы, ограждающие СССР от тривиального разграбления, безудержного загрязнения окружающей среды и другого тому подобного хищничества (это обычные условия инвестирования капитала, принятые во всем мире, их соблюдение вполне позволяет совместить интересы экспортера средств и потребности принимающей экономики – конкретные правовые и экономические механизмы подобного совмещения действуют уже во многих странах, разработка их – дело техники).

Ясно также, что продажу нужно осуществить в возможно более широких масштабах: если, скажем, на каком-то предприятии инвестор не хочет платить за устаревшее оборудование, но готов купить постройки – продавать; если и здания в таком плачевном состоянии, что не находится покупателя, – продавать землю с коммуникациями и т.д. Какие выгоды это сулит? Решение массы конкретных проблем: создание рынка (такое, например, препятствие как «сверхмонополизм» автоматически нивелируется, когда народное хозяйство абсорбируется мировым); повышение жизненного уровня людей, могущее способствовать снижению социального напряжения; технологический прогресс; предотвращение утечки умов и т.д. и т.п.

Все эти аргументы стали уже банальными, они, что называется, лежат на поверхности. Их постоянно используют радикальные западники в оправдание своих предложений об ограниченном привлечении в СССР прямых инвестиций из-за рубежа. Так, например, оправдывался экономист шаталинской ориентации М. Стукалов, опубликовавший в «Известиях» 17 августа 1990 г. статью «Можно ли распродать Россию?», в которой он ратовал за продажу «предприятий торговли, общественного питания, бытового обслуживания» иностранцам. «И почему бы постепенно не перейти к продаже им же нерентабельных предприятий в отраслях, производящих предметы потребления?» – смелая, вопрошал автор и, совсем уж расхрабравшись, предлагал: «Нужно дать иностранным инвесторам возможность организовать в СССР собственное производство, а для этого предусмотреть возможность продажи им земли под строительство производственных мощностей, продавать им «незавершенку».

В общем, «на небоже, что нам негоже», и еще то, до чего у нас руки не доходят, а мы за это получим «живые деньги вместо убытков» и своей ролью хозяев России по существу не поступимся (в последнем – весь пафос статьи М. Стукалова). В рамках подобной логики оправдывался и Г. Фильшин, выступая в Верховном Совете перед своей отставкой с поста зам. председателя Совета министров РСФСР, вызванной «разоблачением» одобренной им сделки по продаже 140 миллиардов руб. за рубеж. Фильшин подчеркивал, что из этой суммы на «покупку России» иностранцы смогут использовать только около 10 миллиардов рублей – капля в море. Мол, говорить в данном случае о «продаже страны» совершенно неправомерно.

Логика такой аргументации плоха не только тем, что она поверхностна, но в первую очередь тем, что она дезориентирующая. Проблемы решаются людьми, от них зависит прогресс, который, как верно заметил политолог Л. Волков, «требует от

огромной массы людей определенного типа мышления, знания, определенной психологии поведения (то есть общей культуры, в моем понимании – *О.С.*). Обретение этих свойств – длительный и многогранный исторический процесс». И если поколение за поколением не прошли все грани этого процесса, действия личности «распадаются на фрагменты, а сама личность как бы раздваивается, утрачивает целостность». Деятели же, обладающие высоким уровнем культуры, могут в настоящее время появиться в Советском Союзе в большом количестве только в результате его «продажи». Причем появиться как раз в самой сложной сфере деятельности, для которой замечание Л.Волкова верно в наибольшей степени. То, о чем он говорит, конечно же, относится прежде всего к ведущим, а не к ведомым. Последних можно воспитать за несколько лет, как показал опыт развитых стран, импортирующих в большом количестве рабочую силу из стран, развитых гораздо слабее (в ФРГ, например, успешно работают сотни тысяч турецких и югославских рабочих, но почти нет менеджеров турок или югославов).

Так что истинным ориентиром должна быть именно «продажа России» – единственная возможность обретения ею цивилизованных хозяев. Вот главная, фундаментальная, «глубинная» выгода, могущая обеспечить все другие, «поверхностные» выгоды – решение конкретных проблем, перечисленных выше.

На пути осуществления предлагаемого мною варианта имеются серьезнейшие препятствия, как в самом Советском Союзе, так и вне его.

Внутри – это прежде всего силы, обладающие реальной властью в стране, а также национальная (великодержавная) гордость советских людей. Если первое не требует пояснений, то на втором следует остановиться подробнее. Рассмотрим тезис, который, на мой взгляд, предопределяет все содержание статьи А.Солженицына «Как нам обустроить Россию»: «Таков человек (надо понимать россиянин – *О.С.*): ничто нас не убедит, ни наш голод, нищета, ранние смерти, вырождение – что какая-то из этих бед первой нашей национальной гордости!»

Но чем же гордиться миллионам голодных, нищих, вырождающихся обывателей – тем 90% (или еще более) россиян, для которых великая русская духовная культура – пустой звук? Только одним – величием (в данном контексте вернее было бы сказать «величиной») своей державы. Замечу, что и приверженность к духовным ценностям вовсе не означает отсутствия приоритета, связанного с идентификацией себя как представителя великой державы. В этом отношении характерна позиция И.Шафаревича, высказанная им на встрече в Останкинской телестудии, запись которой Центральное телевидение транслировало 15 марта 1991 г. За час до того выступал М.Горбачев – призывал поддержать через два дня на референдуме «обновленную федерацию»: мол, сохраним для потомков (иначе они «нам не простят») страну, не позволим разрушить созданную предками ценою великих жертв и подвигов могучую державу и т.д. и т.п. О том же самом, как о первой же ценности, говорил и И.Шафаревич. Аудитория внимала ему с энтузиазмом. Удивительный российский феномен общенародной паранойи – логически последовательно выстроенная (но на абсурдном фундаменте) магия, охватывающая всю нацию. И у главной коммуниста, и у резко антикоммунистически настроенного интеллектуала одинаковая установка: государственные ценности – превыше всего, о человеческих же либо вообще не говорится, либо именно *только говорится*, но дальше слов дело не идет.

Средний советский человек в качестве человека общественного действует так, как будто ему лучше оставаться бедным, больным всевозможными социальными болезнями и диким, чем стать побогаче, выздороветь и цивилизоваться, если для этого придется поступиться собственными великодержавными амбициями. Думаю, именно эти воспитанные с детства амбиции порождают у советских людей своеобразный эффект распада на фрагменты уже даже не действий, как заметил Л.Волков, а понимания положения в своей стране. Многие в СССР видят упомянутые (и не упомянутые) мною конкретные проблемы, хорошо разбираются в них, однако не могут определить глубинную причину кризиса страны и сделать из этого вывод о непреложности альтернативы: либо обречь себя на дальнейшие беды, либо отказаться от великодержавных амбиций. Забавно, что если посмотреть на цитированную

фразу А. Солженицына не с позиции ее автора, а с другой стороны, то в ней можно обнаружить выраженную неявным образом именно эту альтернативу.

Главное внешнее препятствие к «продаже России» состоит в том, что желающих купить ее не так-то уж и много. Во-первых, на Западе не забыли советскую «жульническую концессионную политику», как назвал ее в своей книге бывший секретарь Сталина Б. Бажанов, описавший, в частности, как беспардонно была обманута английская компания Лена-Гольдфильдс, взявшая в концессию золотые россыпи на реке Лена. Во-вторых, уже в нынешние времена СССР много сделал для того, чтобы вызвать недоверие Запада, проявив и необязательность в деловых отношениях, и ксенофобию – чего стоит одно только заявление премьер-министра Павлова, обвинившего западноевропейских капиталистов в «покушении на экономическую независимость СССР». Последнее прозвучало особенно дико в устах доктора экономических наук. Что означает термин «экономическая независимость» по отношению к государству? Япония, ввозящая почти все сырье из-за рубежа, и Америка с ее сотнями миллиардов долларов государственного долга и другими сотнями миллиардов инвестированного иностранного капитала – «экономически независимые» страны? Можно ли иметь дело с мыслящими подобным образом дикарями?

Некоторым кажется, что для Запада серьезным мотивом, который способен привести к гигантскому вкладу капитала в советскую экономику, может стать опасение, что без этой поддержки режим Горбачева провалится, а реставрация в СССР тоталитарного строя вернет мир к конфронтации и резко усилит угрозу атомного апокалипсиса. Мне же представляется, что страх Запада перед угрозой с Востока столь же умозрительен, как, например, страх нормального здорового человека перед смертью – апеллируя к нему, склонить благополучно живущих людей к каким-то существенным жертвам, далеко выходящим за рамки общепринятых самоограничений, вряд ли возможно.

Так что же, Россия не будет продана? В ближайшие годы это, безусловно, нереально. В более далеком будущем, однако, это возможно. В конце концов, имеется же в истории страны подобный прецедент – индустриализация 80-х – 90-х гг. прошлого века, проведенная именно с опорой на иностранный капитал. Можно сослаться и еще на один прецедент проведения реформ сверху, в значительной мере опиравшихся на усилия иностранцев («немцев», как их именовали в петровские времена). Однако, если уж вести речь об исторических параллелях, то Горбачева, конечно, следует уподобить не Петру I, а Хрущеву. Эта аналогия подсказывает, что и с перестройкой произойдет (собственно, уже происходит) то же, что и с «оттепелью», – зайдя в тупик, она откатится назад до того уровня, который обеспечит какую-то стабильность в стране.

После очередного «застоя» последует третья попытка реформирования СССР. И если следующий реформатор с самого начала четко настроится на преобразования под патронажем Запада, у него будут шансы преодолеть препятствия, о которых велась речь выше.

Если бы немцы не создали Российскую Академию наук, Ломоносов так и остался бы архангельским мужиком, немцы не послали бы его учиться в Германию и ему не довелось бы потом, выучившись, бороться с засилием инородцев в Академии, и не появились бы через годы в России ученые мирового уровня с исконно славянскими фамилиями. Точно так же не появились бы их соплеменники в числе крупных российских капиталистов в конце XIX – начале XX в. без предварительной продажи России зарубежным предпринимателям, поскольку не возник бы в России в столь сжатые сроки капитализм. Ни наука, ни капитализм в России, вероятно, вообще бы не возникли без каких-то каталитических инъекций с Запада. Если бы Петр I ограничился только тем, что запретил патриархальные порядки, но не пригласил бы иностранцев, а реформы шестидесятых годов XIX в. остановились на отмене крепостного права, вряд ли в обоих случаях прогрессивные преобразования имели бы место. Для осуществления прогрессивного процесса недостаточно лишь устранения его ингибиторов, необходимы катализаторы.

Устранение внешних препятствий к продаже, думается, во многом зависит от того, что будет происходить внутри страны. Ясно, что желание инвестировать капи-

талы в СССР может быть лишь встречной реакцией. Та же несостоявшаяся сделка с покупкой 140 миллиардов рублей показала, что как только Россия выставила их на продажу, желающие нашлись, даже несмотря на общую нестабильность ситуации в стране. Полагаю, что если «третий реформатор» безоговорочно двинется навстречу Западу, осуществит указанные выше мероприятия, рассчитанные на завоевание его доверия (к ним следует добавить еще одно – уравнение статуса всех национальных образований СССР и предоставление права каждому народу решать вопрос о продаже своего имущества) – на Россию, судя по всему, найдутся покупатели, и ее удастся взаимовыгодно продать.

Но опираться в прогнозах на исторические параллели и логику, – значит избрать рациональную парадигму предсказания будущего, что по отношению к России, стране иррациональной, вряд ли следует делать (недаром сказано поэтом: «умом Россию не понять»). Если перефразировать известную сентенцию Л.Толстого о том, что все несчастные семьи несчастны по-разному, а счастливые одинаково, то можно заключить, что все абсурдное абсурдно по-разному, а рациональное рационально одинаково (ясно почему: в основе рациональности – общечеловеческие ценностные установки и логика, законы которой объективны). Поэтому мой прогноз будущего России таков: здесь вряд ли произойдет что-нибудь рациональное, вероятнее всего, случится какой-то абсурд, но какой именно из множества разнообразных мыслимых и немыслимых вариантов – предсказать невозможно.

Лесли ЛИПСОН (Нью-Йорк)

ФИЛОСОФИЯ ДЕМОКРАТИИ

Можно ли примирить ее противоречия?

Современная теория демократии находится примерно в таком же положении, в каком была теоретическая физика в начале нашего века, когда Эйнштейн стал размышлять над ее проблемами. В то время физики в основном придерживались учения Ньютона, разработанного еще в конце XVII века. Это учение было основано на понятиях пространства и времени, которые рассматривались как обособленные друг от друга сущности. Хотя исследования XIX в. (например, Максвелла и Майкельсона-Морли) и дали некоторые результаты, не укладывавшиеся в рамки классической физики, ньютоновское представление о Вселенной никем в основе своей не пересматривалось. Заслуга такого пересмотра принадлежит Эйнштейну, который впервые стал рассматривать пространство и время не как отдельные категории, а как единое «пространство-время». Все остальные элементы теории Эйнштейна, в том числе и знаменитое уравнение $E=mc^2$, являются следствиями этого переворота в физической картине мира.

Мне уже некоторое время кажется, что подобный пересмотр основных понятий следовало бы предпринять и в области политической теории, при анализе демократических учреждений и ценностей. Я вижу элементы разительного сходства между теорией демократии в ее нынешнем виде и физикой накануне эйнштейновского переворота. Наша политическая философия сегодня состоит из несовместимых концепций, зародившихся еще в Древней Греции и вновь утвердившихся спустя два тысячелетия в качестве предпосылок или последующих оправданий для революций в Англии, Америке и Франции. Быть может, эта параллель между физикой и политикой носит не случайный, а причинно-следственный характер. Джон Локк, написавший свой второй

«Трактат о государственном правлении», чтобы дать обоснование английской «Славной революции» 1688 г., был не только современником Ньютона, но и почитателем его гения. В рассуждениях Локка есть элементы, которые можно рассматривать как применение ньютоновской физики к политическим вопросам (эта идейная связь была в свое время отмечена Вудро Вильсоном). Подобные параллели представляют не только историко-философский интерес, но и имеют значение для политической практики. Поскольку произведения Локка, как и Монтескье, были настоящим «священным писанием» для отцов-основателей американского государства, некоторые ведущие идеи английского философа нашли свое отражение в Декларации независимости и Конституции США, а значит, влияние этих идей на политические структуры американского общества сохраняется и по сей день.

Постараюсь прояснить свою аналогию между состоянием теоретической физики перед приходом Эйнштейна и теорией демократического государства в том виде, в котором она сейчас обычно рассматривается. Для теоретиков демократии понятия свободы и равенства уже давно играют ту же роль, что и понятия пространства и времени для физиков. Именно эти два политических идеала имеют для нас основополагающее значение, именно они одушевляют демократический образ правления, придавая ему уникальный характер и позволяя отличать демократию от иных политических систем. Невозможно рассуждать о целях демократического общественного устройства или же оценивать успехи и неудачи той или иной конкретной демократической системы, не облекая свою мысль в термины «свободы» и «равенства». Самое краткое определение духа демократии могло бы звучать примерно так: демократия есть образ правления, при котором одновременно обеспечивается и как можно больше свободы, и как можно больше равенства.

Однако стоит нам попытаться привести свои традиционные убеждения, отразившиеся в этой формуле, в соответствие с современными сдвигами в общественных отношениях, как мы оказываемся перед серьезными трудностями. Когда мы говорим, что нашими ведущими идеалами являются свобода и равенство и что цель демократического правления состоит в действительном сочетании этих идеалов, мы по существу высказываем куда более противоречивое суждение, чем те, которыми когда-то озадачивал своих слушателей дельфийский оракул. Свобода представляет собой сложное понятие, которое может определяться по-разному, причем различные определения несовместимы между собой. То же можно сказать и относительно равенства. Попытка механического соединения этих понятий приводит только к усугублению логических противоречий. Поэтому неудивительно, что при разработке политических, социальных и экономических программ нам часто не удается добиться ясности и определенности. А когда мы обращаемся к тем, кто еще не достиг демократии, с призывом последовать нашему прекрасному примеру, такой призыв может восприниматься как двусмысленный и не заслуживающий доверия. Если мы хотим распространить свои убеждения в скептически настроенном мире, разве не следует для начала сделать эти убеждения ясными для нас самих?

О каких противоречиях идет речь? Я попытаюсь осветить самые важные из них, а именно: различные толкования свободы и равенства, а также противопоставление свободы равенству в их различных значениях.

Начну со свободы. Двойственность этого понятия выражена уже в повседневном словоупотреблении. Мы думаем или говорим либо о свободе «от чего-либо» (от страха, от угнетения и т.п.), либо о свободе «чего-либо» (слова, совести и т.п.). Первое значение слова «свобода» имеет логически отрицательный характер, второе – положительный. Рассуждения на тему о свободе обычно отталкиваются от отрицательного значения этого слова. Это естественно, поскольку первичный, наиболее общий смысл понятия «свобода» состоит в отсутствии стеснения. Такой смысл воспринимается людьми с ин-

стинктивным одобрением. В самом деле, навряд ли найдется человек, предпочитающий для себя стеснение отсутствию стеснения. Но стоит нам принять этот принцип, как начинаются трудности. Обладание свободой в отрицательном смысле слова означает, что человек наделяется способностью осуществлять положительную свободу. Свобода от стеснения обеспечивает нам свободу действий. Но всякое действие непременно затрагивает другого человека, а в определенных случаях наносит ему ущерб. А разве «потерпевший» не будет прав, требуя от общества, чтобы оно предотвращало такой ущерб, либо заранее ограничивая свободу действий, либо наказывая злоупотребляющего этой свободой? Другими словами, не следует ли считать, что осуществление положительной свободы требует введения ограничений на отрицательную свободу?

Чтобы простейшим образом проиллюстрировать эту дилемму, часто говорят: моя свобода размахивать руками кончается там, где начинается нос другого человека. Поскольку мои руки не связаны, я располагаю отрицательной свободой. Но в данной ситуации моя положительная свобода (то есть возможность размахивать руками) ограничена определенным социальным обязательством. Другие имеют право на защиту от телесного повреждения, которое может вызвать свободное движение моей руки.

Этот грубоватый, но наглядный пример внутреннего противоречия между свободой в отрицательном и положительном смысле слова позволяет сделать ряд выводов. Прежде всего очевидно, что отрицательная свобода вступает в конфликт с положительной лишь в том случае, если оба аспекта свободы утверждаются как абсолютные ценности. Проблема может быть разрешена при введении ограничений, то есть при интерпретации положительной и отрицательной свободы как взаимно относительных категорий, по аналогии с эйнштейновским постулатом об относительности пространства и времени. В таком случае возможна принципиально иная постановка вопроса о сущности свободы. Этот вопрос можно сформулировать так: какую именно свободу и в каких пределах следует предоставить данному человеку в данных обстоятельствах? Обычный ответ звучит примерно так: человек свободен совершать любые действия, которые: а) не причиняют ущерба другим; б) не ограничивают равную возможность других совершать такие же действия. Второй пункт этого принципа имеет особое значение. Здесь в определение свободы вводится в качестве составного элемента понятие равенства, и намечается логическая связь между этими двумя понятиями. Поэтому теперь следует обратиться к вопросу о сущности равенства.

Подобно понятию свободы, понятие равенства тоже имеет различные толкования. Наличие у этого термина двух значений было зафиксировано еще Аристотелем. Проводя аналогию с математикой, он отметил, что два человека могут быть названы равными друг другу, когда они находятся в одинаковых условиях (обстоятельствах) или когда с ними обращаются одинаковым образом. Так, арифметическая прогрессия построена так, что каждый ее член отличается от предыдущего на одинаковую величину – например, 2, 4, 6, 8 и т.д. Но в геометрической прогрессии каждый ее член связан с предыдущим определенной пропорцией – например, 2, 4, 8, 16 и т.д. Таким образом, замечает Аристотель, равенство может означать либо одинаковость, либо пропорциональность. Иногда относиться к людям как к равным между собой – значит предоставлять им равные блага. В других случаях объем этих благ может быть определен по рангам. Как обстоит дело в тех или иных обстоятельствах?

Многочисленные примеры можно почерпнуть из области налоговой политики. В моем родном штате Калифорния с владельцев автомобилей взимается ежегодный регистрационный взнос, величина которого пропорциональна примерной рыночной цене машины. Естественно, пока человек пользуется одной и той же машиной, этот взнос год от года уменьшается. Однако в других

штатах за пользование автомобилем берется фиксированная сумма, одинаковая для всех и не зависящая от стоимости машины. Какая модель равенства лучше подходит в такой ситуации? Такие же соображения возникают, если мы рассматриваем проблему подоходного налога. Государство может взимать налог со всех доходов каждого гражданина, но может и исключить из облагаемого налогом дохода некую минимальную величину. Можно брать одну и ту же сумму налога со всех лиц, имеющих доходы; можно определить одинаковую для всех норму налоговых отчислений; наконец, можно установить прогрессивную шкалу налогообложения, как это чаще всего и делается. Какой же из этих вариантов лучше всего отвечает понятию равенства?

До сих пор я отдельно рассматривал различные аспекты сначала свободы, а потом равенства. Теперь попробуем проанализировать эти понятия в их взаимосвязи. Как можно совместить равенство и свободу? Прежде чем ответить на этот вопрос, я бы хотел заметить, что несмотря на очевидную необходимость такого комплексного анализа, понятия свободы и равенства пока еще почти не рассматривались в единстве и взаимосвязи. Более того, в классических произведениях демократической мысли свободе уделялось значительно больше внимания, нежели равенству. Литература о свободе весьма обширна. Этой теме посвящено много выдающихся трудов – пожалуй, наиболее знаменитый из них принадлежит перу Джона Стюарта Милля. Совсем иначе обстоит дело с проблемой равенства. По сравнению со свободой равенство до сих пор занимает второстепенное (так сказать, «неравное») положение в общественной мысли. Трудно объяснить такое несоответствие – ведь в политической истории понятия свободы и равенства всегда были связаны столь же неразрывно, как они связаны с точки зрения логики. В некоторых крупнейших революциях прошлого требования равенства играли не менее важную роль, чем требования свободы. Стоит напомнить, что автор американской Декларации независимости Томас Джефферсон среди всех «самоочевидных истин» поставил на первое место ту, что «все люди созданы равными».

Всякое углубленное изучение понятий свободы и равенства вскоре показывает, что анализ одного из них естественно переходит в анализ другого. Это заставляет предположить, что свобода и равенство представляют собой не обособленные категории, а взаимосвязанные аспекты единого понятия, по-своему сходного с «пространством-временем» у Эйнштейна.

Поясню свою мысль рядом примеров. Когда мы говорим о свободе слова, мы утверждаем, что каждый имеет право на собственное мнение. Как правило, этот принцип выдвигается как одно из проявлений свободы. Но разве не очевидно, что он выражает также и идею равенства? Разве нельзя интерпретировать его таким образом, что все должны иметь равное право на высказывание своего мнения? Однако равное пользование этим правом может приводить к неравным результатам. Из того, что все имеют право выражать свое мнение, еще не следует, что все высказываемые мнения равным образом правильны. Мнения необходимо рассматривать и оценивать по качеству. Для этого нужно выбирать критерии оценки мнений и уметь ими пользоваться. В качестве такого критерия можно избрать истинность либо ложность (на этом противопоставлении основаны рассуждения Милля во второй главе его книги «О свободе»). Но есть и другие возможные критерии – мнение может быть хорошим либо дурным, умным либо глупым. Таким образом, свобода выражения мнений вовсе не означает, что все мнения имеют одинаковые шансы быть принятыми.

Внутренняя связь между свободой и равенством отражена в такой часто встречающейся формулировке как «равенство возможностей». Здесь эти два понятия сливаются, образуя нечто вроде «уравнительно распределенной свободы». Иногда говорят, что в жизни у всех должны быть равные стартовые позиции. Что же следует из этого принципа? Разве со временем не обна-

руживается неравенство между отдельными участниками «жизненной гонки», и разве не побеждает в ней самый умелый и ловкий? Или рассмотрим ситуацию при выборах. Утверждается, что любой гражданин имеет право претендовать на выборную должность. В этом смысле все граждане равны и свободны, точнее говоря, равным образом свободны. Но как только один из кандидатов побеждает на выборах, он оказывается в неравном с другими положении.

Если и далее следовать этой логике, мы не можем избежать порочного круга во взаимосвязи между свободой и равенством. Когда мы принимаем принцип равенства возможностей, должны ли мы принять и его неизбежные последствия – неравенство в социальном положении и в распределении жизненных благ? Такое неравенство (если только оно сознательно не регулируется обществом) всегда ведет к расширению свободы высших (победителей) и к соответствующему сокращению свободы низших (проигравших).

Такая закономерность особенно четко проявляется в области экономики. Представим себе ситуацию абсолютно свободной конкуренции (хотя такая ситуация нигде еще реально пока не наблюдалась). Эта модель классической политэкономии предполагает изначальное равенство всех участников экономического процесса, свободно конкурирующих между собой на равных основаниях. Что же при этом будет происходить? Очевидное превосходство некоторых (благодаря умению, хитрости, напористости, а то и просто удаче) приведет к тому, что они одержат верх над остальными, а значит, сосредотчат в своих руках повышенную долю общественного богатства. При этом они получают не только более высокий социальный статус, но и больший объем власти. Сущность власти состоит в свободе действий, которая не может быть ограничена другими. Власть есть реальное проявление свободы. Таким образом, свобода становится производной величиной от власти, а в меркантильном обществе власть измеряется деньгами. Это значит, что ответ на вопрос «чего стоит тот или иной человек?» можно выразить в долларах и центах. Деньги приобретают главную роль в человеческих отношениях. Что же остается от провозглашенного нами изначального «равенства возможностей»? Вспомним, как один из персонажей «Красной лилии» Анатоля Франса презрительно говорит о «величественном лице закона, который и богатым, и бедным равно запрещает ночевать под мостами, просить милостыню и красть хлеб».

Теперь давайте возвратимся к исходному пункту наших рассуждений. Мы начали с того, что свобода в смысле отсутствия стеснения означает свободу действий для каждого. Но теперь мы видим, что даже если начальный уровень свободы действий одинаков для всех, такие действия приводят к возникновению неравенства, которое в свою очередь отрицательно влияет на свободу. Получается, что свобода некоторых расширяется, в то время как свобода других сужается. По мере укоренения такого положения вещей неравенство пропитывает все общество. Исчезает и изначальное равенство возможностей, поскольку многие уже с самого начала оказываются в неблагоприятном положении. Свобода, таким образом, влечет за собой неравенство.

Можно ли выбраться из этого порочного круга? Можно ли обеспечить свободу на основе равенства? И если да, то кто и какими средствами может добиться этого?

В поисках ответа на эти вопросы на первый план выступает политический фактор. Если нацеленный на саморегулирование механизм (например, «рынок», столь превозносимый в теориях экономического невмешательства) оказывается несовершенным, как показано опытом западных стран за последнее столетие, то корректирующие меры не могут осуществляться автоматически, независимо от воли общества. Они должны быть сознательными и целенаправленными. В демократической системе такие меры возможны только в

форме государственного вмешательства. Вмешательство такого рода уже с начала нашего века открыто признается как политическая цель в странах Западной Европы, Северной Америки, а также в Австралии и Океании. Таким образом, в наших рассуждениях появляется новый фактор – целенаправленное воздействие государственной власти, стремящейся к установлению и поддержанию определенного уровня «равенства в свободе». Что означает этот фактор в теории и на практике?

Перед ответом на этот вопрос я бы хотел высказать два соображения общего характера. Во-первых, необходимо провести различие между двумя типами действий. Действия первого типа таковы, что любой человек может осуществлять их так, что при этом не нарушается и не умаляется свобода любого другого человека совершать аналогичные действия. При действиях же второго типа такая возможность отсутствует. В качестве примера действия первого типа можно привести голосование на выборах. Обычно считается, что чем больше граждан участвует в голосовании, тем лучше. Идеальным представляется участие в выборах всех зарегистрированных избирателей без исключения. Когда любой гражданин осуществляет свое право голоса, этим никоим образом не нарушается соответствующее право других граждан.

Но есть и такие действия, которые по сути своей подразумевают конкуренцию. Вообще говоря, такое происходит всегда, если нечто желанное для многих находится в недостаточном количестве. Равное распределение оказывается невозможным. Поэтому в итоге всегда появляются победители и проигравшие. Иначе говоря, даже если конкуренция начинается в условиях свободы и равенства, в конечном счете она приводит к неравенству – к большему объему свободы для одних, к меньшему – для других. В рыночной экономике так происходит все время. Постоянная борьба за существование между предпринимателями затрагивает интересы всего общества, если конкуренция принимает деструктивный характер.

Второе общее соображение состоит в том, что понятия свободы и равенства резко различаются по своему философскому смыслу, причем это различие имеет выраженный социально-политический аспект. Свобода есть по преимуществу личностное понятие, в то время как равенство есть понятие общественное. Свобода прежде всего имеет в виду отдельную человеческую личность, которая воспринимает окружающих, влияет на них своими действиями и испытывает ответное влияние со стороны окружающих. Суть свободы – самоутверждение; она объединяет в себе потребности человеческого «я». Совсем иное дело – равенство. По самой своей природе это понятие означает отношение, взаимосвязь. «Равным» или «неравным» человек может быть только по отношению к кому-то еще. Слово «равенство» не может не подразумевать как минимум двух лиц. Таким образом, понятие равенства подчеркивает отношение данного человека с другими в рамках общества. Носителем идеи равенства является само общество, обращающее взор на свою внутреннюю структуру, на отношения между составляющими общество людьми.

В области политической философии и политической практики это различие между свободой и равенством проявляется в том, что свобода – в предложенном понимании – зачастую противостоит идее государственного вмешательства, тогда как равенство без такого вмешательства недостижимо. Равенство не является естественным состоянием и не развивается естественным образом – как бы ни были в том уверены философы XVII–XVIII вв., писавшие о воображаемом «естественном состоянии» общества и о его законах. В отличие от свободы, которая возникает стихийно, равенство следует проектировать, вводить и регулировать. Для этого первоначально необходимо некое общественное согласие, а затем – власть, способная осуществлять такие планы.

Имея все это в виду, вернемся к основному ходу наших рассуждений. Итак, люди, равным образом свободные от стеснения и находящиеся в равном начальном положении, осуществляют положительные действия с целью удовлетворения своих желаний. В тех случаях, когда цель достижима одновременно для всех, задачи государственной власти сводятся исключительно к обеспечению свободного доступа к этой цели. Но если всеобщее достижение цели в принципе невозможно, не следует ли считать, что общество должно определять и регулировать способы стремления к ней? И можно ли считать задачу общества выполненной, если обеспечивается только равенство на старте? Следует ли смириться с неравенством на финише? Что можно сказать об огромных состояниях Джона Рокфеллера, Генри Форда, Говарда Ханта и Поля Гетти, когда мы видим нищету миллионов?

Всем нам хорошо известно, что на практике люди свободны лишь постольку, поскольку они равны. Но в этом общем высказывании заключена определенная двусмысленность, так как неясно, о каком значении термина «равенство» идет речь. Будучи университетским профессором, я придерживаюсь того принципа, что каждый имеет право на получение образования, соответствующего уровню интеллектуальных способностей. Но при этом я сохраняю за собой право (а точнее говоря, обязанность) дифференцированно оценивать своих студентов в соответствии со своим мнением об их достоинствах – не всякий, скажем, подходит для аспирантуры. Равенство следует толковать так, чтобы не упустить из виду качество. Подтягивание каждого до более высокого уровня – это благотворный процесс. Стремление же опустить всех до более низкого уровня, если оно заходит слишком далеко, может причинить обществу ущерб. Примерно то же, что об образовании, можно сказать и о здравоохранении. С одной стороны, все имеют право на медицинское обслуживание в зависимости от состояния здоровья и не взирая на платежеспособность. В то же время разум призывает нас предоставить врачам право решать на основе своих профессиональных знаний, какое именно лечение необходимо в каждом конкретном случае.

В обоих приведенных примерах главным является логический переход от равенства как единообразия к равенству как пропорциональности, соразмерности. Однако переход от первого критерия ко второму требует профессиональных знаний, позволяющих точно оценивать индивидуальные потребности. Но в области экономических и политических отношений такая оценка не представляется возможной. Можно сказать, что и я, и кто-нибудь из семьи Рокфеллеров в равной мере обладаем свободой, чтобы учредить ежедневную столичную газету. Можно утверждать, что и я, и кто-либо из клана Кеннеди равным образом свободны баллотироваться на всякую выборную должность. Однако, разумеется, что подобные декларации свободы и равенства имеют чисто формальный характер и лишены практического значения. В нашем реально существующем обществе, в котором мы должны воплотить идеалы свободы и равенства, богатство, власть и статус распределены весьма неравномерным образом. Это неравенство оказывает решающее влияние на то, как мы осуществляем на практике наши предполагаемые свободы. В конце концов, двери роскошной гостиницы или изысканного ресторана открыты, как известно, для всех – если только они могут заплатить по счету. Мы снова попадаем в порочный круг, из которого хотели выйти.

«Выравнивание свободы» в определенных пределах может проводиться путем сознательных действий государственной власти. Например, в США в свое время была сделана попытка поддержать необходимый уровень экономической конкуренции посредством антитрестовского законодательства. Конгресс сформулировал политику ограничения монополии, олигополии и любых комбинаций, стесняющих свободу торговли. Кроме того, прогрессивный подоходный налог и налоги на наследство также в определенной степени приводят к перераспределению богатства и доходов. Тут же можно отметить зако-

нодательное и судебное признание права наемных трудящихся на свободную организацию профсоюзов и на заключение коллективных договоров с работодателями. Это право означает некоторое ограничение свободы предпринимателей, которые уже не могут произвольно нанимать и увольнять работников или диктовать по своему усмотрению величину заработной платы и продолжительность рабочего времени. Но такое нарушение свободы предпринимателей, вызвавшее в свое время резкие протесты со стороны индустриальных магнатов вроде Джона Рокфеллера и Генри Форда, привело к расширению свободы наемных трудящихся. И разве не очевидно, что это перераспределение свободы по сути представляло собой увеличение равенства?

Основная цель политических мер такого рода состоит в том, чтобы смягчить наиболее грубые проявления неравенства, ограничить избыточную, по имеющимся понятиям, концентрацию богатства и таким образом частично расширить свободу тех, кто занимает в обществе низшее положение. Но здесь появляются новые вопросы. Что является конечной целью этой политики – свобода, равенство или же и то, и другое? К тому же нельзя забывать, что осуществление подобных мер возлагается на государство. А поскольку мы хотим сохранить свободу, мы должны постоянно следить, чтобы государство из слуги (именно такая роль ему отводится в демократической системе) не превратилось в хозяина. «Роковая страсть к равенству сделала тщетной надежду на свободу», – так в свое время писал лорд Эктон об эксцессах Французской революции. Когда государство сосредоточивает в своих руках власть, необходимую для того, чтобы уравновесить и контролировать влияние частного сектора, оно может со временем превратиться в гоббсова Левиафана. В таком случае политическая власть, поначалу необходимая для обеспечения равенства, может вырождаться в деспотизм.

Так к чему же мы пришли в своих рассуждениях? К определенным выводам, которые в скрытом виде присутствовали в анализе с самого начала. Теперь настало время сформулировать эти выводы явно.

Начнем с главной проблемы, которая составляет ядро любой политической философии. Каждая политическая теория призвана дать рациональное обоснование системе отношений между людьми, составляющими организованное общество. Говоря другими словами, в любой политической теории речь в основном идет о взаимодействии между двумя основными категориями – между личностью и обществом. Поскольку эти категории тесно связаны между собой, отношения между ними должны получить удовлетворительное объяснение и обоснование (оправдание). «Удовлетворительность» здесь означает логическую последовательность и соответствие практическому здравому смыслу.

Очевидно, что поскольку речь всегда идет о двух категориях, все политические теории можно разделить на две группы, в соответствии с тем, чему они отводят главное место – личности либо обществу. В теориях первой группы личность рассматривается как «истинная» или «естественная» единица политического мышления, а общество изображается как нечто производное, как созданное людьми искусственное механическое объединение. При таком подходе существование личности есть факт, не требующий оправдания. Зато нуждается в обосновании всякое воздействие на личность со стороны общественных институтов. Для теорий второй группы характерна обратная логика. Здесь «истинной» («естественной») единицей считается общество, а личность, взятая вне общества, рассматривается как ложная абстракция, нечто вроде Робинзона Крузо на необитаемом острове до встречи с Пятницей. Таким образом, личность трактуется как частичное существо, обретающее реальное существование лишь через принадлежность к той или иной социальной группе, причем эта группа является исключительным источником прав и обязанностей личности.

Обрисованное мной различие между двумя группами политических теорий восходит к двум классическим системам социальной философии, созданным соответственно, в Англии XVII в. (Локк) и во Франции XVIII в. (Руссо). Индивидуализм первого из этих мыслителей, воплощенный в идее естественных прав, и коллективизм другого, отраженный в понятии «общей воли», – вот те два полюса, между которыми колебалось развитие демократических систем в течение XIX в.

При всяком противопоставлении каких-либо двух понятий возникает вопрос: являются они антагонистическими или же взаимодополняющими. Мне представляется, что ответ на этот вопрос зависит от того, как трактуются эти понятия – как абсолютные или как взаимно относительные. В первом случае наверняка получится антагонистическая противоположность – ведь абсолютные понятия по сути своей являются крайними и непримиримыми. Но во втором случае несовместимость можно преодолеть. Если каждое из противостоящих понятий не претендует на абсолютность и не сопротивляется ограничениям, то между ними возможна гармония, а иногда в конечном счете и слияние.

Если применить эту логику к противопоставлению между личностью и обществом, мы вскоре обнаруживаем, что эти понятия взаимно дополняют друг друга, а не являются антагонистическими. Вне общества личность не может обрести полное человеческое содержание. С другой стороны, общество без составляющих его личностей есть не более чем пустая оболочка. В своей полноте общество и личность немислимы друг без друга. Как и во многих других философских противопоставлениях (дихотомиях), синтез противостоящих категорий невозможен, если каждая из них рассматривается как абсолютная, а отношение между ними формулируется как «или–или». Однако возможность синтеза появляется, когда признается относительность противоположных понятий и противоречия между ними снимаются посредством формулы «и–и».

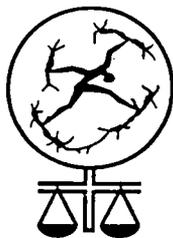
Теперь вернемся к основным для меня понятиям свободы и равенства. В свете предыдущих рассуждений намечается путь к примирению очевидных противоречий между этими категориями. Эти логически неразрешимые противоречия существуют лишь постольку, поскольку свобода и равенство, как бы они ни определялись, рассматриваются как абсолютные сущности. Если доводить каждое из этих понятий до логической крайности, то ни одно из них не уступает в борьбе другому и, стремясь уничтожить соперника, уничтожает себя самое. Мы можем избежать явно абсурдного исхода этой борьбы, если будем постоянно помнить, что все наши теоретические выкладки имеют одну практическую цель – создание оптимальной системы отношений между людьми в демократическом обществе. Понятие свободы обретает свое значение, когда личность смотрит на общество под своим углом зрения. Свобода предстает как утверждение ценности личности. Что же касается равенства, это понятие связано с тем, как личность воспринимается обществом с точки зрения общественных ценностей. Во взаимоотношениях между личностью и обществом происходит взаимопроникновение этих двух подходов, двух типов восприятия. Соответственно, как мы уже отмечали, категории свободы и равенства носят взаимно относительный характер. Их нужно рассматривать в сочетании, как две стороны одной медали, так, как мы рассматриваем обычные противоположности вроде «горячий–холодный», «верх–низ», «легкий–тяжелый» и т.д. Такого же подхода следует придерживаться при выделении отдельных аспектов свободы и равенства. Политическая цель государства заключается в том, чтобы находить оптимальное сочетание разнообразных видов свободы и равенства с учетом изменяющихся общественных условий. Иногда бывает необходимо так или иначе ограничить свободу тех или иных лиц, с тем, чтобы обеспечить рост свободы других. При этом, как мы уже видели, возрастает степень равенства. Короче говоря, «свобода–равенство»

есть единое целостное понятие. Приверженность демократическим ценностям означает по сути стремление к тому, чтобы отношения между людьми в обществе строились по принципу равной для всех свободы.

Если бы мы следовали этому теоретическому подходу и не абсолютизировали логических противоречий между свободой и равенством, можно было бы смягчить некоторые ложные преувеличения, бытующие в современной борьбе между политическими партиями. Пока же дело обстоит так, что идеал равенства стал достоянием левых партий, в то время как правые силы поднимают на щит идею свободы. Причины такой ситуации достаточно очевидны. Левые, как представители и руководители низших слоев общества, стремятся к коренным изменениям общественного строя. Они надеются уменьшить неравенство между людьми по благосостоянию и социальному положению, используя власть демократического государства для того, чтобы повысить минимальный уровень и снизить максимальный. Философия левых, призванная найти отклик у массового избирателя, рассматривает личность как частицу общественной системы. Что же касается правых партий, то они отражают взгляды и интересы социальной верхушки, то есть консервативно настроенных людей, желающих сохранить свой непропорционально большой объем жизненных благ. Поэтому правые всячески подчеркивают свободу личности (имея в виду прежде всего самих себя), считая, что этой свободе угрожают социальные программы и прогрессивные налоги, необходимые для финансирования таких программ.

В ходе предвыборных кампаний эти идеологические различия между партиями помогают избирателю ориентироваться в политической ситуации: одна партия превозносит свободу личности, другая – социальное равенство. Но после того, как победившая на выборах партия формирует правительство, сохраняющееся жестокое противопоставление между идеями свободы и равенства может помешать выработке справедливой и целесообразной политики. Если же конкурирующие политические силы будут пользоваться единым понятием «свобода-равенство», то они смогут не только точнее интерпретировать действительность, но и лучше достигать соглашения между собой по конкретным вопросам. Стремление к сочетанию политических идеалов более плодотворно, чем непримиримое противопоставление, ибо только такое сочетание дает надежду на достижение гармонии в будущем.

Еще на заре западной политической мысли Платон назвал высшим достоинством идеального общества (полиса) справедливость. Я бы согласился с его выбором, хотя для меня неприемлемо платоновское понимание справедливости, основанное на неравенстве и авторитарной власти. Характерная отличительная особенность демократического государства состоит в отождествлении справедливости со стремлением к «свободе-равенству».

ОПТИМИЗМ – ВОПРОКИ ГЕГЕЛЮ И МАРКСУ

За свою долгую жизнь я никогда не скучал, разве что на уроках в школе, которые вызывали у меня умственное угнетение, почти болезнь мозга. И особенно – уроки истории и географии.

Оттого, быть может, простительно, если иной преподаватель истории пробует слегка приперчить свои лекции дозой цинизма. И можно его понять – хотя, разумеется, извинить уже невозможно, – когда он заходит так далеко, что превращает циничное обращение с историей в модное занятие.

Цинизм в обращении с историей означает, что вам говорят: историей, как и всем на свете, правит алчность – стяжательство, погоня за деньгами, золото, нефть, власть. Так было, говорит циник, и так будет всегда; так обстоит дело в деспотическом государстве, но и демократия не лучше – с той только разницей, что лицемерие демократии, пожалуй, еще хуже откровенности деспота.

Я считаю эту доктрину безответственной, причем именно потому, что она выглядит до некоторой степени правдоподобной. Я считаю, что очень важно, каков наш взгляд на самих себя и на историю. Важно для наших решений, наших поступков.

Циническая интерпретация истории – третья из числа самых модных исторических концепций, о которых мне хочется упомянуть. В наши дни она выступает в качестве прямой наследницы марксистского понимания истории, а марксизм в истории вошел, в свою очередь, в моду после краха националистической или расистской интерпретации.

В Германии истолкование истории в националистическом, а затем и расистском духе в период между наполеоновскими войнами и концом гитлеровского рейха было обычным делом. Тем, что оно стало особенно модным, мы отчасти обязаны Гегелю. Согласно этому взгляду, история сводилась к борьбе наций или рас за преобладание. Борьба эта рассматривалась как тотальная война на уничтожение. Отсюда следовало, что поражение Гитлера и его рейха будет означать и уничтожение германского народа. Известно, что накануне гибели Гитлер старался сделать все что мог, дабы практически подтвердить правильность теории, предсказывающей это тотальное уничтожение. К счастью, вопреки его усилиям, предсказание не сбылось.

Всякую сколько-нибудь серьезную теорию дискредитирует ошибочность его прогнозов; нечто подобное случилось и с националистической концепцией истории. Это обстоятельство, похоже, немало способствовало тому, что вслед за гегелевской и националистической интерпретациями в моду вошла марксистская: история теперь рассматривается не как летопись борьбы рас, а как история борьбы классов. Причем борьба эта совершается с одной единственной целью – доказать, и доказать научно, что исторически необходимой является победа социализма.

Речь, произнесенная по случаю присвоения звания почетного доктора университета в Эйхштетте (Южная Германия) в июне 1991 г. Перевод Бор.Хазанова. В № 1(49) за 1989 г. наш журнал опубликовал работу К.Поппера «Еще раз об открытом обществе и его врагах»; о жизни и философии Поппера см. статью Б.Хазанова, помещенную там же.

Это якобы неопровержимое доказательство впервые появляется на последних трех страницах книги Маркса «Das Elend der Philosophie» («Нищета философии»). Здесь сказано следующее. История сводится к борьбе классов. В наше время (Маркс пишет свою книгу в 1847 году) речь идет о борьбе между буржуазией, эксплуататорами, со времени Французской революции ставшими господствующим классом, и пролетариатом, классом производителей, который подвергается эксплуатации. Эта борьба может закончиться только победой производителей, ибо если они осознают свои классовые интересы и организуются, они могут остановить производство. «Все колеса станут, коль того захочет мощная твоя рука».¹ Иначе говоря, люди, производящие жизненные блага, держат в своих руках материальную власть, хотя пока еще этого не сознают. Вдобавок они составляют преобладающее большинство. Речь идет, таким образом, о том, что должна наступить их эмансипация, их победа в так называемой социальной революции. Революция должна привести к ликвидации буржуазии – процессу, который обеспечивается диктатурой победоносного пролетариата.

И тогда возникнет общество, которое будет состоять из единственного класса, то есть бесклассовое общество производителей. В нем больше не будет господствующего класса, не будет – коль скоро буржуазия ликвидирована – ни господ, ни подчиненных. С приходом бесклассового общества настанет вожделенный мир на земле, ибо все войны не могут быть чем-либо иным, нежели классовыми войнами.

Сам Маркс тут же, на предпоследней странице «Нищеты философии», выдвигает возражение против своей теории. А не получится ли так, спрашивает он, что вслед за исчезнувшим старым классовым обществом появится класс новых господ, которые захватят политическую власть? На этот вопрос, решающее значение которого очевидно, Маркс отвечает предельно кратко: «Нет». По-видимому, он был уверен, что опасность расколоться классу производителей не грозит. Он не предвидит возможности того, что обнаружилось в ходе Французской революции, когда произошел раскол между новым правящим классом тех, кто диктует свою волю, опираясь на бюрократию, полицию и послушных им палачей, – и всеми остальными людьми.

Притязание марксизма на научную обоснованность прогноза, согласно которому социальная революция и воцарение социализма закономерны и неизбежны, как неизбежно солнечное затмение, прогнозируемое небесной механикой Ньютона, – заключает в себе страшную моральную опасность. Я испытал это на себе зимой 1918–1919 гг., когда окончилась Первая мировая война. Мне было тогда шестнадцать с половиной лет. Когда молодому человеку доказывают историческую необходимость социализма и он этому верит, он проникается сознанием морального долга способствовать правому делу, – даже если он видит, как видел я, что коммунисты часто лгут и прибегают к недостойным средствам. Ведь если социализм действительно должен наступить, бороться против его прихода – преступление; наоборот, обязанность каждого – помогать его приходу, дабы все, чему надлежит свершиться, свершилось по возможности без помех. В одиночку человек ничего сделать не может, поэтому нужно примкнуть к движению, шагать вместе с партией или хотя бы поддерживать ее, – даже когда оказывается, что тем самым сотрудничаешь или по меньшей мере миришься с тем, от чего в моральном смысле тебя тошнит.

Вот механизм, неотвратно ведущий к нравственной порче. Приходится безропотно глотать ложь и всевозможные увертки; и если ты перешагнул известный порог, то ты уже готов ко всему. Таков путь к политическому терроризму, к злодеянию.

¹ Поппер цитирует стихотворение Георга Гервега «Союзная песнь всеобщего немецкого рабочего альянса», написанное позднее, в 1864 г. – Ред.

Сам я ускользнул от этого механизма спустя примерно восемь недель. Незадолго до того, как мне стукнуло 17 лет, я навсегда порвал с марксизмом и осудил его. Находясь под впечатлением смерти нескольких молодых товарищей, застреленных полицией во время демонстрации, я спросил себя: «Уверен ли ты в том, что якобы научное доказательство безупречно? Подверг ли ты его подлинной критической проверке? Можешь ли ты со всей ответственностью убеждать других молодых людей ставить на карту свою жизнь во имя торжества этого учения?»

Оказалось, что единственным честным ответом на эти вопросы будет: «Нет». Я не подверг марксистскую аргументацию критической проверке. Я положился отчасти на согласие и уверенность других, которые в свою очередь полагались еще на кого-то, в том числе и на меня! Убеждение, покоящееся на взаимности, в котором все участники оказываются банкротами, прежде всего интеллектуальными, и в котором все партнеры, сами того не сознавая, обманывают друг друга. Ситуация, которую я пережил сам и которая, очевидно, в наиболее демонстративной форме постигла партийных вождей.

Все держится, как я увидел, на марксистском доводе относительно появления бесклассового общества. Но этот вывод рухнет именно в том пункте, где сам Маркс заподозрил противоречие, которое он тут же отбросил. Очевидно, что именно партийные вожди при помощи своей партии закладывают основы «нового класса», опровергая надежды Маркса, — того самого «нового класса», который обманывает своих будущих слуг и, требуя от них доверия, сам не доверяет им. Еще до того, как они победили, до установления диктатуры эти вожди были господами и вышвыривали из партии всякого, кто задавал непопулярные вопросы. (Убивать они тогда еще не научились.) Таков был их способ отвечать на возражения. Источник партийной дисциплины.

Мне неслыханно и незаслуженно повезло: я вовремя понял все это. В семнадцатый день моего рождения я повернулся спиной к марксизму — навсегда. Что было бы со мной, если бы я и дальше шагал в его колоннах? Даже такой мужественный человек, такой убежденный диссидент, как Сахаров, находился во власти марксистских доказательств достаточно долго, чтобы вложить в руки Сталину, а затем Хрущеву опаснейшее оружие, какое когда-либо было изобретено, оружие массового уничтожения. Мошь созданной Сахаровым сверхбомбы даже в ее наиболее безобидном варианте превосходила хиросимскую бомбу «в несколько тысяч раз» (я цитирую книгу Сахарова «Моя жизнь»).

После смерти Сталина Сахаров был готов простить диктатору его преступления, так как социалистическая революция (а это, как представлялось Сахарову, было самым важным) невозможна без насилия. Я же, к моему великому счастью, весьма рано понял, что приносить в жертву своим идеалам можно только себя самого, и никого другого.

Хотя цель и смысл аргументации Маркса состояли прежде всего в том, чтобы дать гарантию пришествия социализма и мира на земле, в марксистской историософии есть и другие черты: их можно было бы назвать вульгарно-марксистскими. Вот их резюме: все люди, кроме тех, кто борется за социализм, преследуют собственную выгоду и больше ничего. Кто не хочет этого признать, тот обманщик и лицемер. Хуже того — преступник. Ибо все, кто пытаются задержать наступление социализма, становятся виновниками человеческих жертв, без которых невозможна революция. Сопrotивляться революции значит вынудить ее к насилию. Именно эгоизм и корыстолюбие этих преступников заставляет революционеров проливать кровь.

Очевидно, что если выбросить из марксистской теории тезис о неизбежности прихода социализма, мы немедленно придем к цинической интерпретации истории. Каких-либо новых идей эта интерпретация не содержит, разве

только пессимистический вздох – так было, так будет всегда, и даже в обществе небывалого преизбытка всех благ всегда будут править бал голод, преследования, война и нищета. Ибо властолюбие и алчность, нефть и производство оружия хозяйничают в социальном мире.

Марксизм учит – и этому же учит цинизм. – что хуже всего, и притом вполне естественным образом, дело обстоит в самой богатой стране – Соединенных Штатах Америки. Отсюда – антиамериканизм в других странах, особенно тех, кто следует за Америкой по уровню богатства.

На этом я закончу мой сжатый очерк столь модного в наше время цинического восприятия истории с его двумя влиятельными и опасными предтечами. Теперь мне хотелось бы совершить некий вираж и перейти к изложению моих собственных воззрений.

Насколько крутым будет этот вираж, вы поймете из фразы, которую можно было бы использовать как заголовок этой второй части моего доклада. Заголовок гласит: «Я – оптимист».

Я оптимист, ничего не знающий о будущем и оттого не делающий никаких пророчеств. Я утверждаю, что мы обязаны провести решительный водораздел между настоящим, о котором можно и должно произнести свое суждение, и будущим, которое широко открыто – и на которое мы способны повлиять. Вот почему наш моральный долг – отнестись к будущему отнюдь не так, как если бы оно было лишь продолжением прошлого и настоящего. Открытое будущее заключает в себе совершенно непредсказуемые и в нравственном отношении очень разные возможности. Поэтому наша позиция должна определяться не вопросом: «Что наступит?», а вопросом: «Что нам надо делать?» Делать, действовать, дабы сделать мир чуточку лучше, чем он есть. Действовать, даже отдавая себе отчет в том, что если мы действительно в состоянии что-то улучшить, позднейшие поколения, может статься, вновь сведут на нет наши усилия.

Сразу же скажу, что оптимистом меня сызнова сделал мой первый приезд в Соединенные Штаты в 1950 году. С тех пор я побывал в Америке раз двадцать или двадцать пять, и мое впечатление от этой страны лишь укрепилось. Тот первый визит раз и навсегда избавил меня от депрессии, вызванной преобладающим влиянием марксизма в послевоенной Европе. Моя книга «Открытое общество и его враги», начатая после вторжения Гитлера в Австрию, вышла в свет в 1945 г., и несмотря на сочувственные отклики и довольно широкое распространение, не сумела приостановить победное шествие марксизма.

Я должен разъяснить, на чем конкретно основан мой оптимизм.

1. Повторяю: оптимизм этот касается исключительно настоящего времени, а не будущего. Я не думаю, чтобы существовало нечто вроде закона прогресса. Наука такого закона не знает, его нет даже в технике. Прогресс нельзя считать и чем-то вероятным.

2. Я утверждаю, что мы на Западе обретаемся в настоящее время в наилучшем социальном мире, какой существовал когда-либо, – вопреки предательству большинства интеллектуалов, проповедующих новую религию, религию пессимизма, согласно которой мы живем в моральном аду и гибнем от физического и морального загрязнения.

3. Я утверждаю, что эта пессимистическая религия есть не только вопиющая ложь; я утверждаю, что никогда еще не было общества, которое проявляло бы такую готовность и способность к реформам, как наше, и перехожу к самому главному пункту:

4. Эта открытость реформам – результат новой готовности приносить жертвы во имя этики, готовности, проявившейся уже во время обеих мировых войн, причем и с той, и с другой стороны. В Семилетней войне Фридриху II приходилось силой заставлять своих людей глядеть в лицо смерти. Известно

его восклицание: «Вы что, ребята, хотите жить вечно?» Теперь оказалось, что достаточно призыва к этическим ценностям: долг и отечество в Германии; отечество, свобода и мир – в странах западных союзников; и в обеих странах – товарищество.

Как я уже объяснил, даже мой личный опыт убедил меня в том, что сила коммунизма – в его этическом пафосе; то же относится и к движению за мир. Я даже думаю, что и некоторые террористы поначалу действовали, повинаясь этическому порыву; другое дело, что он вовлек их в паутину внутренней лжи, подобную той, о которой я упоминал.

Бертран Рассел, с которым меня связывали долгие годы близости, прежде чем он подпал, в преклонном возрасте, под влияние своего секретаря-коммуниста, пишет, что загвоздка нашего времени – в том, что в интеллектуальном отношении мы развились слишком быстро, а в нравственном – слишком медленно и, вступив в эру ядерной физики, оказались не в состоянии вовремя реализовать отвечающие ей моральные постулаты. Другими словами, мы, если верить Расселу, слишком умны и в то же время безнравственны. Эта точка зрения была поддержана многими, включая циников. Я же думаю, что дело обстоит как раз наоборот. Мы слишком хороши и чересчур глупы. Мы слишком легко поддаемся теориям, прямо или косвенно апеллирующим к нашей морали, мы относимся к этим теориям недостаточно критически. Мы не доросли до них в интеллектуальном отношении и потому легко становимся их добровольными жертвами.

Я хотел бы следующим образом подытожить позитивную сторону моего оптимизма: мы живем в изумительном мире, мы создали здесь, в западном мире, наилучшую социальную систему из всех, существующих прежде. И мы постоянно стремимся ее улучшить, реформировать нашу систему, что, конечно, дело нелегкое. Множество реформ, на которые возлагались немалые надежды, к сожалению, провалились. Ибо одна из важнейших истин та, что последствия наших социально-политических мероприятий часто оказываются совсем не такими, какие мы имели в виду, и, как казалось нам, надежно рассчитали. И все-таки мы достигли большего, нежели многие из нас (я первый) надеялись достичь.

Подвожу черту. Доминирующая идеология, согласно которой мы живем в морально испорченном, злом мире, – беспардонная ложь. Распространяясь, эта ложь деморализует многих молодых людей и делает их несчастными в возрасте, когда человек, может быть, вообще не может жить без поддерживающей его надежды. Как уже сказано, я не оптимист в отношении будущего. Ибо будущее открыто. Не существует исторического закона прогресса. Что будет завтра, мы не знаем. Есть миллиард возможностей, благих и дурных, которые никто не может предвидеть. Я отвергаю профетическое целеположение трех интерпретаций истории, и я утверждаю, что по моральным основаниям мы не вправе заменить их чем-либо подобным. Ошибкой было бы даже пытаться экстраполировать что бы то ни было в истории – скажем, выводить из современных тенденций то, что случится завтра. Говорить, что история – это река, чье дальнейшее течение можно до известной степени предусмотреть, значит пытаться сотворить из образа, из метафоры – теорию.

Единственно верный выход – не смотреть на будущее так, как мы смотрим на прошлое. Факты прошлого надлежит обсуждать и оценивать исторически и этически, чтобы уяснить себе, что возможно и правильно с нравственной точки зрения. Но нам не следует и пытаться извлекать из прошлого тенденции и направления, будто бы ведущие в будущее. Ибо будущее открыто. Все может случиться. Сейчас в Советском Союзе имеются тысячи сахаровских сверхбомб, и, конечно, есть немало одержимых манией величия, которые готовы их пустить в ход. Человечество может завтра исчезнуть. Но есть и большие надежды, есть бесчисленные возможности, таящиеся в грядущем, которое может быть лучше настоящего.

Видимо, такое отношение к будущему не так легко понять. Многие интеллектуалы не в силах провести границу между прошлым и настоящим, с одной стороны, и будущим – с другой; многие, которые ожидают от марксизма, что он подарит им мужа, способного указать дорогу в будущее. Мне порой говорят, что мой оптимизм – тоже в своем роде замаскированный путеводитель: невозможно взирать оптимистически на современность, не будучи оптимистом и в видах на будущее.

Но я утверждаю: все, что мой оптимизм относительно настоящего может дать применительно к будущему, – это надежда. Да, он может дать нам надежду: ибо если нам удалось кое-что улучшить, то такой успех нельзя считать невозможным и в будущем. К примеру, после уничтожения института служанок на Западе больше не существует рабства как такового. По крайней мере, в этом смысле Запад свободен, и мы можем этим гордиться.

Что же до будущего, то не надо пытаться пророчествовать, а надо постараться действовать в нравственном смысле правильно и ответственно. Это, однако, налагает на нас обязанность взирать на настоящее правильно и не через цветные очки идеологии. Мы можем учиться у самих себя, учиться у действительности, чего можно достичь. Глядя на действительность сквозь очки одной из трех идеологических концепций истории, мы изменяем своему долгу учиться.

Будущее открыто, и мы отвечаем за то, чтобы действовать, добиваясь, чтобы будущее стало лучше настоящего. Но эта ответственность предполагает свободу. В условиях деспотии мы рабы, а рабы не могут вполне отвечать за то, что они делают. Тут я подхожу к моему заключительному тезису. Он гласит: политическая свобода – свобода от деспотизма – есть высшая политическая ценность. Мы должны быть всегда готовы сражаться за политическую свободу. Ее всегда можно потерять. Мы не имеем права складывать руки на животе, думая, что свобода нам гарантирована.

Деспотия лишает нас нашей человечности, ибо отнимает у нас ответственность. Кто в условиях деспотии хочет следовать своей совести, оказывается в безвыходном положении: например, перед неразрешимым противоречием между долгом по отношению к близким и долгом помощи преследуемым – или хотя бы долгом, повелевающим не участвовать в преследованиях. От него требуется немалое мужество не перепутать перед оком своей совести истинный долг с мнимым, с так называемым долгом по отношению к начальству.

Каким образом тирания разрушает человеческий долг и человеческую ответственность, расправляясь с людьми, которые пытаются следовать долгу и ответственности, мы видим на незабываемом примере «Белой Розы», дружеского кружка мюнхенских студентов и одного из их наставников, – на примере тех самых людей, кто зимой 1942–43 гг. в своих листовках призывал сопротивляться Гитлеру. Ганс и Софи Шолль, Кристоф Пробст и профессор Курт Губер были казнены 22 февраля 1943 г.; Александр Шморелль 13 июля 1943 г.; Вилли Граф 12 октября 1943 года. Гансу Шоллю было 24 года, его сестре Софи – 21. Столько же было и другим студентам.

Герои, которые могли бы стать для нас образцами, сделались редкостью в нашем обществе. Эти люди были героями. Они вступили в почти безнадежную борьбу, они надеялись, что другие последуют их примеру. И они в самом деле стали примером и образцом: они боролись за свободу и ответственность, за свое собственное и наше право называться людьми. Чудовищная и бесчеловечная рука тирании заткнула им рот. Нам нельзя их забывать. Мы должны говорить и действовать за них.

Политическая свобода – предпосылка личной ответственности, предпосылка нашей человечности: любой шаг, любая попытка улучшить мир, шаг к лучшему будущему, должны исходить из основной ценности – свободы.

Трагично, на мой взгляд, что Европа почти всегда уделяла много внимания неудачному примеру Французской революции, в то время как великолепный пример Американской революции был едва принят к сведению и почти всегда истолковывался неверно. А между тем Америка была доказательством тому, что идея персональной свободы, которую впервые попытался осуществить Солон в Афинах, продумал и обосновал Иммануил Кант, – эта идея – не утопический сон. Пример Америки показал, что форма правления, основанная на свободе, не только возможна, но способна справляться с величайшими трудностями; форма правления, которая прежде и превыше всего имеет в виду избежать деспотизма – в том числе и деспотизма народного большинства – путем деления и разделения власти и обоюдного контроля властей. Эта идея, которая вдохновила другие демократические системы; ею руководствуется и Основной закон германской демократии.

Но Америка прошла трудный путь. Она идет этим путем со времен революции 1763 года, и, при всех успехах, путь этот не закончен. Борьба за свободу продолжается.

Великая идея личной свободы всех людей, воодушевлявшая Американскую революцию, находилась в острейшем противоречии с институтом рабства, унаследованным от дореволюционной эпохи, особенно от времен испанского владычества, и укорененным в южных штатах добрых сто лет. Соединенные Штаты раскололись на два лагеря, когда южане начали превентивную войну против северян. То была гражданская война, столкнувшая друзей и родственников. Многим казалось, что американский путь к свободе окажется не лучше французского. Однако ценой тяжелейших жертв с обеих сторон (600 тыс. погибших, и одной из жертв был президент Линкольн) поначалу успешное наступление южан было отбито, а затем Север победил окончательно. Рабов освободили, хотя осталась нерешенной неслыханно трудная проблема интеграции бывших рабов-негров, преодоление социального барьера, воздвигнутого сотни лет назад, повалить который оказалось – из-за разницы в цвете кожи – совсем непросто.

Одно из самых сильных впечатлений моей жизни – то, чему я был свидетелем в 1950 и в 1989 годах, когда различные правительства в Соединенных Штатах прилагали усилия к тому, чтобы помочь бывшим рабам стать равноправными гражданами.

Я был во многих странах, но нигде не дышал таким свободным воздухом, как в Соединенных Штатах Америки. Нигде я не встречал столько идеализма вкупе с терпимостью и готовностью помогать и учиться, – идеализма деятельного и практического, помощи, всегда приходящей вовремя.

Когда три года назад на съезде в Ганновере я в своей речи выступил в защиту Америки, на которую нападали другие докладчики, начался шум, поднялись крики протеста; кошачий оркестр заглушил мои слова. Я приветствовал это как знак того, что мои слушатели по крайней мере не соскучились. И я был счастлив, сказав себе или хотя бы уговорив себя, что сумел сломать копьё во имя терпимости и свободы. ●

Дмитрий ШУШАРИН (Москва)

БОЛЬШЕВИЗМ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Читатель, да еще и занимающийся гуманитарными или социальными науками, возможно, будет удивлен стилем этой статьи, тяготеющей скорее к жанру эссе. Тем не менее автор настаивает на своем праве участвовать в научном, а не только литературном, публицистическом процессе. Наибольшие трудности, конечно, вызывает соотнесение этой статьи с какой-то определенной сферой социального знания. Ее не назвать ни исторической, ни социологической, ни философской, ни прикладной, ни теоретической.

Наиболее точным было бы говорить о социальном знании в широком, а значит и неопределенном смысле. Связано это с самим предметом статьи, коим является большевизм как феномен, породивший советский тоталитаризм. А как писать о тоталитаризме, который не разделяется в силу своей природы на составляющие – культуру, экономику, политику? Он тотален, а значит требует и тотального, всеобщего социального знания.

Но что такое тоталитаризм? Я не хочу ни вдаваться в спор о дефинициях, ни тем более писать обзор литературы, посвященной тоталитаризму, но считаю необходимым пояснить свои принципы интерпретации этого понятия.

Существует тенденция рассматривать тоталитаризм как некую историческую константу, применяя этот термин и к Древней Ассирии, и к латиноамериканским диктатурам, и к нацистской Германии, и к режиму красных кхмеров, и к сталинской России. Обычным в таких рассуждениях является тезис о подчинении всех сфер общественной жизни государственной власти.

Я придерживаюсь иных взглядов. Прежде всего мне представляется абсолютно неприемлемым тезис о подчинении всех сфер общественной жизни государственной власти, поскольку само существование отдельных друг от друга «сфер», к числу которых относится и политика, и политические институты, включая государство, далеко не очевидно во всех обществах, которые пытаются объединить понятием «тоталитарность». При желании можно, конечно, применять понятие «тоталитаризм», имея в виду как раз нерасчлененность общественного бытия, разумея под этим термином не конкретное устройство, а некое качество. Что же касается тоталитаризма, то применение этого термина кажется мне исторически ограниченным и определенным именно через осознание того, что общество разделено на автономные и взаимодействующие, но не подчиненные друг другу сферы – политику, экономику, культуру.

Другими словами, термин «тоталитаризм» я считаю возможным применять только для западного (при всей неопределенности понятия «Запад») цивилизационного варианта, к тем странам, которые существуют в его рамках и в целом ориентированы на западные нормы. Поэтому можно толковать о тоталитаризме латиноамериканском или нацистском, но не стоит – о камбоджийском (кампучийском), поскольку деятельность красных кхмеров должна оцениваться по другим критериям и рассматриваться в ином контексте, нежели деятельность Муссолини и Гитлера.

Естественно и другое ограничение – хронологическое. Мне представляется возможным говорить о тоталитаризме только применительно к тому времени, когда нормы и ценности гражданского общества и правового государства стали общепринятыми и нашли реальное воплощение в долговременном общественно-государственном устройстве. Я не нахожу возможным говорить о тоталитаризме Людовика XIV или Фридриха II: до Декларации прав человека и гражданина, до Билля о правах и до формирования государственной

системы, направленной на защиту принципов, провозглашенных в этих документах, тоталитаризма не было.

Таким образом, тоталитаризм я толкую как общественную систему, которая складывается в оппозиции окружающему миру и собственной истории. Тоталитаризм – это всегда противостояние в пространстве (демократическим странам) и во времени (внутреннему историческому развитию, шедшему так же, как и в окружающих странах).

Естественно, что наибольшие трудности таятся в композиции, в структурировании исследований тоталитаризма, поскольку изучаемый предмет с большим трудом, весьма условно разделяется на составляющие. Данная статья – попытка социокультурного анализа, причем по преимуществу культурологического. Само понятие «культура», как и «культурология», допускает самое широкое толкование. В этой статье преимущество отдано таким важнейшим функциям культуры, как механизм передачи и накопления социального опыта, а также выработка норм социального поведения отдельного индивида, человеческих общностей, социальных институтов, социума в целом.

Выбор такого направления обусловлен особенностями сегодняшнего общественного развития, скорее даже русского национального развития. Происходит введение в научный оборот и в массовое потребление большого числа трудов дореволюционных авторов, а также деятелей русского Зарубежья. Последним отдается предпочтение, особенно тем из мыслителей, кто, пережив Семнадцатый год, стремился в эмиграции осмыслить происходящее. Мы можем наблюдать уникальный культурологический эксперимент – наложение на прежний социальный опыт, осмысливаемый в категориях официальной псевдомарксистской науки (с некоторыми, правда, изменениями), знания, вырабатывавшегося в совсем иной парадигме. Мне хотелось бы вмешаться в этот процесс, попытавшись предложить толкование некоторых тезисов из работ, наиболее популярных сегодня. Поэтому, кстати, в статье будет много ссылок на современные переиздания работ 40-х, 30-х годов, начала века и даже прошлого столетия – именно, на те, которые сейчас читаются как новейшие исследования.

Надо подчеркнуть, что я рассматриваю свою работу именно как вмешательство в идущие сейчас процессы, а не как наблюдение за ними со стороны. Речь идет не о моей политической ангажированности (хотя бы потому, что говорить сейчас о политике, имея в виду общественные процессы внутри Советского Союза, рано), а о приверженности определенным ценностям. По моему глубокому убеждению, социальное знание, а тем паче историческая наука не могут игнорировать те или иные ценности. Однако исследования проводятся не ради пропаганды и не ради пустого морализаторства (разумеется, настоящие исследования, к которым можно предъявить достаточно высокие требования). Они находятся в двойной зависимости от общественной ситуации. Это зависимость парадигмальная, но не от внутринаучной парадигмы, а от парадигмы общественного сознания. И это зависимость проблемная – от той главной проблемы, вокруг которой идут общественные дискуссии. Нетрудно заметить, что деление на две зависимости весьма условно, полностью верно только применительно к обществу развитому и далекому от кризиса. В России же (термин «Россия» не совпадает с более широким понятием «Советский Союз», хотя это непривычно не только для иностранцев, но и для многих русских) сейчас происходит то, что можно назвать парадигмальным кризисом.

Именно этим объясняется интерес к «новой» литературе. Предпочтение отдается тем произведениям, в которых события последних семидесяти лет истолковываются как следствие прямой преемственности большевистского тоталитаризма по отношению к предыдущему общественному развитию. Причем, в тех работах, которые так истолковываются, этой идеи подчас нет, она прочитывается, не будучи написанной. Между тем, как явствует из

изложенного выше толкования тоталитаризма, последний подразумевает известную степень прерывистости эволюции.

В данном случае можно говорить о затруднениях общественной ориентации в историческом времени. Но существуют еще и пространственные координаты. Из произведений прежних лет и из эмигрантских работ активно заимствуется все, что позволяет рассматривать Россию в рамках дихотомии «Запад – Восток». При этом вульгаризация достигает наивысшей степени, взгляды самых разных мыслителей крайне примитивизируются. Вульгаризация вообще неизбежна при усвоении знания, возникшего в иной культуре и в иной парадигме, но в данном случае она максимальна.

В основе той типологии культур, которая используется в данной статье, лежит иная дихотомия. Это противопоставление устного и письменного способов передачи традиции и нормотворчества. Иначе это может быть истолковано как противопоставление традиционного и новоевропейского (*modern*), деревенского и городского. Нетрудно понять, что это все – иное прочтение дихотомии «Запад – Восток» в одном из ее толкований.

Политическое значение большевизма

Национально-русский характер большевизма стал особенно заметен за последнее время – после крушения танкового социализма в Восточной Европе и политических изменений в союзных республиках, особенно в балтийских странах и Закавказье. Слияние большевизма с шовинистическими течениями происходит также по мере становления коммунистической партии РСФСР во главе с Иваном Полозковым, причем партии руководящей, но уже не правящей, по существу находящейся в оппозиции Борису Ельцину.

Многим кажется парадоксальным это соединение: большевизм и шовинизм со всеми его атрибутами – клерикализмом, монархизмом, антисемитизмом. Однако и в парадоксе надо попытаться найти свою закономерность.

Под шовинизмом я понимаю явление специфически русское, стремление подчинить русским все остальные народы империи. Поэтому я отделяю его от национализма – явления более сложного и не столь однозначного. К проблеме национализма придется вернуться позже, а сейчас представляется необходимым проследить эволюцию большевизма хотя бы внешне, чтобы потом перейти к более глубокому его анализу, не в политическом, а в социокультурном контексте.

Одним из авторов, на которых постоянно будут ссылки в данной статье, является Георгий Федотов, особенно его статья 1945 года, переизданная ныне в СССР, – «Россия и свобода». Именно ему принадлежит идея о том, что в ходе русской революции победили идеи черносотенного движения, которое, пожалуй, «переживет нас всех» («Знамя», 1989, № 12). То, что сейчас с трудом осознается русским общественным мнением, как видим, было понято уже давно.

Наследие Федотова, правда, не столь популярно сейчас в России, как, скажем, произведения Николая Бердяева, философа и мыслителя более глубокого, чем Федотов, но с иной организацией текста и по-иному воспринимаемого. Наследие Бердяева оценивается как неструктурированная рефлексия, в чем-то схожая, лишь внешне, конечно, с ментальными приемами современного русского человека, пытающегося найти объяснение последним семидесяти годам национальной истории. При этом, разумеется, наследие Бердяева как выдающегося философа-экзистенциалиста неизбежно вульгаризируется.

Федотов же не столь популярен отчасти оттого, что более конкретен, менее философичен. Для понимания его наследия очень важно то, что он был историком-медиевистом, кроме того что был еще и богословом, и публицистом. Поэтому он более близок жанру данной статьи, которая никак не может быть названа философской, а также построена на сравнении социальных процессов в Европе и России.

Бердяев усматривал в большевизме связь с историей прошлых лет, считал, что большевизм есть «трансформация и деформация старой русской мессианской идеи», «явление русской великодержавности, русского империализма», что «советское государство... есть единственное в мире последовательное, до конца доведенное тоталитарное государство... новая форма старой гипертрофии государства в русской истории» (Н.Бердяев. «Истоки и смысл русского коммунизма». М., 1990).

Для современного русского читателя между высказываниями Федотова и Бердяева нет особой разницы. Однако это не так. Бердяев связывает большевизм с русской государственностью вообще, а Федотов – с конкретной политической силой России, с черной сотней. Стремление к дифференцированности, большей структурированности знания проступает и в рассуждениях Федотова относительно западноевропейских истоков социализма и его русского бытования, его отделенности от либерализма.

«Русский социализм уже с Герцена может окрашиваться в цвета русской общины или артели, но остается европейским по основам своего мирозерцания. Либерализму эта национальная мимикрия совсем не удалась». Так писал Федотов об истоках русского социализма. Идеалы политической свободы не привились в России, причем роковыми, с его точки зрения, оказались 60-е годы XIX века, когда все революционное движение направилось «по антилиберальному руслу». И хотя потом социалисты «поумнели», решающего изменения не произошло, поскольку в России «марксизм принимал свободу инструментально, как средство в борьбе за диктатуру пролетариата».

Федотов ввел дихотомию «социализм – либерализм» как дихотомию ценностей: «равенство – свобода». Тем самым он подошел к такой теме, как пути развития социализма в качестве одного из политических течений, его существование в разных цивилизационных вариантах.

Понятие «социализм» гораздо шире понятия «марксизм», но не в хронологическом отношении. Мне представляется антиисторичным рассматривать социализм как вневременное явление, будто бы встречающееся уже у Томаса Мора и Томаса Мюнцера. Социализм, как и тоталитаризм, существует в контексте новоевропейской западной цивилизации. Марксистский его вариант служит доказательством правомерности столь узкого подхода. Он достоин того, чтобы поговорить о нем особо.

Социализм обязан марксизму своей концептуализацией в рамках истории западной цивилизации, ему же он обязан своей легализацией, превращением в равноправное политическое движение в демократической политической системе. И марксизм же в российском варианте обратил социализм в его противоположность.

Марксизм ничем не обогатил философию, в этом отношении он представляет собой допозитивистское явление. Но исключить его из общего потока развития социального знания невозможно. Предвещающая «экспроприацию экспроприаторов» и «двенадцатый час капиталистической эксплуатации», он немало способствовал самопознанию западноевропейской цивилизации. Марксистский социализм, который принято называть научным, наиболее полно выразил ценности этой цивилизации и, не противопоставляя себя либерализму, принял активнейшее участие в борьбе за эти ценности. Из истории становления правовых государств нельзя вычеркнуть борьбу социал-демократии за восьмичасовой рабочий день, всеобщее избирательное право, равенство женщины и мужчины.

Дихотомия «социализм – либерализм», как установил Федотов, реализовалась полностью в России. И прежде чем говорить о причинах этого, надо определить, каков был механизм становления большевизма и захвата им власти.

Большевизм конституировался в двух оппозициях, противопоставляя себя западноевропейской социал-демократии и народничеству. Начнем с первого противопоставления, то есть с рассмотрения большевизма в европейском контексте.

Противопоставление себя западным социал-демократам было не столько идейным, сколько организационным, что нашло воплощение в так называемой партии нового типа. Очень часто к этому и сводится определение большевизма. Однако оно статично; суть большевизма не исчерпывается тем, что было сделано в год его возникновения. Менялась и обстановка в стране. Поэтому стоит рассмотреть большевизм с точки зрения формирования в России гражданского общества и правового государства.

Социал-демократические партии Европы не перестали быть партиями рабочего класса, поскольку были рассчитаны на выражение и защиту интересов пролетариата в рамках институтов правового государства. Участие в партийной деятельности, если речь шла не о профессиональных функционерах, не требовало изменения социального статуса, хотя эта деятельность и была направлена на изменение к лучшему социальных условий и даже властно-собственнических отношений. Наибольшую ненависть большевиков вызвал тезис Бернштейна: «конечная цель – ничто, движение – все». Между тем в нем заключен глубокий смысл, идея актуализации политической потенции личности «здесь и теперь» без предварительных условий, без утопического насилия, без ломки социальных отношений. Этот тезис явился индивидуалистическим осмыслением и оправданием рабочего движения, шагом в сторону гуманизации. Беря за точку отсчета отдельного человека, причем не абстрактного, а весьма конкретного, рядом живущего, социал-демократия ценностно сливалась с либерализмом. Марксизм в Западной Европе к XX веку начал выполнять функции цивилизационно-рефлексивные. Будучи наиболее полным концептуальным выражением итогов исторического пути западно-европейской цивилизации, как бы выходя себя за ее рамки, он отражал ее, артикулируя, в частности, ее дальнейшие цели.

В других исторических условиях, на периферии европейской цивилизации актуализировалась колоссальная негативная потенция марксизма, которую он также нес в себе.

Организационные принципы большевистской партии коренным образом отличались от социал-демократических. Раскол на большевиков и меньшевиков произошел из-за разного отношения к первому параграфу устава, а не программы, что весьма характерно: принципиальными с самого начала были не программные концепции, а организационные начала, образ действия. Ленин, в отличие от будущих меньшевиков, настаивал на формулировке, обязывавшей члена партии не только признавать программу, устав и платить взносы, но и «работать» в партийной организации. В условиях России это означало полное включение личности в партийную среду, отчуждение личности (воли) партией. Единственным статусом оставался статус члена партии, лишение которого выводило человека в иную социальную среду, а после победы большевизма, в тоталитарном обществе, означало уход в небытие. В словах Сталина о том, что для большевика вопрос членства в партии – это вопрос жизни и смерти, заключен почти буквальный смысл.

Вторым важнейшим элементом большевистской организации стал производственный, причем сначала нелегальный, принцип ее построения. Не человек приходил в политику, которая существовала отдельно от экономики, а политика приходила в хозяйственную сферу, с тем чтобы подчинить ее. По существу, это был шаг к тому, чтобы овладеть производством образа жизни, к захвату всего времени индивида, к деприватизации частной жизни, а значит и к отчуждению его личности.

Однако всего этого мало, поскольку это чисто концептуальное объяснение большевизма. Механизм его прихода к власти оказался более сложным. Чтобы объяснить его, надо обратиться к спорам об организационных принципах партии.

Большевистская организация очень быстро превращалась в анахронизм. После событий 1905–1907 годов в России шел процесс формирования гражданского общества, самодержавие трансформировалось в конституционную

монархию. Противоречия в положении большевиков проявились в появлении двух течений внутри партии – «отзовистов» и «ликвидаторов».

«Отзовисты» предлагали отозвать большевистскую фракцию из Государственной думы и полностью переключиться на работу в парторганизациях. «Ликвидаторы», напротив, ратовали за превращение партии в парламентскую. Казалось бы, верх должны были взять «отзовисты», поскольку размеры и влияние большевистской фракции были минимальны, а шансов на успех в парламентских выборах у большевиков не было, как нет их сейчас у коммунистов во Франции, Италии, а с недавних пор – в Венгрии или Чехословакии. С другой стороны, в пользу «ликвидаторов» говорил успех западно-европейских социал-демократов.

Ленин совершил принципиально невозможное, но беспринципность с того времени становится большевистской принципиальностью. Он сохранил и то, и другое: и производственные парторганизации, и думскую фракцию. Большевики остались организацией для захвата власти, но приобрели парламентское оформление.

Не менее существенной была оппозиция большевизма народничеству и генетически связанным с ним партиям социалистического толка.

Ленин начал с исследовательского труда «Развитие капитализма в России», в котором, на основе огромного фактического материала, собранного земской статистикой, доказал развитие рыночной экономики в России. Политически это означало обоснование приемлемости марксизма для российских условий, но вело также к разрыву с народниками и их преемниками. Большевики имели в качестве противника, а точнее сказать, соперника, не революционно-пропагандистское и не террористическое народничество, а либеральное, деятельность которого могла со временем привести к превращению крестьянства в субъект политики. Разрыв с народничеством был разрывом и с прежними ценностями русского революционного движения, и с нарождающейся либеральной тенденцией.

Весьма показательно, что изучение немарксистского социализма XX века в России проводилось исключительно за рубежом. Весьма показательно также, что первым и до сих пор наиболее глубоким оппонентом большевиков выступил Владимир Короленко, один из выдающихся социалистов. Не стоит, наверное, говорить и о жестоких репрессиях против эсеров, об искажении их образа в советском массовом сознании, которое до сих пор знает только о террористической деятельности Савинкова, Гершуни и Каляева, но почти не задается вопросом о причинах постоянных успехов эсеров на всех выборах, вплоть до выборов в советы в первой половине 1918 г.

Как это ни странно, даже парадоксально, но отказ от народнических традиций явился отказом от развития по европейскому, модернизационному пути. Думская мимикрия прикрывала неспособность большевиков к парламентскому существованию. Их партия в принципе не могла иметь прочной и долговременной социальной базы вне самой себя. С самого начала она развивалась как партия-статус, несовместимая с принципами гражданского общества. Большевистская партия была приспособлена исключительно для защиты интересов своих членов, среди которых преобладали люди, пришедшие за тем, чего они не могли добиться в обычной жизни, – за статусом, то есть по природе своей люмпены, кем бы они ни были от рождения: дворянами, семинаристами, крестьянами, рабочими.

Заинтересованность большевиков в остановке развития России по модернизационному пути, в социальной деградации очевидна. Более или менее ясны механизмы приспособления к тенденциям государственного развития. Но не вполне ясно пока происхождение шовинистского кода в эволюции большевизма. О первых его проявлениях с точки зрения культурологической я скажу чуть позже, а политическая предопределенность большевистского самодержавия коренилась в его антимодернизационных устремлениях.

Историю прихода большевиков к власти, октябрьского переворота, последовавшего за Февральской революцией, да и саму эту революцию, невозможно рассматривать без внешнеполитического фактора. В трансформации самодержавия в конституционную монархию колоссальную роль играл пример Западной Европы. Это было опосредствованное влияние – не на монарха, а на общество, но именно потому и глубокое. Для власти же имело значение геополитическое партнерство России с цивилизованными странами, необходимость действовать в контексте западноевропейской внешнеполитической культуры.

Противоречия между внешнеполитическим положением России и ее внутренним развитием проявились в ходе Первой мировой войны. Россия оказалась не подготовленной к историческому экзамену на внешнеполитическое равенство не столько в экономическом и даже военном отношении, сколько в институциональном.

Кризис коснулся прежде всего природы самодержавия. Царь и его окружение испытывали недовольство не только демократическими, но и бюрократическими институтами. По свидетельствам очевидцев, приближенные императора вели дело к возрождению вотчинной концепции его власти, к тому, чтобы превратить его в «Царя Московского», без петербургских затей, заимствованных с Запада. Николай II претендовал на роль исторического антипода Петра I, осознавшего сближение с Западом как задачу своего правления. Даже наследник престола был назван Алексеем в честь отца Петра, что было знаком ориентации на ценности допетровской Руси, династическим символом. Однако мечты об очищении самодержавия от привнесенных модернистских элементов были неосуществимы. Единственной силой, на которую царь опирался, имея в виду именно неопатриархальные проекты, были черносотенцы, потерявшие всякое влияние.

Итогом Первой мировой войны явилась геополитическая модернизация, включавшая разрушение империй, ведущих свое происхождение от доиндустриальной эпохи, формирование в Европе новых национальных государств. Укрепление колониальных империй, обязанных своим появлением капитализму, имело временный характер и может быть названо предсмертным.

В придворных кругах не зря вынашивались планы сепаратного мира: продолжение войны было бы губельно для империи. После падения монархии Временное правительство, настаивая на выполнении союзнических обязательств, само того не осознавая, объективно вело дело к геополитической модернизации, к распаду империи и к образованию русского национального государства, которое соседствовало бы с независимыми балтийскими странами, Финляндией и Польшей, получившими-таки независимость, вопреки воле Ленина, а также с Украиной, Белоруссией, Грузией, Арменией. Многие регионы России были готовы к автономному развитию, но сибирская автономия, как и всякая другая, была большевиками ликвидирована.

Имперский код с самого начала был заложен в большевистской партии, которая со временем неизбежно должна была превратиться в шовинистическую организацию. Но именно в этом заключалась не столько преемственность, сколько прерывность. Наиболее полно эта прерывность, вопреки утверждениям Бердяева о «государственном» континуитете, проявилась в организации власти.

Летом 1917 г. Ленин пишет работу «Государство и революция», в которой обосновывает тезис о необходимости «слома буржуазной государственной машины». Это было продолжением его Апрельских тезисов, в которых парламентская республика характеризовалась как шаг назад по сравнению с советами.

Сейчас советы изображают аналогом парламентов. Между тем они зародились как организация внепарламентская, сословно-рабочая, строящаяся по производственному, а не по территориальному признаку. Большевикам для самосохранения нужна была не просто государственная, а тотальная власть. Советы идеально подходили для этой цели, соединяя в себе общественное и

государственное, подчиня личные права статусным привилегиям, устанавливая первичность власти по отношению к собственности, соединя властвование и хозяйствование. Они явились также прекрасным орудием люмпенизации общества и уничтожения социальности, без чего большевики не могли установить тотальную власть, подразумевающую только одну статусность – связанную с партией.

Люмпенизация коснулась и такого качества, как национальность. Советы явились и средством унификации нового имперского устройства, которое сохраняло разнообразие при Романовых. Советизация может расцениваться как русификация, поскольку всем народам навязывался институт, возникший в русской политической культуре.

Надо сказать и несколько слов о современных трансформациях большевизма. Очевидно, что такая тема, как перестройка, заслуживает особого внимания и в круг проблем этой статьи не входит. Тем не менее основные критерии, по которым следует, на мой взгляд, оценивать степень дебольшевизации, определены в этой статье. И главный критерий – степень дезинтеграции Советского Союза, хотя этот процесс и вызывает опасения. Между тем опасны империи разваливающиеся, а развалившиеся – опасности не представляют.

Существуют и другие критерии, но принципиальным мне кажется не только ликвидация парторганизаций на предприятиях, что давно уже является требованием общества, но и постепенное изживание советской системы, трансформация советов в парламенты и муниципалитеты.

Что касается большевистского шовинизма, то он не гибрид-уродец, а бескачественная и бесценностная целостность. Большевистскому режиму равно близки и шовинист-клерикал, и сталинист-атеист, и ленинец-интернационалист. Платформой этого течения является деструктивность, идеологическое происхождение которой несущественно. Единственное средство в борьбе с большевистским шовинизмом – это разрушение его целостности. Негативная потенция его марксистской составляющей может быть компенсирована социал-демократией, а собственно шовинистическая – русским национализмом, ориентированным на экономически самостоятельные слои общества, а не на люмпенские настроения.

Последнее означает возникновение нового среднего класса, который может стать проводником модернизации. Но это будет вторая модернизационная попытка. О неудаче первой и пойдет речь дальше, ибо только поняв причины случившегося в начале XX века, можно адекватно оценить большевистский феномен.

Две реформации

Русское освободительное движение почти с самого своего начала было атеистическим. Внешние причины этого ясны: Русская Православная церковь была огосударствлена, а основой официальной идеологии власти была триада: «самодержавие, православие, народность».

Самодержавие являлось строем, сочетавшим патернализм с бюрократическим оформлением, и медленно, но модернизировалось. Русская Православная церковь оставалась полностью подчиненной самодержавию. Она оставалась закрытой для модернизации, не могла пройти собственную Реформацию.

Западноевропейская Реформация по справедливости считается первой буржуазной революцией, открывшей путь к становлению гражданского общества и правового государства. Ее главные достижения – не в экономической и не в институциональной сферах. К адекватному ее толкованию значительно приблизился Макс Вебер, но исследования последних лет заставляют обратиться к самим истокам Реформации, к наследию ее первых лет.

Противопоставление индивидуальной веры и института церкви – один из главных элементов в наследии Лютера. Но не меньшее значение для всей за-

падноевропейской цивилизации имело его учение, содержащееся в трактате «О свободе христианина».

В основе учения о христианской свободе лежало противопоставление человека внутреннего и внешнего, принадлежащего двум империям Христовым – небесной и земной. Это не было покушением на человеческую целостность, не подразумевало раздвоения личности. Лютер приблизился к пониманию внутренней, независимой от социальных обстоятельств свободы, переживаемой неотчуждаемой человеческой личностью. По существу, это было освящением субъективности как атрибута христианина. В свете этого учения искать христианскую свободу в изменении социальных условий – бесполезно. Гнев Лютера вызывало плотское, мирское толкование христианской свободы, находившее выражение в народной Реформации, которая оставалась движением средневековым, строилась на амбивалентности духовного и телесного, между которыми не было непреходимой границы. Учение Лютера вело к разделению, противопоставлению личностного и статусного, а народная Реформация исходила из их единства, совпадения.

История Реформации знает много имен современников Лютера, однако их деятельность представляет сейчас преимущественно академический интерес. В массовых представлениях образ Реформации связывается с именем виттенбергского реформатора, и в этом есть историческая справедливость: он заложил основы будущего новоевропейского общества, в то время как другие проповедники апеллировали к средневековой ментальности. Но суть дела не только в содержании многочисленных лютеровых произведений, но и в степени и глубине их распространения, в массовости, в готовности европейского общества к их усвоению.

Современная медиевистика безоговорочно признает Реформацию вторым крещением Европы, ее рехристианизацией в эпоху печатного станка. Это был переломный момент между обществом с преимущественно устным способом передачи опыта и выработки норм и обществом, основанным на письменной культуре. Новоевропейское общество, зарождавшееся тогда, характеризовалось разделением на различные сферы общественного бытия, и лютерово понимание личности послужило основой этого разделения. Индивидуализм, перенесенный во все сферы жизни из сферы религиозной, явился порождением Реформации, которая сделала явным то, что в потенции заключало в себе христианское вероучение. Это был индивидуализм христианский и таковым он остается до сих пор.

Последнее надо иметь в виду, когда употребляется термин «секуляризация», означающий уход религиозного оформления из каких-то социальных сфер. В западноевропейском варианте это всегда лишь доведение до полного воплощения принципа «Богу – богово, кесарю – кесарево», придание религиозной жизни обособленных форм. Секуляризация индивидуальной и социальной жизни не есть атеизация, а исторически изменчивая форма христианской цивилизации, тем паче, что веротерпимость и свобода совести осознаются как христианские ценности и принципы.

Распространение лютерова толкования христианской свободы шло постепенно, с модернизацией Западной Европы, с переходом к доминированию письменной культуры. Частью Реформации была и Контрреформация, модернизовавшая католицизм. Центром письменной культуры, а потому и главным очагом Реформации, являлся город, особенно промежуточный между городом и деревней слой, испытывавший статусный кризис, который вел к кризису рефлексивному.

Возможны ли параллели с Реформацией, когда речь идет о российской истории? По моему убеждению, да, если вести речь о так называемом русском возрождении конца XIX – первых лет XX века и если правильно выбрать предмет сравнения. Сравнение возможно по соотношению устного и письменного элемента в бытовании христианства и по пониманию субъекта веры.

Начало христианского возрождения в России справедливо было бы связать с именем Владимира Соловьева, умершего в 1900 г. и определившего развитие русской мысли в XX веке. Весьма характерно, что крупнейший религиозный мыслитель находился в очень плохих отношениях с православным клиром и заслужил репутацию филокатолика и филосемита. В этой статье нет возможности разбирать все философское наследие Вл. Соловьева, но необходимо дать принципиальную оценку некоторых его мыслей, высказанных в философской публицистике, то есть тех, которые он стремился сделать достоянием общественного сознания.

«Субъект веры есть прежде всего живое лицо, а потом уже социальная группа или учреждение, и религиозная свобода прежде всего есть свобода для всякого индивидуального человека исповедовать и проповедовать то, во что он верит» (В.В.Соловьев, «Из вопросов культуры». Соч. т. 2. М., 1989). Слова эти сейчас воспринимаются как прописные истины, однако сказаны они были в споре с теми, кто призывал к насильственному обращению в православие подданных Российской империи, придерживавшихся своих религиозных убеждений. В русском христианском возрождении, начало которому положил Вл.Соловьев, не было ни отмены таинств, ни разрушения церковных институтов, ни даже четко сформулированного догматического принципа всех реформационных течений XVI века – о спасении верой, а не делами. Однако сравнивать процессы, разделенные несколькими столетиями, шедшие в разных странах, в разных историко-культурных условиях, следует по их внутреннему содержанию, которое, например, в Реформации выявилося далеко не сразу. Таковым и для Реформации, и для русского религиозного возрождения являлось освящение принципа неотчуждаемости личности, ее прав и свобод, христианская санкция субъектности.

Противопоставлением западноевропейскому индивидуализму иногда служит русская соборность, в которой подразумеваются патриархальные, традиционные, антииндивидуалистические черты. Однако за этим кроется незнание или непонимание сущности Церкви в толковании русских религиозных мыслителей. И самодержавный, и современный официозный клерикализм строится на подмене Церкви иерархией, на толковании церкви исключительно как совокупности клириков. За исконно русскую соборность выдается пассивность паствы, ее массовидность, нерасчлененность на людей с индивидуальным самосознанием.

Но к А.Хомякову, одному из выдающихся славянофилов, восходит другое понимание Церкви, которое можно встретить сейчас и в православном катехизисе, и в более ранних богословских трудах, но которое, тем не менее, не становится массовым. Это осознание Церкви как совокупности всех христиан, единства паствы и клира. При соловьевском толковании «субъекта веры» христианская соборность вовсе не вступает в противоречие с христианским индивидуализмом, как не вступала она в эпоху Реформации, соединившей индивидуализм с универсализмом.

Но русское религиозное возрождение имело одно принципиальное отличие от Реформации. Последняя привела к рехристианизации всей Западной Европы, а в России рехристианизации подверглась только культурная элита. Причины этому следует искать прежде всего в особенностях городского развития России. Ведь именно город был центром письменной культуры, но русский город не был тождествен западноевропейскому. Слабость города, его неспособность выполнить исторические функции, ему присущие, понял Вл.Соловьев. Вот что он писал в 1893 г. в цитированной выше работе:

«При самых неблагоприятных условиях русский народ доказал свою способность к духовной самостоятельности. Правильное развитие этой способности было задержано сначала необходимостью черной работы, первых начатков европейской культуры. Четверть века тому назад эта подготовительная работа казалась конченною, и для русского народа, получившего граждан-

скую полноправность, по-видимому, наступила пора духовного возрождения при деятельном руководстве более культурного класса. Но вместо того, под влиянием плохо усвоенных отбросов западной истории, в нашей малообразованной среде появились и возобладали чуждые русскому народному духу и нашей христианской вере инстинкты насильничества и бесправного уравниательства».

Современные комментаторы усматривают в этих словах суждение о русском шовинизме и о русском терроризме. Однако «отбросы западной истории» включали и марксизм в его большевистском толковании. Вл. Соловьев определил и среду распространения этой «религии», причины ее успеха:

«...Россия, именно, как огромная сельская страна, имеет величайшую нужду в помощи города с его сосредоточенными силами, материальными и духовными. Этого своего назначения наш городской класс, неустроенный, разрозненный и в общем недостаточно просвещенный, исполнить с успехом не может. Разрастание наших городов (особенно в последние тридцать лет) породило лишь особую полеевропейскую буржуазную цивилизацию с разными искусственными потребностями, только более сложными, но никак не более возвышенными, чем у простого сельского народа» («Враг с Востока». Соч. т. 2, М., 1989).

Соловьев понимал, чувствовал, что, в отличие от Западной Европы, русский город не представляет собой цивилизованный центр, в котором развивается культура, качественно отличная от деревенской, традиционной, устной. Георгий Федотов почти через 50 лет оценил ситуацию рубежа века так:

«Первое прикосновение московской души к западной культуре почти всегда скидывается нигилизмом: разрушение старых устоев опережает положительные плоды воспитания. Человек, потерявший веру в Бога и царя, утрачивает и все основы личной и социальной этики. О хулиганстве в деревнях заговорили с началом столетия. Учитель делается первым объектом дерзких шуток, интеллигенция как класс – объектом ненависти» (Г.П. Федотов. «Россия и свобода»). В этих наблюдениях отразилась важнейшая особенность российской модернизации: разрушение традиционных, устных форм бытования христианства не сопровождалось возникновением форм, адекватных доминированию письменной культуры. (В произведениях Федотова дихотомия «Восток – Запад» выражена в противопоставлении Москвы Петербургу.)

Дехристианизация проявилась и в политической сфере, которая стала развиваться в парламентских формах. О том, что параллель с Реформацией не является столь уж новой и искусственной, можно судить хотя бы по тому, как характеризовал депутатов II Государственной думы еще один русский религиозный мыслитель – Сергей Булгаков (позже ставший священником). Сам будучи депутатом, наблюдая за деятельностью тогдашних политиков, он увидел в их психологии «экзальтированность людей, ждущих осуществления Царства Божия на Земле, Нового Иерусалима, и притом чуть ли не завтра». Булгаков сравнивал своих коллег по Государственной думе со средневековыми хилиастами и с Иоанном Лейденским, но подчеркнул, что «сходство это касается лишь психологии, а не идей», поскольку «Россия отражает идеи и настроения века решительнее и прямолинейнее, чем даже Запад, отражает на себе и ту мировую духовную драму богоборчества и богоотступления, составляющую нерв новой истории: перед ней бледнеют и отступают на задний план все великие политические и социальные интересы, вздымающие волны и рябь на груди исторического моря» («Новый мир», № 10, 1989).

Эти слова достойны внимания. Булгаков разглядел важнейшую особенность российской истории. Будучи частью европейского культурного мира, но не владея той системой социального и институционального опосредствования, которую создала европейская цивилизация, Россия стала страной, в которой обнаженно проявились важнейшие особенности будущего культурного разви-

тия Запада, будущие кризисы и противоречия. Но в самой России все это могло составить содержание жизни весьма узкого и неукорененного элитарного слоя.

Пример тому – политический опыт самого Сергея Булгакова. Он пытался еще в годы революции 1905–1907 годов создать Союз Христианской Политики, партию, которая могла бы стать предтечей современного демохристианства. Этого не произошло потому, что, по его собственным словам, «Россия, в противоположность Англии, за единичными исключениями не видала еще христианской интеллигенции». Слои, связанные с письменной культурой, оказались в массе своей дехристианизированными.

Опыт тех лет весьма актуален, особенно если мы вспомним, какую роль сыграли христианско-демократические партии в посттоталитарной истории Италии, двух частей Германии (с разницей в 40 лет), Венгрии. Уместно также вспомнить и публицистическое наследие Евг.Трубецкого, толковавшего о демократии, которая должна стать христианской. Христианство в современной России в массовых представлениях связывается исключительно с патриархальностью и традиционностью, православие активно эксплуатируется русскими шовинистами. Между тем именно дехристианизация стала началом отрыва России от мировой цивилизации, поскольку христианство связывало ее с Западом. Но эта мысль еще далека от того, чтобы стать банальностью в современной России.

Противоречия в положении России внутри христианского мира и породили тот феномен, который принято называть «русской идеей», ту самую мессианскую идею, «деформацию и трансформацию» коей усмотрел Бердяев в большевизме.

Что же это такое? Содержательно определить «русскую идею» весьма сложно, – придется обратиться, как это и сделал Бердяев в книге, так им и названной – «Русская идея», ко всему культурному наследию XIX–XX столетий, да еще и к его современной интерпретации. Под «русской идеей» следует понимать стремление выразить в культурной форме национальную рефлексию, причем стремление, присущее далеко не массовой, элитарной русской культуре. Сейчас представляется наиболее важным и своевременным недифференцированное восприятие этой части культурного наследия, что позволит качественно оценить его в целом, соотнести с адекватным ему культурным уровнем в прошлом, настоящем, а может быть, и в будущем. Поэтому я попытаюсь определить русскую идею не через содержание, а функционально – как компенсаторную реакцию русской интеллигенции на недостаточную модернизацию страны, в частности на свое неукорененное и необеспеченное социальное положение. Главным противоречием, породившим поиски «русской идеи», было противоречие между европейским самосознанием русской (христианской!) культуры, носители которой с полным основанием причисляли себя к европейскому культурному ареалу, и явной цивилизационной неполноценностью, ущербностью, периферийностью России по отношению к Европе. Чувство общности с Европой и русская инакость привели к тому, что объяснение российскому парадоксу стали искать в особой миссии России по отношению к Европе. Каковы бы ни были различия между мыслителями, можно говорить о надъисторическом, вневременном понимании этой миссии. Уровень и характер русской культуры рубежа XIX и XX столетий не допускали конкретно-предметного толкования русской предназначенности.

Тезис о «деформации и трансформации» старой русской мессианской идеи в большевизме кажется мне весьма и весьма спорным. На мой взгляд, нельзя говорить о преемственности русской идеи в советской России, как нельзя говорить и о преемственности русской государственности. Противоречие между европейской общностью и русской инакостью было не преодолено, не разрешено, не снято, а уничтожено. Никакого единства с Европой несколько поколений русских не чувствовали, напротив, именно эта важнейшая составляю-

шая противоречия, породившего «русскую идею», тщательно уничтожалась. Русская предназначенность по отношению к цивилизованному миру истолковывалась предметно, конкретно, воплощалась в зримых, земных предметах, прежде всего в лучших в мире танках и ядерном оружии.

Причины таких трансформаций следует искать в причинах неудачи русской модернизации начала века. Следует прежде всего внести ясность в то, что же такое интеллигенция, о которой так много уже было сказано здесь, и что же все-таки произошло с русской городской культурой.

Интеллигенция, бюрократия, мещанство

Одна из самых больших трудностей российского социального знания – это определение интеллигенции. Все попытки определить ее социальные границы оказывались безуспешными, поэтому о ней есть смысл говорить как о конвенциональной группе: по каким-то неопределяемым, но всем известным критериям всем понятно, кто интеллигент, а кто – нет.

Подобный подход может показаться стремлением обойти проблему. Однако мне кажется, что об интеллигенции (термин этот употребим только по отношению к России, и словосочетание «русская интеллигенция» – тавтология) иначе не скажешь. Любой разговор о ней и о ее сущности обращается в цепочку апофатических определений по принципу: «интеллигенция не есть то-то».

Следует остановиться на двух наиболее парадоксальных определениях, которые звучат так: «интеллигенция не есть бюрократия», «интеллигенция не есть средний класс». Последнее определение имеет смысл, если под средним классом иметь в виду его русский аналог – мещанство.

Начнем, однако, с бюрократии. Определение «интеллигенция не есть бюрократия» действительно парадоксально, если вспомнить, что в России интеллигенция являлась группой, ориентированной на нормы и ценности, порожденные новоевропейской письменной культурой, носителем, создателем и первым защитником которой в Европе были именно бюрократы. Если прибегнуть к той же параллели, что уже неоднократно встречалась в данной статье, то нельзя не вспомнить о колоссальной роли бюрократии городской (муниципальной) и придворной в Реформации и шире – в модернизации Европы. Бюрократия по определению принадлежит письменной культуре, не может быть патриархальной.

И тем не менее в русском языке возможно такое сочетание, как «патриархально-бюрократический». Оно не режет ухо, подобно сочетанию «морально-политический», которое Александр Солженицын сравнил с выражением «небесно-болотный цвет», что доказывает, в частности, его принадлежность европейской культуре, хотя его и пытаются представить чуть ли не русским шовинистом.

Существо дела состоит в том, что российская бюрократия до самых последних лет своего существования не была самостоятельным социально-политическим строем, а лишь обслуживала потребности самодержавия, патерналистской, патриархальной власти, нуждавшейся в бюрократическом оформлении. О государственном аппарате Российской империи написано много в СССР и за рубежом, но я позволю себе высказать несколько суждений. Мне кажется вполне возможным рассматривать отечественную бюрократию как жертву самодержавия. Слишком высокий государственный пост, особенно в карательных учреждениях, а порой, в зависимости от обстоятельств, в министерстве народного просвещения или в Синоде, отделял чиновника от общества, от той его части, которая считалась интеллигенцией. С другой стороны, слишком талантливый и слишком самостоятельный чиновник не мог надеяться на адекватную оценку своих качеств. Пожалуй, только во внешнеполитическом ведомстве, которое по своему характеру должно было соответствовать мировому стандарту, дела обстояли немного по-другому (тут возможна

параллель с нынешним временем), да и то не всегда. Последние годы самодержавия характеризовались постоянным, неуклонным понижением профессионального и умственного уровня высшего чиновничества во всех ведомствах.

В отличие от Европы, бюрократия не вступала в партнерские отношения с монаршей властью, а полностью в ней растворялась. Французский абсолютизм, который принято считать «классическим», прошел стадию легитимации, переходный период от средневековой монархии с обычно-правовым, даже отчасти сакральным оформлением власти к ее письменно-правовому обоснованию. Аналогичные процессы, иногда прямо подражательные, можно проследить и в других европейских странах, включая княжеский абсолютизм в германских государствах. Легисты-законники, главные действующие лица легитимации, не были порождением абсолютизма, эта была профессиональная группа со всеми признаками корпоративной организации, которая обнаруживается и в цехах юристов в средневековых городах, и в университетах.

Таким образом, в Западной Европе власть с самого начала вступала с бюрократией в субъект-субъектные отношения, какие бы трансформации ни переживались в дальнейшем. А в России бюрократия являлась детищем самодержавия, использовавшего его с целью укрепления той власти, природа которой в принципе была чужда природе бюрократии.

Интеллигенция же всегда стремилась к диалогичности, к установлению таких отношений с самодержавием, которые хотя бы отчасти напоминали равноправное партнерство, то есть к такому социальному устройству, которое и принято называть гражданским обществом. Российская бюрократия по природе своей должна была стремиться к тому же, но в функции ее входила задача препятствовать этому процессу.

И по отношению к государственному строю, и по отношению к хозяйственной сфере до XX века, по существу контролировавшейся слоями, приверженными традиционной культуре, интеллигенция ощущала свою ненужность. Общественная деятельность была крайне ограничена, а диалога с крестьянством не получалось. Функциональный кризис вечно преследовал интеллигенцию.

Общим местом во всех работах, посвященных интеллигенции, является ее противопоставление западным интеллектуалам. Дмитрий Мережковский сказал о ней, что она есть «нечто единственное в современной европейской культуре» («Грядущий Хам», Соч. т. 14, 1914), чем подтвердил ее европейский характер, но усмотрел ее беду в том, что она «слишком русская, только русская». «Сила русской интеллигенции, – писал Мережковской, – не в intellectus'e, не в уме, а в сердце и совести». Предполагалось и предполагается, что на Западе интеллектуалы заняты исключительно интеллектуальным производством, а в России интеллигенция является слоем, занятым по преимуществу выработкой моральных норм. Дело, конечно, не в безразличности западных интеллектуалов, а в том, что моральное нормотворчество для них – лишь функция. Необходимость в подобной деятельности возникла именно в России, потому что в ней оказались нарушенными механизмы нормотворчества, переходный период от доминирования устности к доминированию письменности оказался не затянутым даже, а замороженным, переходность и промешуточность были постоянными характеристиками общества во всех его сферах.

С точки зрения культурологической главным является вопрос о русской городской культуре и ее носителях, то есть о мещанстве.

«Мещанство», «мещанин» – слово польского происхождения, означающее «житель города», «горожанин». В русском языке оно приобрело уничижительный оценочный смысл, происхождение которого заинтересовало в 20-е годы писателя и филолога Юрия Тынянова.

Тынянов начал с определения состава мещанства, с того, какие группы подразумевались под этим термином. Социальный смысл его Тынянов признал «расплывчатым», поскольку в состав мещанства входили: «мелкая бур-

жуазия, отчасти свободные профессии и, наконец, даже неорганизованный пролетариат (поденщики)». Оценочный же смысл Тынянов вывел из старого синонима этого слова «посадские», обитатели посада. «В посадах, в слободах оседали люди, вышедшие за пределы классов, не дошедшие до городской черты или перешедшие ее». Атрибутами поведения посадского были агрессия, озлобленность, основой эстетики – страх пространства, страсть к симметрии, открытые Тыняновым, то есть стремление компенсировать душевный хаос внешним упорядочением.

Состав мещанства определялся широко – от мелкой буржуазии до люмпен-пролетариата. Как известно, между этими двумя противоположными группами нет непреходимой границы, особенно в неустойчивые эпохи становления и распада, – люмпенизация всегда угрожает мелкому собственнику, а люмпен стремится обзавестись собственностью. Однако если угроза обнищания всегда реальна, то стремление к приобретению собственности в зависимости от ситуации может реализоваться в стремлении к тому, чтобы отнять и разделить.

Последнее было типичным для русского посада. Тынянов сказал об этом так: «Чувство собственности сказывалось не в любви к собственному хозяйству, а в нелюбви к чужим» (цит. по В.Каверину. Соч. т. 7, М., 1983).

Наблюдения Тынянова можно назвать культурологическими, а можно и социально-поведенческими. Рассуждения Тынянова можно сопоставить также с мыслями, высказанными Вл.Соловьевым относительно слабости города как цивилизованного центра. Таким образом, город как бы предстает постоянным переходным социальным пространством.

Это не удивительно, если вспомнить, что в России центральную роль в городе играла бюрократия, а не городское самоуправление, что купца, представителя торгового капитала, почти ничего не связывало с мещанином, горожанином с непонятным статусом и занятиями. Культурологические наблюдения Тынянова вполне заслуживают того, чтобы руководствоваться ими при характеристике мещанства. Они сопоставимы с теми социологическими исследованиями, которые проводились в российских городах специально к созыву I Государственной думы, когда возникла необходимость определить важнейшие социальные параметры мещанства.

Выяснилось, что мещанство – самое многочисленное после крестьянства сословие, что оно предоставлено самому себе, не располагает системой социальной защиты и что ему крайне затруднен путь к среднему и высшему образованию. Но самое, может быть, главное состояло в том, что весьма существенное для мещанского самосознания преимущество перед крестьянством – свобода от телесного наказания по приговору волостного суда – не имело материальной основы. Получить право на владение землей мещанин мог, только отказавшись от мещанского звания, а значит и от судебной привилегии. А в городе мещанину, по существу, была гарантирована только собственность на материал, из которого был построен его дом, – право на дом в целом и на землю ничем не подкреплялось.

Таким образом, ни материальные, социальные, правовые условия бытия, ни патриархальное прошлое и неясное настоящее, ни привнесенные в мещанскую среду социалистические идеи, ни казенное православие не способствовали развитию индивидуализма как ценности. Формировалась промежуточная культура, по происхождению аналогичная той, что сложилась в Западной Европе на границе города и деревни, культуры письменной и устной, но по существу и по функции совсем другая. Я назвал ее культурой посада, выделяя в качестве принципиальной основы особые представления о личности, которые не совпадают ни с общинными, ни с новоевропейскими («Декоративное искусство СССР», № 4, 1989).

Это были представления, которые лучше всего описать, прибегнув к дихотомии Федотова «свобода – воля», разумея под свободой западные пред-

ставления о свободе личности и правах человека, гарантированных общественным устройством, а под волей – старые русские представления о чисто асоциальной, криминальной независимости от социальных условий, находившие воплощение в разбойничьих традициях и народных бунтах. Культура посада, будучи все-таки уже не патриархальной, традиционной, требуя оформления по законам письменной, «высокой» культуры, но оставаясь враждебной ей, более всего приблизилась к санкционированию «воли», к созданию асоциальной, криминальной нормативности. Наиболее адекватны этой культуре большевизм и родственное ему черносотенство.

Наблюдения Тынянова относятся к 20-м годам, но очень близки к пониманию мещанства были и более ранние авторы. Подробнее следует остановиться на наследии Дмитрия Мережковского, с тем чтобы потом перейти к тому деятелю, который оказал неоценимые услуги большевизму, выработав многие насаждавшиеся им ментальные стереотипы. Я имею в виду Максима Горького, классика культуры посада.

Наиболее интересны многочисленные рассуждения Мережковского об отношениях между мещанством и интеллигенцией. Как и в более поздних заметках Тынянова, в его статьях образы мещанина, хама, погромщика, люмпена сливаются. Русская и антимещанская традиция, противопоставление России мещанскому Западу идет от Герцена. Были попытки трактовать русское мещанство как абсолютный аналог западному. Герценовская традиция актуализировалась и в творчестве Сергея Булгакова. Но Мережковский пошел дальше.

Стремясь определить смысл понятия «интеллигенция», Мережковский использует ее противопоставление мещанству. Интеллигенты, по его словам, «все, что угодно, только не мещане». Здесь имеется в виду тот Мещанин, которого Мережковский назвал «грядущим на царство», «Грядущим Хамом», у которого в России три лица: настоящее – самодержавие, прошлое – казенное православие, будущее – «лицо хамства, идущего снизу, – хулиганства, босячества, черной сотни».

Но все это в России, русское. Совсем иное Мережковский видит на Западе: «Вся золотая жатва культуры – наука, искусство, общественность – не из этого ли мещанского навоза выросла?» И называет врагов «праведного, мудрого, доброго, святого мещанства»: «Слишком часто теперь у нас, в России европейское мещанство отрицается не во имя нового благородства и всемирной культуры, а во имя старого русского варварства и нового русского хулиганства» («Цветы мещанства», Соч. т. 16, М., 1914).

«Старое варварство» и «новое хулиганство», таким образом, предстают врагами всего, что связано с цивилизаторской ролью европейского среднего класса. «Старое варварство» – антиличностная патриархальность, «новое хулиганство» – это погромный шовинизм, стремящийся к «воле», а потому отрицающий свободу, антииндивидуалистический по своей природе. Но антиличностное, антииндивидуалистическое начало обнаруживается и у большевиков. «Доныне революционное освобождение человечества начиналось с утверждения человеческой личности, – пишет Мережковский. – Социал-демократия (российская, то есть большевизм. – Д.Ш.), как религия, хочет начать освобождение с отрицания личности». Эта религия, по словам Мережковского, создает новое Великое Существо – Коллектив, сверхчеловеческую личность. «Безличными клеточками этого тела» становятся отдельные «Я». И мыслитель задает вопрос: «Что если центральная монада этого нового тела – не кто иной, как древний Цезарь Божественный или новый Великий Азеф, Великий Хам?» («Сердце человеческое...», Соч. т. 15, М., 1914.) Круг замыкается, великий замысел большевиков принимает черносотенную окраску.

Позже, в 1945 г., Федотов вернется к этой теме, когда будет говорить о черносотенном характере октябрьского переворота. И, рассуждая о черной сотне, напишет: «Самый термин «Черная Сотня» взят из московского словаря,

где он означает организацию (гильдию) низового, беднейшего торгового класса: для московского уха он должен был звучать, как для Токвиля «демократия». Словом, черная сотня есть русское издание или первый русский вариант национал-социализма» (Г.Федотов, цит. соч.). Дальнейшее сопоставление большевизма и национал-социализма, впрочем, может завести нас слишком далеко. Важно другое: культурная среда, в которой существовал большевизм, выталкивала его, имела о нем адекватные представления, отводила ему ту же культурную нишу, что и черной сотне.

Это особенно ярко проявилось в полемике вокруг творчества Горького, после его пьес «Мещане» (о жизни русской мещанской семьи) и «На дне» (о жизни люмпенов-босяков), а также в связи со стихотворением в прозе «Человек».

Принципиальным отличием Горького от цитированных ранее авторов было непонимание мещанской сущности босячества и люмпенской сущности мещанства. Он попытался развести образы босяка и мещанина, противопоставив их друг другу, не обнаружив совмещения их в одном социальном персонаже. На это указывал Дмитрий Философов, назвавший статью о горьковских босяках «Завтрашнее мещанство». Он усмотрел возможность развития босяков и в сторону «мещанского благополучия», и в сторону «варварского разрушения». Однако дело не ограничивалось этим. Попытка Горького создать образ «Человека с большой буквы», вооруженного «только силой мысли», заявляющего: «Смысл жизни – я вижу в творчестве, а творчество самодовлеет и безгранично!» и живущего по принципу: «Все – в Человеке, все – для Человека!» – вызвала негативную реакцию почти всех деятелей культуры. Горького высмеивали, им возмущались столь разные люди, как Лев Толстой, Короленко, Гиппиус, Бердяев, Брюсов. Но в 1928 г., когда нельзя уже было вспомнить, какое место на самом деле занимал Горький в литературном процессе, он сам пояснил: «Когда впервые я писал Человек с большой буквы, я еще не знал, что это за великий человек. Образ его не был мне ясен. В 1903 году я постиг, что Человек с большой буквы воплощается в большевиках во главе с Лениным» (В.И. Ленин и А.М. Горький. Письма, воспоминания, документы. М., 1969).

Бурную реакцию современников вызвал вульгарный атеизм, самодовольство и ограниченность горьковского Человека, чьи слова перешли в монологи босяков в пьесе «На дне». Из многочисленных публикаций на эту тему я хотел бы выбрать все-таки предостережения Мережковского, остановившегося на творческом пафосе, в котором босяка ожидает «какое-то последнее крушение», уничтожение, поскольку «Человек – Бог, значит: человек – ничто» («Чехов и Горький». Соч., т. 14. М., 1914). Творчество, воспетое Горьким, – это утопическое творчество, претендующее на демиургическое значение, классический элемент социальных утопий. И это почувствовал Мережковский. Однако классическая социальная утопия зародилась в высокой письменной культуре. В культуре же промежуточной происходит конкретно-предметная интерпретация важнейших понятий и категорий. Количественное выдается за качественное, имущественное за социальное, модернизация происходит только в предметно-вещной среде, ведет к появлению тяжелой индустрии, но одновременно и к деградации социальных отношений и культуры.

Такое понимание творчества и было чревато «последним крушением». Современники понимали и другое: горьковский босяк стремился не к свободе, а к воле, его индивидуализм был ложен, понят также не концептуально, а предметно, а потому и агрессивен, антииндивидуалистичен. Но этим значение творчества Горького не ограничивалось. Дмитрий Философов, по существу, обнаружил в «грубом полусознании полуинтеллигента», которое проявилось, в частности, в горьковских очерках о Европе, истоки большевистского шовинизма, первые признаки ксенофобии. Более всего Философова изумил разрыв со всей традицией русской литературы, находившей выражение

в творчестве и Герцена, и Достоевского, разрыв с чувством принадлежности русских к Европе и ее культуре.

На рубеже 20–30-х годов Горький, прокляв до того деревню и одобряв уничтожение традиционной культуры, стимулировал поворот в общественном сознании, совместив в своих очерках образ мещанина, традиционно негативный, отталкивающий – с образом интеллигента. Его выступления тех лет цитировать неприятно, тяжело. Может быть, со временем я вернусь к этой теме, а сейчас хотел бы только отметить, что поворот к резко антимещанской направленности пропаганды, особенно нацеленной на молодежь, произошел именно тогда, с началом сталинских пятилеток. Еще в 1927 г. можно было выпустить брошюру, в которой мещанство осуждалось, но при этом подчеркивалась необходимость уважения к собственности и повышения культуры труда. Но в 1930 г. появляются параноидные публикации, направленные на полную перестройку быта, именно быта, частной жизни, с целью изжить из него все «мещанское».

«Мещанскими» были объявлены все ценности, связанные с индивидуализмом, приватностью. Шло постепенное отчуждение личности. Хрущевская оттепель не внесла существенных изменений, скорее наоборот, ей был присущ еще более резкий антимещанский пафос. И только сейчас что-то начинает меняться.

*

Все изложенное здесь не исчерпывает проблемы большевизма и вряд ли может послужить основой конкретных рекомендаций по его преодолению. Но в заключение мне хотелось бы сказать несколько слов о возможных выводах.

Современное общественное сознание с готовностью восприняло тезис Бердяева – «вся история русской интеллигенции подготовляла коммунизм», хотя это положение не исчерпывает всей его философской системы. Распространение и долговременное бытование этого тезиса представляется мне опасным и с точки зрения социального развития, и с точки зрения становления нового знания об этом развитии. Такое понимание не дифференцировано, неточно, а в известном смысле может трактоваться как ложное. Мне кажется, что в этой статье приведены доводы в пользу более осторожного отношения к подобного рода высказываниям.

Однако главный вывод связан и с наблюдениями над истоками большевизма, и с тем, о чем шла речь только что, – с усвоением социального опыта. Введение термина «культура посада», поиски типологии культуры, победившей в 1917 г., как представляется, дают ответ и на вопрос об особенностях нормотворчества, и, самое главное, на вопрос об особенностях накопления и передачи социального опыта. Разрушение норм и традиций устной культуры не сопровождалось становлением таковых в системе письменной культуры. Всеобщая грамотность, достигнутая в 20–30-е гг., не должна вводить нас в заблуждение; она использовалась в ретроградных целях. В результате мы наблюдаем процесс деградации из поколения в поколение, процесс постоянного репродуцирования невежества. Речь, понятно, идет об обществе в целом, а не об элитарных слоях.

Вывод один: для преодоления большевизма не надо ничего ломать, кроме системы карательных органов и партийной структуры. Нужны параллельные конструктивные образования в экономической, политической и культурной (в широком смысле слова) сферах. Тогда созданная система социальной деструкции перестанет существовать, потому что насыщенная социальная среда для нее губительна.

●

Артур КЕСТЛЕР

НЕВИДИМЫЕ ПИСЬМЕНА

Артур Кестлер известен в Советском Союзе, да и во всем мире, в основном как автор романа «Мрак в полдень» (выходил в русском переводе А.Кистяковского под названием «Слепящая тьма»), в котором он пытался найти психологическую разгадку московских процессов 30-х гг. Мы знаем теперь, что разгадка более проста, чем виделось писателю – обвиняемых просто били, били, били... Тем не менее роман сохраняет свою ценность, ибо в нем автор – в числе первых – пытается понять коммунизм изнутри, используя весь свой опыт бывшего убежденного коммуниста.

Кестлер родился в 1905 г. в Венгрии, в 1931 г. вступил в Компартию Германии, принимал активное участие в деятельности Коминтерна. Участвовал в гражданской войне в Испании, был приговорен франкистами к смерти. Глубоко разочаровавшись в коммунизме, в немалой степени под влиянием увиденного в Коминтерне, позднее в СССР, который он посетил, и окончательно – под влиянием московских процессов, Кестлер в 1938 г. порывает с партией. В 1940 г. он переехал в Англию и опубликовал там «Мрак в полдень». Его перу принадлежит целый ряд книг и философских эссе. Автобиографическая книга «Невидимые письма» (The Invisible Writing) вышла в свет в 1954 г.

В 1983 г. А.Кестлер, который был страстным поборником эвтаназии, вместе с женою покончил с собой.

В № 3 за 1987 г. мы уже публиковали отрывок из книги «Невидимые письма», посвященный Лейпцигскому процессу. Ниже мы публикуем еще два отрывка – о деятельности автора в КПП и о его поездке в Советский Союз в 1932–33 гг. Перевод Л.Штерна.

СЖИГАНИЕ МОСТОВ

*Я прильнул к коммунизму как
к живительному источнику*
Пабло Пикассо

Я прильнул к коммунизму как к живительному источнику, а расстался с ним подобно пловцу, выбравшемуся из отравленной реки, усеянной руинами затонувших городов и трупами утопленников. Таков был вкратце итог моей жизни от двадцати шести до тридцати трех лет – с 1931 по 1938 год. Спасительным тростником, за который я ухватился, были ростки новой веры, пробившиеся из ила – осклизлые, вырывающиеся из рук, и все-таки прочные. О самой этой вере достаточно сказать, что в молодости вселенная представлялась мне открытой книгой, написанной на языке физических формул и социальных закономерностей, теперь же я воспринимаю ее как текст, начертанный невидимыми письмами, лишь малые фрагменты которых нам удастся расшифровать в редкие минуты откровения. Поэтому рассказ пойдет о том, как происходил переход от обманчивой ясности к неуверенному блужданию наощупь.

В коммунистическую партию я вступил 31 декабря 1931 года. Семь месяцев спустя я эмигрировал из Германии в Советскую Россию. Этот семимесячный переходный период разделяется на два этапа: во время первого я состоял в партии тайно, а во время второго – открыто.

В своей книге «Обанкротившийся бог» я более или менее подробно описал историю моего вступления в партию и рассказал, как был вовлечен в работу ее разведывательного аппарата. Посему коснусь этих событий лишь в самых общих чертах.

Мое письменное заявление о вступлении в КПП – Kommunistische Partei Deutschlands – было адресовано в Центральный комитет партии. Примерно неделю спустя я получил довольно загадочное письмо на бланке с неразборчивой подписью: «Много-

уважаемый...! В ответ на Ваше письмо от 31 декабря...» Меня приглашали на встречу с «представителем фирмы» в конторе некоей берлинской бумажной фабрики.

В назначенный день и час меня встретил герр Эрнст Шнеллер, заведующий отделом агитации и пропаганды (Агитпропом) германской компартии, он же шеф тайного разведывательного аппарата Коминтерна. В трегьей своей ипостаси Шнеллер был кроме того еще и Reichstagsabgeordneter – членом германского рейхстага. Подобное двойное существование в качестве официального лица и подпольного конспиратора не было чем-то необычным. Многие коммунисты вели и продолжают вести жизнь à cheval, как говорят на французском партийном жаргоне, – этот термин, заимствованный из аргю, обозначает игрока, делающего ставку сразу на два номера. Это не считается предосудительным. Максимальное использование конституционных свобод буржуазного общества с целью их уничтожения является аксиомой марксистской диалектики.

С Эрнстом Шнеллером я виделся еще два раза. Через несколько лет он погиб в нацистской тюрьме, где отбывал шестилетний срок. Это был худощавый человек с невзрачной внешностью и засгенчивой улыбкой на скуластом лице – одна кожа да кости. Рассказывал о себе, что он вегетарианец и питается одними сырыми овощами и фруктами; газет, кроме коммунистических, никогда не читает. Поначалу он проиизвел на меня впечатление ограниченного бюрократа, однако очень скоро мое чувство превосходства сменилось уважением к его спокойной и рассудительной манере разговаривать с собеседником. Я рассказал ему о своем намерении оставить службу в газете и огправиться грактористом в Советский Союз; за несколько часов Шнеллер убедил меня, что я принесу гораздо больше пользы партии, если буду помалкивать о моих убеждениях, продолжать работу журналиста, влиять по мере возможности на курс газеты и передавать партии закрытую информацию, которая станет мне известна. Несмотря на нынешнее легальное положение партии, разъяснил Шнеллер, она в скором времени, вероятно, будет запрещена и уйдет в подполье. И тогда такие люди, как я, занимающие приличные должности и не вызывающие подозрений, будут еще более полезны в борьбе против фашизма и имперналистической агрессии. Аргументы Шнеллера звучали убедительно, и я в конце концов согласился на его предложение: так, не вполне отдавая себе в этом отчет, я стал агентом разведки Коминтерна.

Во время нашего второго и последнего свидания Шнеллер вручил мне партийный билет на имя «Ивана Шгейнберга». Кроме того, он привел с собой рыжую брюнетку по имени Паула – она должна была поддерживать связь между мной и моим будущим «куратором», которого звали Эдгар. Так с самого первого момента вступления в партию я погрузился в странный мир, сумрачный мир конспирации, где действовали «эдгары» и «паулы», люди без фамилий и адреса – зыбкие расплывчатые фигуры, похожие на флюоресцирующие существа морских глубин.

Эдгар и Паула были единственными связующими звеньями между мной и «аппаратом». Обычно мы встречались у меня на квартире, Паула садилась за машинку и перепечатывала сведения, которые я сообщал, а Эдгар расхаживал по комнате и время от времени задавал уточняющие вопросы. Это был стройный тридцатилетний блондин с открытым лицом и приветливой улыбкой. Его настоящее имя и фамилию я узнал двадцать лет спустя из следующего примечания к книге Александра Вайсберга «Заговор молчания» (Лондон, 1952):

В книге Кестлера «Обанкротившийся бог» упоминается человек по имени Эдгар. Под этой кличкой скрывался революционный рабочий из Гамбурга Фриц Бурде, отличный парень и хороший товарищ. Я встречался с ним в Москве в 1936 году, когда он занимал высокий пост в разведывательной службе Красной Армии... Между ГПУ и наркоматом обороны долгое время велась борьба за контроль над этой важной организацией, добывавшей секретные сведения за границей. После ареста Тухачевского у ГПУ развязались руки. Почти все тайные агенты военной разведки были отозваны из-за рубежа и арестованы. Фриц Бурде возглавлял резидентуру Красной Армии в Скандинавии, и когда его вместе с другими агентами вызвали в Москву, он сказал друзьям, что едет на гибель, но не видит иного выхода.

Десять лет спустя, когда я работал над книгой «Прибытие и отъезд», «Эдгар», о дальнейшей судьбе которого я ничего не знал, послужил прототипом молодого нацистского агента Бернарда. Я попытался изобразить симпатичного, внушающего к себе расположение нациста и без всякой задней мысли обрисовал манеры и внешность улыбчивого коммуниста Эдгара. Он вписался в эту роль самым идеальным образом.

Мои контакты с «аппаратом» продолжали оставаться эпизодическими, а месяца через два или три круто оборвались. В то время я был редактором иностранного отдела «BZ am Mittag» и научным редактором «Vossische Zeitung» – двух крупнейших немецких газетах либерального направления, издававшихся концерном Ульштейна. В качестве редактора иностранного отдела я имел доступ практически ко всей конфиденциальной информации политического характера, которая стекалась в этот важный «нервный узел» Веймарской республики. Моим помощником по иностранному отделу был сын отставного германского дипломата, двадцатидвухлетний фон Е. Он был всего на пять лет младше, и мы быстро подружились; я проповедовал фон Е. марксистскую доктрину и стал для него таким же «гуру», духовным пастырем, какими были для меня Петер и Карл. Недели через две он вполне созрел и его можно было привлекать к служению Идее. На дому у фон Е. бывали офицеры генштаба и члены динкорпуса; от моего юного друга требовалось не пропускать их разговоры мимо ушей и все интересные сведения докладывать мне – в особенности о «подготовке Германией и империалистическими державами агрессивной войны против Советского Союза».

В течение нескольких недель все шло как по писаному. Потом фон Е. начал терзаться угрызениями совести и однажды утром, после бессонной ночи, предъявил мне ультиматум: он либо признается в своей предательской деятельности, либо покончит с собой. «Я написал покаянное письмо директору – распорядителю концерна, – сказал фон Е., – но вручу его только с вашего согласия». И с этими словами он положил передо мной на стол написанное от руки длинное письмо.

С точки зрения логики, этот ультиматум был бессмысленным. В глазах закона мы не совершили никакого уголовно наказуемого деяния. Мы не занимались кражей военных тайн и не торговали политическими документами. Фон Е. передавал мне лишь кое-какие салонные шплетни, а я в свою очередь передавал их моим политическим единомышленникам. Но на молодого человека эти аргументы не действовали. Одно дело быть марксистом или социалистом, твердил он, и совсем другое – поставлять информацию агентам иностранной державы, это предательство. Шпионы мы или нет, в узком смысле слова, значения не имеет. Он обязан явиться с повинной, а если я возражаю, то тогда ему придется расстаться с жизнью.

Я не воспринял угрозу фон Е. всерьез, было как-то трудно поверить в реальность происходящего. А он стоял передо мной с несчастным видом – бледный, небритый, с кругами под глазами, отказывался сесть. Возможно, фон Е. подсознательно драматизировал ситуацию – мне были знакомы острые ощущения, которые появляются в подобных случаях. С другой стороны, чем черт не шутит, вдруг он действительно исполнит свою угрозу и застрелится. «Согласитесь, что я должен отнести письмо», – продолжал он настаивать. Чистейший абсурд и донкихотство! И тем не менее я без дальнейших разговоров дал свое согласие, даже не удосужившись прочесть это самое письмо, которое предвещало неизбежный крах моей журналистской карьеры и сводило к нулю мою полезность для «аппарата».

Самое разумное, что можно было сделать, это внимательно ознакомиться с письмом и одни доводы фон Е. опровергнуть с помощью контраргументов, другие высмеять, а остальные затушевать; постараться запутать вопрос, выставить фон Е. в глупом виде и, наконец, выиграть время, предложив ему еще раз хорошенько все обдумать. Пустив в ход красноречие и кое-какие психологические приемы, может быть, и удалось бы поколебать уверенность молодого человека и растворить жесткие факты в диалектическом тумане. Однако, странное дело, у меня не хватило духу спорить с фон Е. и даже прочесть письмо, от которого зависело мое будущее. Вся сцена происходила словно во сне – я сунул ему письмо и с какой-то фантастической само-

уверенностью и пренебрежением к последствиям сказал, что он может нести его куда угодно и вообще пусть убирается ко всем чертям.

Так наступил конец моему завоеванному дорогой ценой положению в газетном мире, конец движению к респектабельности и начались еще семь голодных лет. Я был готов принести мое будущее в жертву ради дела партии, но не к тому, чтобы загубить его столь бессмысленным образом. И однако же теперь, двадцать лет спустя, мне кажется, что та легкость, с какой я воспринял донос фон Е. и крах моей карьеры, была бессмысленной только внешне. На самом же деле она находилась в полном согласии с периодически возникавшей у меня подсознательной тягой к сжиганию мостов... Все кардинальные решения, круто изменившие мою жизнь, на первый взгляд казались неразумными, но в конечном итоге всегда оборачивались духовным благом. В этих переломных случаях в действие как бы вступала иная, не житейская логика, и делая выбор в эти редкие моменты, каким бы парадоксальным и явно самоубийственным он ни казался, я как бы следовал неким незримым заповедям, открывшимся передо мной в краткий миг озарения.

Поясню это следующей метафорой: оглядываясь назад, я представляю себя слепцом, который движется наощупь по людному тротуару с палочкой, в сопровождении собаки-поводыря – забыв обо всем на свете, она семенит на опущенном поводке, ничем не выдавая своего присутствия. Но в нужный момент, при переходе улицы, слепец вдруг чувствует, как натянулся поводок, и понимает, что его поводырь не дремлет.

В данном случае благожелательные последствия моего безрассудства не заставили долго себя ждать. Мое донкихотское поведение в истории с фон Е. спасло меня от неминуемой угрозы превращения в профессионального «аппаратчика». Незадолго до катастрофы Эдгар предложил мне от имени «аппарата» поехать в Японию под видом корреспондента. Я сразу же дал согласие, и хотя этот план сорвался, рано или поздно мне непременно поручили бы какое-нибудь другое задание в том же роде. Пока что я был любителем и обретался где-то сбоку-припеку от опасной зоны. Еще несколько недель или месяцев, и меня неизбежно затянуло бы в омут, из которого нет возврата. Благодаря же признанию фон Е. я не только потерял работу в концерне Ульштейна, но и утратил всякую ценность для «партаппарата» – и при таких обстоятельствах, что Эдгар и Шнеллер убедились в полной моей непригодности для конспиративной работы. И бесцеремонно расстались со мной.

Через несколько недель концерн Ульштейн известил меня об увольнении под предлогом сокращения штатов, а в порядке компенсации за нарушение пятилетнего контракта предложил мне весьма приличную сумму. Ни о фон Е., ни о членстве в компартии – ни слова, хотели избежать скандала. В том же была заинтересована и партия. Эдгар посоветовал мне согласиться на предложенные условия, тем дело и кончилось.

СОРТИРОВАЛЬНАЯ МАШИНА

Я расскажу теперь о моей поездке в Россию в 1932–33 годах. Разумеется, с тех времен условия очень сильно изменились, и все же я убежден, что ряд основных особенностей и характерных черт советского режима остались прежними.

Мой путь поначалу лежал не в Москву, а в Харьков, тогдашнюю столицу советской Украины. В Харькове жили мои друзья – Алекс Вайсберг и его жена Ева, и они пригласили меня остановиться у них, пока я не попривыкну к новому миру. Им было суждено сыграть важную роль в моей судьбе.

Ева – поразительной красоты шатенка – была художницей и дизайнером по керамике. Мы дружили с детских лет; в «Обанкротившемся боге» она описана под своим собственным именем, а в других моих книгах – под псевдонимом. Алекс был физиком, членом австрийской компартии. Впервые я познакомился с ним в берлинской студии Евы, незадолго до их свадьбы и отъезда в Советский Союз, куда его

пригласили вести важную исследовательскую работу. Я, конечно, и на секунду не мог предположить, что в России их ожидает многолетнее заключение и мытарства и что трагическая судьба Евы послужит материалом для моего будущего романа «Тьма в полдень». В предисловии к автобиографической книге Алекса «Заговор молчания» я описал нашу первую встречу так:

Мое первое впечатление об Алексе: преуспевающий бизнесмен и бонвиван, круглолицый, с плавными жестами, большой любитель анекдотов и редкий сластена – шоколадные конфеты, разложенные на маленьких тарелочках в разных углах мастерской, он машинально отправлял в рот пригоршнями. Непонятно, что нашла в нем Ева. Мое недоумение, однако, длилось лишь до тех пор, пока другие гости не откланялись и мы не затеяли спор о каких-то запутанных теоретических проблемах марксизма. Глаза у Алекса сузились и стали колючими, добродушный юмор исчез, и я по всем правилам диалектики был уложен на обе лопатки. Алекс разил противника четкими, энергичными и неопровержимыми аргументами, а сразив, не успокаивался и продолжал наносить удары. Через некоторое время он начал смеяться и шутить.

Алекс сумел выдержать допросы в ГПУ благодаря своей невероятной физической и психологической сопротивляемости – он обладал тем свойством «ваньки-встаньки», которое позволяет быстро приходить в себя и восстанавливать физические и психические силы бесконечное число раз; «толстокожесть» уживалась в нем с беспечной невосприимчивостью – в самых критических ситуациях он проявлял неискоренимый оптимизм и благодушное самодовольство.

Все мои друзья из стран Центральной Европы, за редким исключением, прошли через тюрьмы и концлагеря. Александр Цыбульский-Вайсберг был единственным, на ком три года в застенках ГПУ и пять лет в подполье, где он скрывался от гестапо, почти не отразились ни физически, ни психологически – он по-прежнему доволен жизнью в этом «лучшем из миров». Двадцать лет назад, при нашей первой встрече, незадолго перед тем, как привычный мир рухнул, он производил впечатление преуспевающего бизнесмена; точно так же он выглядит и сегодня – те же плавные жесты, так же обожает анекдоты венских кафе, так же жует шоколадные конфеты-пирожки и свой любимый рахат-лукум.

Мое представление о России сформировалось целиком и полностью под влиянием советской пропаганды. «Вторая Америка – только больше и лучше, страна-стройка, родина величайшего исторического эксперимента» – такой рисовалась Советская Россия моему воображению. Первая пятилетка бросила лозунг: «Догнать и перегнать Запад!» и вот эта задача выполнена в четыре года! Я был уверен, что на границе «перенесусь в двадцать первый век», как гласил другой советский лозунг.

Хотя с тех пор прошло двадцать лет, в моей памяти отчетливо сохранились несколько характерных подробностей этого путешествия. И прежде всего – таможенный досмотр на пограничной станции в Шепетовке. Будучи выездным корреспондентом, я проходил таможенный досмотр почти во всех странах Европы и в нескольких странах Ближнего Востока, но нигде не видел ничего подобного. Советские таможенники не запускали руки в чемоданы, не прощупывали боковые стенки и дно и не вытаскивали наугад несколько вещей для тщательной проверки, как принято на пограничных пунктах. Они вываливали содержимое каждого чемодана на таможенную стойку или на грязный пол и распаковывали каждую вещь. Распаковывали все пакеты и свертки, срывали обертки с конфет, открывали коробочки с запонками, проверяли каждую книгу и каждый листок с печатным текстом. Потом снова все упаковывали. Эта процедура заняла полдня. Вернуться на свои места пассажиры не могли – пустые вагоны подвергались такому же доскональному осмотру.

В поезде ехали главным образом советские граждане и везли они в основном продукты. На стойке и на грязном полу в таможенном закутке громоздились сотни фунтов сахара, чая, масла, сосисок, колбасы, шпига и разнообразнейших консервов. Поразили меня лица таможенников, перебиравших эту груду продуктов, – они выражали вождение и покорность. Я сам голодал и хорошо знаю, с каким видом голодный человек берет в руки кусок колбасы, – эти бережливые движения, этот иступленный взгляд узнаются безошибочно.

Поезд медленно тащился по украинской степи, то и дело останавливался. На каждой станции у вагонов собиралась толпа крестьян в лохмотьях – они предлагали

иконы, полотенца и скатерти в обмен на буханку хлеба. Женщины подносили к окнам грудных младенцев, – на них было страшно смотреть – живые скелетики с ручками-щепками, вздутыми животами и неестественно большими головами на тонких шейках. Сам того не ведая, я приехал в Советский Союз в разгар голода тридцать второго – тридцать третьего годов, который опустошил целые области и унес несколько миллионов жизней. Последствия этого голода теперь широко известны, а тогда их скрывали от всего мира. Сцены на железнодорожных станциях были сигналом бедствия, но я не понимал ни его причин, ни масштабов. Мои советские попутчики упорно внушали мне, что эти несчастные люди – «кулаки», то есть богатые крестьяне, которых пришлось выселить, потому что они сопротивлялись коллективизации.

На другой, вроде бы пустяковый эпизод я сначала не обратил внимания. Когда наш поезд подъехал к берегу реки, на котором строился мост, в вагоне появился проводник с ворохом картонных щитков под мышкой и начал закладывать окна. На мой недоуменный вопрос попутчики с улыбкой ответили, что каждый мост – военный объект и необходимо следить за тем, чтобы мосты не фотографировали. Это был первый из многих фантазмагорических случаев, которые я пытался объяснить как проявления революционной бдительности.

Следующий сюрприз – в Харькове: друзья не пришли встретить меня к поезду. Я попытался позвонить им по телефону, но оказалось, что единственный телефон на харьковском центральном вокзале испорчен. Вместо такси на мостовой стояли пролетки, запряженные лошадьми – совсем по Чехову. Квартиру Вайсбергов я в конце концов отыскал, а телеграмма, отправленная перед выездом из Берлина, прибыла на вторые сутки. В тридцать втором году письма до адресатов в России часто не доходили по несколько недель, телеграммы – по несколько дней, а звонить в другие города разрешалось только должностным лицам и партработникам.

На это грубое вторжение реальности в мир моих иллюзий я отреагировал как всякий правоверный. Я был поражен и обескуражен – но в действие сразу же вступили дружинящие амортизаторы, выкованные в процессе моего партийного воспитания. У меня были глаза, чтобы видеть, и ум, обработанный таким образом, чтобы интерпретировать увиденное в определенном свете. «Внутренний цензор» куда надежнее и эффективнее официальной цензуры.

В качестве иллюстрации приведу отрывок из моего путевого дневника, начатого через несколько дней после приезда в Советский Союз. Работа над книгой была тем средством, с помощью которого я отстал от себя всякие колебания и сомнения и высмеивал собственную растерянность. Как видно из этого отрывка, зафиксировавшего первые советские впечатления автора, усилия я прилагал немалые.

...Не будем заблуждаться: автор этих строк не слишком легко перенес испытания нескольких первых дней. Не обнаружив пленявших его воображение зримых черт социализма, он довольно беспомощно барахтался в бездонном потоке впечатлений. Ведь до этого Советский Союз представлялся ему сплошным грандиозным Манхэттеном: взметнувшиеся ввысь громады зданий, бурные реки, укрощенные плотинами мощных электростанций, горы, отступившие перед железной волей человека, люди, не переводя дыхания, штурмующие здания пятилетки. Первый же советский город, в котором он очутился, смахивал скорее на бесконечную деревню, населенную семьями тысяч сонных обывателей, разомлвших от вечной как степь восточной лени. Как на ярмарку валила с городского вокзала, утопая в пыли, густая толпа крестьян в чоботах. И ведь это не медвежий угол, а столица второй по величине республики Союза. В допотопном трамвайном вагоне стиснутая пассажирами кондукторша в крестьянском платочке лузгает семечки – когда спрашиваешь у нее адрес, она морщится и поводит плечами. Извозчик на облучке – прямо как из музея – щелкает кнутом и понукает костявую клячу, поминая всю ее родню до седьмого колена; по немощной дороге, отчаянно гудя и скрипя рессорами, громяхает авто; кроваво-красные афиши на тумбах – лекция об инквизиции; другие афиши зазывают мужиков в павильон на выставку современного искусства – образцы этого искусства демонстрируют и личные фотографии, снимающие клиентов на фоне намалеванных пейзажей с марморными беседами и лебедями. Иностранная газета в продаже нет, поезд обгоняют телеграммы, а телефон не выдерживает конкуренции с трамваем.

И все же в центре этой сонной деревни, по улицам которой пылит народ и перегруженные трамваи, высятся два современных небоскреба, а рядом – телефонная станция из стекла и стали; есть новая образцовая клиника, и новый тракторный завод – второй по величине в Европе; стадион, парк культуры и отдыха, рабочий клуб и многое, многое другое...

Это похоже на фотокадр, по ошибке отснятый дважды – один снимок изображает прошлое, другой – будущее. Снимки накладывают друг на друга, сливаются, и в результате – путаница. Лишь постепенно приезжий начинает различать два слоя, угадывать основной рисунок в пестрой неразберихе. Требуется время, чтобы понять людей этой страны, которые представляют две разные эпохи, два разных поколения – тех, кто шлепает босиком по грязи, и тех, кто спешит с портфелем в руках и очками на носу. Их родословная теряется в бесформенных просторах степей, их сегодняшний день – в жесткой точности Плана.

Лишь постепенно приезжий начинает осмысливать противоречия, начинает различать за внешним хаосом очертания будущего, осознает, что в стране Советов настоящее – мнимое, что оно – вибрирующая мембрана, протянутая из прошлого в будущее...

Главу, из которой взят этот отрывок, советская цензура запретила. Книга вышла через два года в изуродованном виде под названием «Красные дни, белые ночи» – половину текста из нее выбросили. Но сам процесс ее сочинения был для меня лечебной терапией – он помог мне преодолеть сомнения и привести впечатления в порядок – в желаемой форме. Все, что меня коробило, я научился автоматически заносить в рубрику «наследие прошлого», а то, что нравилось, классифицировать как «ростки будущего». С помощью такой вот автоматической «сортировальной машинки» в сознании европеец в 1932 году мог жить в России и продолжать оставаться коммунистом. Такая же машинка была и в сознании у всех моих знакомых иностранцев и мыслящих советских граждан. Они понимали, что официальная пропаганда лжива, но оправдывали ее под предлогом, что она необходима для «отсталой массы». Им было известно, что уровень жизни в капиталистическом мире значительно выше, чем в Советском Союзе, но они оправдывали существующее положение разговорами о том, что при царизме жилось еще хуже. Им претило восхваление Сталина, но они оправдывали его тем, что «мужику» нужен новый идол взамен иконы на стене.

Когда теперь становится невозможно, люди, в зависимости от темперамента, реагируют одним из следующих трех способов: бунтуют, впадают в апатию или предаются самообману. Советский человек знает, что бунтовать против самого внушительного за всю историю и отлаженного до совершенства полицейского аппарата равносильно самоубийству. Поэтому большинство советских граждан пребывает в состоянии внешней апатии и внутреннего цинизма, а меньшинство предается самообману.

Принадлежал к этому меньшинству и я. Коммунистическая идеология отшлифовала не только методы массовой пропаганды, но и технику самообмана. В сознании истинного верующего «внутренний цензор» довершает работу цензора официально; диктуемая им самодисциплина не менее принудительна, чем диктуемая режимом покорность; он терроризирует и подавляет голос совести.

Вайсберги занимали небольшую, а по советским понятиям шикарную трехкомнатную квартиру, которая числилась за УФТИ – Украинским физико-техническим институтом, где работал Алекса. Этот научно-исследовательский институт был одним из самых больших в Европе. Советские заводы-новостройки, университеты и исследовательские центры располагали собственной «жилплощадью», а многие еще и своими подсобными хозяйствами и участками, что еще больше привязывало сотрудников к месту работы. У каждого из членов семейства Вайсбергов – Алекса, Евы и ее матери – была своя отдельная комната; кроме того, у них часто поселяли приезжих иностранных физиков.

Прежде чем двинуться в дальнейший путь, я прожил у Вайсбергов около двух недель, да и потом не рез возвращался под их дружеский гостеприимный кров. Никто и помыслить не мог, какая ужасная судьба уготована его хозяевам. Познакомился я и с несколькими коллегами Алекса, среди которых были ведущие советские физики. Опять-таки шепни нам тогда какой-нибудь человек с пророческим даром, что

те же самые коллеги в своих доносах будут называть Алекса диверсантом и агентом гестапо, мы сочли бы такого человека сумасшедшим.

В первые две недели я ходил по харьковским заводам и рабочим клубам. С русским языком дело у меня обстояло довольно сносно, хотя грамматика и хромала, – я выучил его за четыре месяца в Берлине тем же ускоренным методом, каким изучал иврит перед поездкой в Палестину. В моем лексиконе было около тысячи слов, которыми я пользовался на манер носильщиков и туристских гидов, пренебрегая грамматикой и синтаксисом. Благодаря этому я всюду разгуливал самостоятельно, пользовался трамваем, сам делал покупки и заговаривал с окружающими.

Единственным средством транспорта в Харькове в те годы были трамваи, курсировавшие с интервалом в двадцать-тридцать минут. Пассажиры в них набивалось раза в три больше, чем они могли вместить, – люди облепляли подножки, буфера и площадки между вагонами, висели на окнах и на крыше не хуже цирковых акробатов. В первый же день у меня в трамвае вытащили из бокового кармана бумажник, из нагрудного – авторучку, а из кармана брюк – пачку сигарет; давка была такая, что могли бы срезать и штанины и я не почувствовал бы пролажи. Толчея и сутолока на транспорте и в других общественных местах в Советском Союзе была хронической – карманники в этой обстановке резвились как рыба в воде, а орудовали они виртуозно. В основном это были так называемые «беспризорники», которые расплозились по всей стране после Гражданской войны как стаи саранчи.

В 1932 году в Харькове из товаров можно было свободно достать только липучку от мух, презервативы и почтовые марки. В кооперативных магазинах, через которые по идее осуществлялось снабжение населения предметами первой необходимости, – пусто, хоть шаром покати. Введенный в заблуждение сравнительно богатым выбором в привилегированном магазине для иностранцев, я лишь много позже понял подлинные масштабы голодного мора на Украине; отсутствие же потребительских товаров поразило меня в самый первый день. Достать одежду или обувь было невозможно; не было бумаги для пишущих машинок, копирки, расчесок, заколок, гвоздей, кастрюль, сковородок и даже иглолка для примусов – предмета совершенно необходимого в хозяйстве, поскольку примусы, на которых готовили себе еду советские граждане, разжигали стеарином. Некоторое время спустя, когда вышла из строя Харьковская электростанция и город на несколько зимних месяцев остался без электроэнергии, исчез из магазинов и стеарин.

Слухи о том, что в какой-то магазин завезли товар, распространялись с быстротой степного пожара, и люди бросались расхватывать зубные щетки, глазные капли, мыло, сигареты, фитили для керосинок или сковородки – неважно что. Завидев очередь, прохожие моментально пристраивались. Часто никто не знал, какой товар привезли, и в «хвосте» очереди усердно гадали, «что дают». Я быстро втянулся в эту игру и уже на второй день жизни в Советском Союзе притащил домой губную гармонику и флакон пятновыводителя, который прожег дыру в лучшем Алексовом костюме.

Куда более мрачное зрелище представлял собой харьковский рынок – там разыгрывались сцены, от которых к горлу подкатывал комок. Рынок размещался на огромном пустыре. Те, у кого было что продать, сидели на корточках, разложив перед собой товар на платке или косынке прямо в пыли. Торговали чем придется – дюжиной ржавых гвоздей, обтрепанными ковриками, сметаной – ее продавали ложками, вместе с мухами. Какая-то старуха предлагала одно-единственное пасхальное яичко и шматок засохшего овечьего сыра. Старик со струпами на ногах отдавал разбитые сапоги за kilo черного хлеба и пачку махорки. Торговали на этом рынке лаптями и даже подметками и опорками. Старые украинские деды, которым продать было нечего, пели народные песни, им бросали подавание. Тут же женщины, прямо на земле или на коленях целенали и кормили грудных младенцев; они тянули из сморщенных рожков не молоко, а какую-то кислую жижицу, на губах у них сидели слепни. Было почему-то много незрячих, с бельмами на глазах. Почти у всех – опухшие руки и ноги, лица одутловатые, с тем особым оттенком, о котором упоминает Толстой, описывая заключенного – «цвета картофеля, проросшего в погребе».

Сцены харьковского рынка врезались в память и живо встают перед глазами даже через двадцать лет. Официально считалось, что на рынке собираются «раскулаченные». На самом же деле, как я выяснил со временем, это были обыкновенные крестьяне, которых голод заставил покинуть свои деревни. За год перед тем, по приказу местного партийного начальства, рьяно взявшегося выполнять спущенный ему план, у крестьян отобрали не только весь урожай, но и семенной фонд, и в только что созданных колхозах не осталось семян для сева. Скот и птицу крестьяне забили, чтобы не сдавать в колхоз, а когда было съедено последнее зерно из неприкосновенного запаса, бросили уже не принадлежавшую им землю. Опустели деревни, обезлюдели целые районы; кроме пяти миллионов «кулаков», высланных в Сибирь, со своих мест снялись еще несколько миллионов крестьян. Они осаждали железнодорожные станции, заполняли товарные поезда, бродили по рынкам, валялись в скверах и умирали на улицах. Никогда мне не приходилось видеть такого количества скороспешных похорон, как в ту харьковскую зиму. Сколько было таких людей, ставших «кочевниками», никогда не сообщалось, да никто их, наверно, и не пересчитывал; по своим масштабам это «великое переселение народов», надо полагать, превзошло движение людских масс после распада Римской империи.

Официально же никакого голода и мора не было и в помине. Разве что изредка появлялись завуалированные намеки на «трудности на фронте коллективизации». «Трудности» – одно из самых употребительных слов в официальном советском лексиконе – им пользуются для умаления катастроф и стихийных бедствий, в то время как успехи и достижения всячески приукрашиваются. Когда советская печать сообщает о «грандиозной победе революционных сил в Англии», советский гражданин понимает, что английская компартия набрала лишних процентов голосов, тогда как «некоторые трудности в области здравоохранения в Биробиджане» означают, что там свирепствует эпидемия холеры.

В первую же неделю мой словарный запас пополнился самыми распространенными в советском обиходе словечками – «пятилетка», «комадировка», «пропуск», «начальник», «ремонт». Я узнал, что на «валюту» можно купить любые товары, которые нельзя достать, что слово «сейчас» приблизительно похоже на испанское тапана, что «культурный человек» не плюет на пол и не бранится, пользуется носовым платком и обходится без помощи счетов. Я узнал, что советские часы, приборы и машины раз в три месяца нужно сдавать в ремонт, научился писать на грубой серой бумаге и мыться под прибитым к стене пузатым умывальником, похожим на самовар, – вода из него текла, когда нажимали на стержень. Я узнал, что нужный адрес нельзя найти ни по карте, ни через милицию, потому что улицы переименовали, но население пользуется старыми названиями; что служащих и ответственных работников постоянно «перебрасывают» из одного конца страны в другой, как будто кто-то затеял игру в чехарду. Все эти новые познания я жадно и с энтузиазмом впитывал в себя, ибо не сомневался: все то, что вызывает мою досаду, – наследие прошлого, а то, что мне нравится – ростки будущего. Кроме того, в глубине души меня всегда тянуло к первозданному хаосу, я был подвержен ностальгии по апокалипсису и следовательно оказался в родной стихии.

Одним из моих любимых развлечений были прогулки по харьковским улицам, во время которых я пытался разгадать диковинные аббревиатуры институтов, учреждений, универмагов. Кооперативный магазин, где я покупал продукты, назывался ИНСНАБ; опекала меня организация под названием МОПР; институт, в котором работал Алекс, именовался УФТИ, он подчинялся НАРКОМТЯЖПРОМУ, а тот в свою очередь СОВНАРКОМУ и контролировался ГОСПЛАНом и ЦК ВКП(б). Труднее всего было запомнить сокращенное украинское название моего издательства в Харькове – УКРДЕРЖНАЦМЕНВИДАВ, что в переводе на русский означал Украинское государственное издательство на языках национальных меньшинств. Эта эпидемия сокращений была вызвана тем, что не разрешалось именовать предприятия по фамилии владельца и пользоваться фабричной маркой – еще один симптом типичной для советского общества обезлички.

Пытаясь составить представление о повседневной жизни в тоталитарном государстве, следует избегать упрощений. До убийства Кирова в 1934 году, с которого начался Большой террор, советские граждане не испытывали беспредастнного страха – скорее они жили в состоянии какой-то всеобщей неуверенности, постоянной оглядки. Неосторожно оброненное слово, как правило, еще не влекло за собой немедленной кары. Советский гражданин знал, что оно будет взято на заметку, и через год или через десять лет, случись с ним какая-нибудь неприятность – проштрафится ли он на работе, напишет ли жалобу ревнивая жена или любовница, «накапает» ли сосед, позарившийся на его квартиру, – ГПУ припомнит все его прошлые сомнительные разговоры и знакомства. Иначе говоря, советские граждане опасались расплаты не больше чем католики – Страшного суда, с той разницей, что ГПУ действует на этом, а не на том свете, и рассчитывать на покаяние и отпущение грехов не приходится.

В 1932 году еще не опасно было рассказывать в дружеском кругу политические анекдоты. Чтобы уловить «соль» следующего анекдота, напомним, что Троцкий до своего изгнания из СССР отстаивал необходимость твердой линии по отношению к крестьянству во имя интересов рабочего класса, тогда как Бухарин требовал послаблений для крестьян за счет рабочих. В этом анекдоте обыгрываются вопросы вымышленной анкеты для кандидатов в члены партии и «правильные» ответы на них.

Вопрос: Что означает наличие продуктов питания в городе и их отсутствие в деревне?

Ответ: Левотроцкистский уклон.

Вопрос: Что означает наличие продуктов питания в деревне и их отсутствие в городе?

Ответ: Правобухаринский уклон.

Вопрос: Что означает отсутствие продуктов питания как в деревне, так и в городе?

Ответ: Правильное проведение генеральной линии.

Вопрос: Что означает наличие продуктов питания как в деревне, так и в городе?

Ответ: Ужасы капитализма.

Советские граждане в те годы испытывали постоянное опасение – как бы не отправили в *командировку* в какую-нибудь глушь – на Урал, в Восточную Сибирь, в Казахстан. И не обязательно в порядке наказания – послать могли в любое время кого угодно и куда угодно. Командировка – дело служебное, а при советской системе каждый человек состоит на службе у государства. Командировки были постоянные и временные. Как можно было понять, большинство ответственных работников в любой сфере – административной, промышленной, учебной, издательской и т.д. – постоянно находились в срочных командировках. Одна из причин такого положения заключалась в том, что почта, телеграф и телефон работали медленно и ненадежно. Важные и сложные вопросы решались только при личных встречах. В абсолютно централизованном государстве ни один местный работник не может принять важное решение, не проконсультировавшись с вышестоящим начальством. В результате, когда вы пытались попасть на прием к какому-нибудь ответственному лицу на периферии, в большинстве случаев вам отвечали, что это лицо, как повезет, толкались у билетных касс, а получив билет, были вынуждены опять-таки на несколько часов или дней «располагаться биваком» на станции и караулить момент, когда можно будет втиснуться в теплушку или вагон поезда и добраться до следующего пересадочного пункта. Миллионы таких транзитных пассажиров дневали и ночевали на советских вокзалах – сидя и лежа вповалку на скамьях или на грязном полу в залах ожидания и на перронах, с узлами и прочим скарбом, покорные и равнодушные к

своей судьбе. То была пора так называемого «Великого перелома». Спасаясь от голода, немалая часть населения стронулась с насиженных мест, – слухи о том, что где-то живется полегче, гнали этих современных кочевников за тысячи верст по железным дорогам, во все концы страны.

Процедура получения железнодорожных билетов привилегированными обладателями «брони» протекала быстрее или медленнее, в зависимости от степени влияния организации, к которой относились эти обладатели, – административного управления, треста, завода или совхоза. Абсолютным приоритетом пользовалось ГПУ, после него – партийные органы, а далее – перечисляю в приблизительном порядке – госучреждения, армия, тяжелая индустрия, легкая индустрия, индустрия ширпотреба, профсоюзы, исследовательские центры и так далее. Аналогичная иерархическая шкала соблюдалась и при распределении квартир, комнат и углов жилотделами горсоветов и коек для приезжих Центральным трестом гостиниц. По той же системе происходило прикрепление к продкооперативу, раздача билетов на праздничные парады и театральные постановки. Шла ли речь о железнодорожном билете или продовольственной карточке, первым делом раздавался неизменный вопрос: «Из какой вы *организации?*» Права и привилегии индивидуума полностью зависели от того, какое место занимала его организация в социальной пирамиде и от его собственного положения в этой организации. Пожалуй, ни в одном другом обществе жесткий иерархический порядок не определял в такой всеобъемлющей степени жизненное положение каждого отдельного гражданина, регламентируя все виды его деятельности.

Кто не помнит персонажей дореволюционных русских романов, типа «Ивана Ивановича Голупчина, чиновника тринадцатого класса»? Традиционная иерархическая система, которая в прежние времена ограничивалась лишь гражданской службой, в советское время распространилась на всю страну. И хотя табели о рангах больше не существуют, каждый советский гражданин твердо знает свое место в пирамиде.

К примеру, в других странах влияние политического деятеля определяется достигнутыми им успехами, результатами выборов и его популярностью. В Советском Союзе она зависит от того места, которое отводится ему на трибуне во время ежегодных первомайских и ноябрьских парадов, и от места, занимаемого им при перечислении лиц, присутствовавших на том или ином митинге или церемонии. Иностранцы дипломаты на основании этой чисто византийской процедуры научились делать свои выкладки.

Другой особенностью этой иерархической системы является то, что любое понижение в должности, либо соскальзывание в пирамиде сверху вниз окончательно и бесповоротно. Случай повторного возвышения политических деятелей, административных работников, технократов, ученых, писателей и артистов, заскользивших вниз, в Советском Союзе крайне редки. ●

ГОЛЫЙ БОГ

До конца 50-х гг. имя Говарда Фаста знал каждый советский гражданин. Более того, в глазах советских людей он (да еще, пожалуй, Альберт Мальц) был олицетворением «прогрессивной» американской литературы («непрогрессивную» можно было только критиковать, но не читать). Г.Фаст был писателем-коммунистом.

Его романы «Дорога свободы» (1944), «Подвиг Сакко и Ванцетти» (1953), «Сайлес Тимберман» (1953), многочисленные статьи и очерки (особенно «Пикскилл, США») были очень популярны. В 1953 г. Г.Фаст получил Международную Сталинскую премию «за укрепление мира между народами».

В 1957 г. имя Говарда Фаста было вычеркнуто из советских святцев. Под влиянием секретного доклада Н.Хрущева на XX съезде КПСС и собственных наблюдений, накопленных за 13 лет пребывания в компартии, Г.Фаст вернул свой партбилет. В том же году он опубликовал книгу «Голый бог. Писатель и Коммунистическая партия», в которой решительно и навсегда рассчитался со своим прошлым. 30 января 1958 г. «Литгазета» писала о своем прежнем любимце:

«Говард Фаст, картинно, в расчете на шумную рекламу... пишет письма, статьи, целые книги, доказывая, что он был слеп, но прозрел... Он прямо заявляет, что не терпит демократию социалистическую и обожает капиталистическую, он отказывается от революционной борьбы, предпочитая ей, да и то робковато, гомеопатические дозы реформизма, он не доверяет социалистической законности... Он в бешеном экстазе оплевывает бога, которому только что поклонялся... И некому сказать ему при этом: послушайте, Говард Фаст, выпейте бутылку кока-кола... погуляйте по Бродвею... и, приведя нервы хотя бы в относительный порядок, поймите: в области художественного творчества вы человек не без таланта, но до титанов общественной мысли вам далековато... Но до Говарда Фаста... доводы разума дойти не могут... Он никогда сильным логическим мышлением не обладал...»

Мы публикуем отрывки из книги «Голый бог» (The Naked God) в переводе Ф.Лебедева.

Многие американцы убеждены, что коммунистическая партия, Советский Союз и социализм – это различные наименования одного и того же явления. И очень многие из них чрезвычайно удивятся, узнав, что даже в Советском Союзе, где членство в коммунистической партии дает привилегии и власть, всего лишь около восьми с половиной миллионов коммунистов. С другой стороны, многие долголетние члены партии ставят знак равенства между коммунистической партией и социализмом, считая, что без компартии социализм превращается в невыполнимую мечту. Есть и такие, кому кажется, что социализм, сколько-нибудь отличный от советского социализма, вообще существовать не может.

Я не собираюсь разбирать социализма как такового, ни в его теории, ни в его практике. Однако, несмотря на мою твердую уверенность, что все народы земного шара найдут свои пути к социализму, я полагаю, – созданный ими социализм ни в коей степени не будет советским социализмом или похожим на него. В настоящий момент я буду говорить только о коммунистической партии...

Я попытаюсь описать организационную структуру и деятельность коммунистической партии, насколько они мне известны по Соединенным Штатам.

Чтобы иметь ясную картину о том, что представляет собою коммунистическая партия, лучше всего начать ее изучение с фундамента и постепенно подниматься к вершине, ибо партия, фигурально говоря, является монолитным сооружением в форме пирамиды. В рамках своей организационной структуры партия приспособлена к различного рода зигзагам и отличается чрезвычайной гибкостью. Но каковы бы ни были эти зигзаги в зависимости от страны или от периода времени, организационная структура и принципы действия партии, в основном, остаются теми же самыми. Здесь я описываю коммунистическую партию Соединенных Штатов после Второй мировой войны, но я убежден, что подобная же картина в то время наблюдалась и в компартиях других стран.

Фундаментом партии являются *отделения*. Профессиональные антикоммунисты обыкновенно называют их «ячейками» или «первичными парторганизациями», но эти названия только своего рода штампы, ничего не объясняющие по существу. По американской терминологии отделения следовало бы называть «клубами», потому что, строго говоря, они клубами и являются. Их можно приравнять к американским политическим клубам. Они могут быть различной величины, в зависимости от обстоятельств; состав их может колебаться от пяти до ста с лишним членов. Входят в клубы, преимущественно, рядовые члены партии; вожди посещают их очень редко. Организуются клубы для объединения жителей какого-нибудь района, рабочих той или иной фабрики или профессии. Они являются местом встреч, отдыха и одновременно базой для низовой политической работы. Большинство людей, которых эти клубы объединяют, искренне преданы общему делу и относятся к нему с величайшей добросовестностью. Но в них имеется также некоторое количество неудачников, маньяков, а также людей не вполне нормальных. Впрочем, это характерно почти для всех подобных организаций в Америке.

Клубы сосредоточивают свое внимание прежде всего на вопросах и интересах их непосредственного района и часто их работа бывает хорошей и конструктивной. В большинстве случаев они стремятся к удовлетворению нужд и потребностей людей, им известных, и неумолимо борются за удовлетворение этих нужд. Они встречаются на своем пути большие затруднения и очень часто бывают не в состоянии их преодолеть.

Члены таких клубов не являются «профессиональными революционерами», среди них нет ни одного платного партийного чиновника. Их работа, в большинстве случаев, добровольная, в точном смысле этого слова; многие из них, трудясь неумолимо, не только полностью преданы своему делу, но и испытывают, я бы сказал, чувство преклонения перед свягостью и благородством той цели, служению которой себя отдали.

Это нужно осознать, ибо иначе нет смысла дискутировать с коммунистической партией. Возможно, компартия потому именно и представляет собой величайшую загадку нашего времени, что большинство некоммунистического мира смотрит на нее с предубеждением и предвзятым недоброжелательством. Но если бы компартия олицетворяла собою только злое начало, в нее не вступали бы добровольно миллионы честных, порядочных людей. За такую организацию никто бы не боролся и не жертвовал собою. Рядовые коммунисты, в большинстве случаев, являются также и убежденными патриотами, — очень часто это проходит красной нитью во всех их поступках.

Может быть, именно вследствие ярко выраженной преданности делу, рядовой коммунист соглашается на подчинение той железной дисциплине, которая отличает его партию от других и которой мир никогда не видел раньше. Эта дисциплина является тем стержнем, который пронизывает всю монолитную структуру партии и является основой единства мыслей и действий ее членов. Рядовой коммунист судит партию по своему личному к ней отношению; свою личную неподкупность, в продажном зачастую обществе, как и другие свои личные качества, он переносит на организацию. Свое личное самопожертвование нередко заставляет его рассматривать партийных вождей в проекции будущего, а не настоящего; своя собственная интеллигентность, вдумчивость и пронизательность зачастую заставляют его рисовать себе вождей партии, как людей одаренных почти божественной мудростью. Не нужно спекулировать словом «интеллигентность». Если люди принимают ряд предпосылок, их нельзя упрекать в том, что они оперируют необоснованными фактами; их можно упрекать лишь в отсутствии логики, в неумении надлежащим образом использовать свои умственные способности. Другими словами, у них отсутствует критическое отношение к фактам и способность делать из них логические и рациональные выводы. Когда рядовой член партии сравнивает свою честность и идейность с разгулом гонений и клеветы, царствующим в некоммунистическом мире, он приходит к выводу, который несет в себе проклятье и гибель всех фанатиков, — а именно, к уверенности в своей правоте. И чем больше вырастает убеждение в этой

правоте, тем больше логика и разум уступают место религиозному фанатизму. Коммунистическая партия становится для него божьим храмом. И если человек до этого был атеистом, то теперь в нем происходит резкое изменение; он отрекается от старых богов, если они у него были, но начинает поклоняться новому богу и, вместе с этим, подчиняется той железной дисциплине, которая связана со служением этому богу.

Дисциплина в коммунистической партии устанавливается и поддерживается добровольно, но эта добровольность является следствием неумолимого дамоклова меча – угрозы исключения из партии. Без этого, почти мистического, фактора коммунистическая партия не могла бы существовать в своей теперешней форме. До того, как Хрущев сделал свой секретный доклад, исключение из партии было равносильно вечному проклятию. Ваше тело еще живет, но душа уже умерла для вечности. Это убеждение среди членов партии было настолько сильно, настолько широко распространено, что миллионы некоммунистов считали каждого, исключенного из партии, пропащей и проклятой душой, продажным и опасным человеком, которого нельзя больше пускать в приличное общество. Вероятно, никакая религия в истории человечества не пользовалась такой властью проклятия над изгнанными; и никогда изгнанники не верили так искренно и убежденно в неизбежность адских мучений, следующих за изгнанием.

Для искреннего и преданного коммуниста изгнание было почти равносильно смерти, даже хуже. Очень трудно, почти невозможно объяснить непосвященным людям, что значит исключение из партии. Много лет миллионы добропорядочных американцев считали, что человек, изгнанный из коммунистической партии, был или полицейским шпионом, или подлецом. Исключенные становились отверженными не только в глазах членов партии, но и в глазах прогрессивных кругов, во много раз более обширных, чем партия. Такую концепцию умышленно создавали и поддерживали все коммунистические партии, так как она являлась основой партийной дисциплины. Без ритуала изгнания и без соответствующей ему мифологии коммунистическая партия не была бы тем, чем она является ныне. Изгнанный коммунист становится проклятым еретиком. Он должен жить под запретом, как в средние века. Излишне упоминать, что многие из исключенных были виновны лишь в независимом образе мыслей.

Говоря об исключении из партии, я имею в виду не ту его разновидность, которая применяется в России, где исключение, по свидетельству Хрущева, нередко сочетается с пытками и смертью. Я имею в виду исключение из компартии в некоммунистическом мире, где это происходит без применения насилия. Такого рода изгнание не может быть приравнено к отлучению от церкви у католиков, так как церковное отлучение лишает человека спасения души, но не исключает его из общества в этом мире. Исключение же из компартии именно приводит к последнему. В то время, как некоммунисту прощается многое, бывший коммунист, изгнанный из партии, в глазах общества часто становится презираемой, одиозной фигурой. Господин Менкин, человек мудрый и осторожный, сказал мне, что он не может скрыть своего отвращения к бывшим коммунистам, – до такой степени он загнипотизирован теми инсинуациями, которые партия распространяет в отношении исключенных из ее рядов.

Диего Ривера, являющийся, по моему мнению, одним из лучших мексиканских художников, с момента исключения из партии жил под тяжелым гнетом. Он старался делать, что мог, для коммунистов, делал очень много, но все это было ни к чему. Он очень хорошо знал, что его исключение было вызвано личной мезьей, и тем не менее даже его положение – гиганта среди своего народа – не могло рассеять той тени, которую набрасывало на него исключение из партии.

Несколько лучше обстоит дело в случае добровольного выхода из партии. Но даже происходящие сейчас в Советском Союзе и в странах-сателлитах события, о которых в течение последних полутора лет мы получаем многочисленные свидетельства, не смогли повлиять на пересмотр вопроса о выходе из партии. Многие серьезные и испытанные члены партии правильно и хорошо поняли, почему я сделал то,

что сделал. Но лица, стоявшие далеко от партии и только симпатизировавшие ей, осудили меня по тому шаблону, о котором я говорил раньше.

Если даже признать, что существуют вопросы более важные, чем личная свобода, чем защита народа от массового насилия и убийства, чем право народа выбирать свою собственную форму правления – право, которое было отнято у венгров путем голого насилия, – то все же надо сказать, что мои заявления были направлены только против аппарата коммунистической партии. Однако таковы сила и проникающее повсюду влияние партии, что миллионы порядочных людей во всем мире отождествляют партию с социальным прогрессом в его различных формах. В мире так резко и так определенно разделенном на два лагеря – прогресса и реакции, – критика партии не достигает цели, ибо партия выставляет себя защитником прогресса. И тот, кто оставляет партию, не только переходит в противоположный лагерь, но, как это изображает партия, становится в «другом лагере» наиболее отъявленным реакционером.

Если не учитывать психологической силы такого влияния компартии, читатель не сможет получить ясного представления о значении коммунистической дисциплины. Никогда в истории человечества не существовало подобной организации, которая имела бы смелость приписывать себе все достижения прогресса и которая, в то же время, обладала бы таким могуществом в деле уничтожения и разгрома всех, кто осмеливается бросить ей вызов. Эта организация в представлении миллионов отождествляется с надеждами человечества на будущее; и если кто осмеливается сказать, что будущее такого рода – это нечто беспощадное и аморальное, тот в глазах этих людей немедленно становится самым подлым и презираемым существом, становится контрреволюционером.

Так применяется дисциплина в отношении партийных масс, являющихся основой партии.

От основы до вершины партийная пирамида строится следующим образом. Известное число отделений объединяются в *секцию*. Величина секции не ограничена и определяется организационными соображениями – количеством населения в данной местности или районе, числом людей в отдельной отрасли промышленности или торговли, в той или иной профессии. На уровне секции впервые появляются «профессиональные» революционеры – платные партработники. Яркий эпитет – «революционеры» – к ним, впрочем, мало подходит. Даже если эти люди и были когда-то революционерами, то они быстро превращаются в обыкновенных бюрократов.

Руководитель секции называется партийным организатором. Он является штатным партийным работником, находящимся на жаловании, – за исключением тех моментов, когда партия переживает денежный кризис. Но даже и тогда для него находится какое-то вознаграждение. Если секция небольшая и бедная, то она имеет только одного такого партийного чиновника. Если же секция большая и располагает достаточными денежными поступлениями от ее членов, которые обычно дают больше, чем это им позволяют их средства, то добавляется штатный секретарь по оргвопросам, также полностью оплачиваемый, а часто и третий платный партработник, заведующий политпросветработой. Эти партработники – один, два или три, в зависимости от конкретного случая – являются звеном, связывающим партийные организации с вершиной пирамиды. Они руководят секцией и – хотя работают в составе секционного комитета, в который входят представители отделений – их главная задача заключается в том, чтобы доводить до низов партийной пирамиды директивы свыше – столь же точно и плавно, как лифт в хорошем доме. В этом они большие мастера. Они ведут постоянную, неутомимую внутреннюю пропаганду, организуют лекции, занятия, собеседования с членами организации, специальные митинги, раздают литературу, проводят так называемую «кразьяснительную работу». Их толкование текущих событий и партийной линии очень похоже на толкование Священного Писания.

Это – низшее и наиболее активное партийное начальство. Для многих рядовых членов партии оно часто является и единственно известным начальством. Многие из

этих партийных чиновников честные и убежденные члены партии. Они существуют на очень маленькое жалование и не имеют тех привилегий, которыми пользуются стоящие наверху пирамиды. Обычно они находятся в постоянном контакте с партийной массой, – если в их обязанности не входят сношения с некоммунистическим миром. Однако есть среди них и такие, которые почти сразу же превращаются во властолюбивых бюрократов, сеющих семена, созревающие позже. На них со страшной силой давит сознание, что, поскольку они являются чиновниками, их жизнь, судьба и будущее всецело зависит от уровня их положения в партийной пирамиде. За исключением тех редких случаев, когда партначальники удовлетворяются занимаемым положением, – они могут продвигаться лишь вверх и тогда скоро постигают, что им нужно для подобного продвижения. Над ними нет рядовых коммунистов, а только штатные партийные бюрократы. Они выполняют двоякого рода функции – проводят в жизнь директивы, принятые сверху, и представляют в вышестоящие звенья отчеты о происходящем в низовых организациях.

В описываемое мною время в больших индустриальных штатах, где партия имеет довольно большое число членов, – как например, в Нью-Йорке, Пенсильвании и Иллинойсе, – секции были соединены в *районы*, с той же системой партруководства, но в районах этих было, конечно, больше должностей – например, заведующий профработой, заведующий печатью и так далее. Общее руководство сосредоточивалось в руках *областного* начальства, а область состояла из районов и секций. В большинстве случаев область совпадала с территорией штатов. Значение областного руководства зависело от величины и численности организации. В некоторых ведущих областях имелись значительные партийные аппараты с большим числом служащих. Там издавались газеты и брошюры, работали книжные лавки, проводились другие партийные мероприятия. Я думаю, излишне упоминать, что сейчас, когда коммунистическая партия США стала чрезвычайно малочисленной, всего этого уже нет.

Над областными организациями, на вершине пирамиды, находился бюрократический аппарат – *ЦК американской компартии*. Эта партийная верхушка управляла партией через свои областные и низовые организации – официально это имени обширного общенационального комитета партии. Комитет этот, по своей идее, не должен был состоять только из партийных чиновников областного и общенационального ранга, в него должны были входить также руководители профсоюзов и представители культурных слоев общества. Однако на практике он ограничивался кругом платных чиновников. И эти последние, входившие в Центральный Комитет и его представлявшие, далеко не всегда принадлежали к верхушке пирамиды. Центральный Комитет избрал из своей среды свое собственное руководство, которое состояло из секретаря ЦК и *секретариата*, на обязанности которого лежало ведение текущих дел партии.

Но, как в Советском Союзе и других странах, так и в Америке секретарь ЦК партии становился диктатором, господином положения и руководителем всей партийной машины.

* * *

В теории коммунистическая партия демократична, и ее называют наиболее демократической организацией из всех когда-либо существовавших в мире. Она построена по принципу *централизма* – и поэтому характер ее структуры называют с оттенком известной иронии *демократическим централизмом*. Считают также, что центральное руководство Американской компартии выбирается на съезде партии, в котором принимают участие делегаты всех партийных звеньев. Однако, насколько мне известно, выборы членов в Центральный Комитет никогда не производились без рекомендации секретариата ЦК и его первого секретаря. Только однажды, а именно во время последнего партийного съезда, было сделано отступление от этого правила – когда фракция Гейтса вступила в борьбу с фактическим руководством партии. В деле Браудера также действовали посторонние силы. Если даже партию

всецело предоставить самой себе, то орденская спаянность, ритуальность действий и пронизывающая ее железная дисциплина обеспечат избрание тех, кого наметили наверху. В теории секции и области сами могут выбирать или менять свое руководство, но в действительности это производится только по рекомендации и с одобрения верхов. Я знаю несколько случаев, когда центральное руководство назначало секретарей областных комитетов даже без согласования с областным руководством.

Центральный аппарат партии действует через свои комиссии и из своего состава избирает их председателей. Около дюжины оплачиваемых бюрократов, с большим или меньшим весом, работают в отделах бюрократического аппарата, составляющего вершину пирамиды; они назначаются сверху – и места, которые они занимают, и авторитет, и престиж, которыми они пользуются, они получают по милости вождей за свое послушание и ревностное выполнение их заданий. Генеральный секретарь имеет право по своему усмотрению отрешить от должности любого областного руководителя и, конечно, любого руководителя секции. Наличие такой неограниченной власти и применение ее на практике является фактом, хотя такое положение и противоречит конституции партии. Теперешнее руководство партии упорно оспаривает это, но всякий, кто имел опыт в партийных делах, неоднократно сам видел применение на практике этого принципа.

В теории генеральная линия партии по всем главным вопросам определяется путем общих дискуссий, в которых участвуют члены партии. Результаты дискуссий представляются партийному руководству, которое на их основе и строит свою генеральную линию. На этом построено утверждение о наличии в компартии внутрпартийной демократии. На практике, однако, окончательные решения всегда вырабатываются на верхах, до начала дискуссии. Иногда такое решение выносится на заседание Центрального Комитета, иногда принимается секретариатом ЦК, но очень часто принципиальные вопросы решает лично генеральный секретарь, власть которого неограниченна. Он вырабатывает резолюцию и передает ее Центральному Комитету на обсуждение, а тот после дискуссии выносит свою резолюцию, якобы по своему разумению, но в действительности совершенно идентичную с резолюцией генерального секретаря. Весьма возможно, что в прошлом были случаи отступления от этого правила, но во время моего пребывания в партии дело обстояло именно так. После этого резолюцию обыкновенно передают для рассмотрения членам партии и несколько специально отобранных лиц, в большинстве случаев партработники, по данным свыше установкам разворачивают дискуссию в партийной печати. До Гейтса, как известно, партийная печать полностью зависела от воли и каприза генерального секретаря.

Партийные дискуссии обычно ведутся платными партработниками, главная обязанность которых заключается в том, чтобы ликвидировать любую оппозицию – всяческими способами, вплоть до исключения из партии, если это понадобится. И хотя дискуссии могут длиться неделями, они, в сущности, не стоят и выеденного яйца. Результаты дискуссии в конечном итоге *всегда* точно отражают линию, намеченную первоначальной резолюцией, иногда с небольшими формальными изменениями, сделанными для того, чтобы члены партии не чувствовали себя окончательно дураками, которых водят за нос.

Почему же при таком, совершенно ненормальном, положении партийная машина все-таки не разваливается? Прежде всего благодаря мистическому ужасу, который испытывают члены партии перед угрозой исключения из партии и перед сопутствующими этому исключению неприятностями. Во-вторых, благодаря ловкости партийных чиновников, которые прилагают все усилия, чтобы убедить рядовых коммунистов в божественной мудрости и доброте партийных вождей. И, наконец, благодаря вере рядовых коммунистов в то, что партия представляет собой храм добродетелей. Ясно, что в странах, где коммунистическая партия держит власть в своих руках, самым надежным средством для поддержания дисциплины являются пытки и казнь.

В буржуазных партиях «старого типа» также применяются различные тактические ходы, но, благодаря отсутствию в них дисциплины и мистического начала, пар-

тии эти всегда раскалываются, когда возникают противоречия между целями и интересами рядовых членов и вождей. Когда же противоречия особенно обостряются, они обычно приводят к компромиссам и, таким образом, восстанавливается тот демократический дух, который создает внутрипартийную активность. Фалангисты, фашисты и нацисты также создавали партии нового типа, со своей специфической дисциплиной. И хотя не может быть никакого сравнения между этими последними и компартией, самый факт наличия у них подобной дисциплины наводит на серьезные размышления.

Некоторые читатели станут решительно возражать против моей характеристики компартии и будут основывать свои возражения на секретном докладе Хрущева. Но в то время, когда нацистская партия соответствовала духу руководимого ею общества, коммунистическая партия везде, где социализм существует как экономическая система, встречает огромные противоречия между собою и обществом, в котором она существует. Эти противоречия не могут длиться бесконечно и должны быть разрешены. В результате – основные социальные силы в очень короткое время (если время рассматривать в исторической перспективе) начнут действовать против компартии с такой силой и с такой интенсивностью, что она должна будет перестать существовать. Потребности экономического роста и динамика развития социалистической экономики требуют наличия целых поколений образованных людей – ученых, специалистов, художников – людей, назначение которых заключается в оперировании с реальными фактами и в исследовании природы реальных вещей. В числе реальных вещей, с которыми они должны столкнуться, находится и коммунистическая партия. И они, конечно, подойдут к ней как гуманисты, как люди, которые любят радости жизни и ненавидят страх, суеверие и невежество, скрывающиеся в партийной догме.

В конечной стадии определения генеральной линии по тому или иному вопросу – партия требует от своих отделений и средних звеньев, чтобы дискуссия заканчивалась единодушной демонстрацией внутреннего единства. И тут уже маска демократизма цинично сбрасывается и тоталитарная сущность обнажается в ее неприкрашенном виде.

Таким образом, мы рассмотрели и проследили два главных течения, две главные силы, действующих друг против друга внутри партии. Одна из этих сил представляет собою массу рядовых членов, готовых на самопожертвование, преданных делу и загипнотизированных миражем социализма, справедливости и всеобщего братства людей. Влияния партии и внешнего мира толкают партийную массу на путь религиозного служения партии, ограничивают кругозор этой массы, прививают ей сознание собственной правоты. Происходит как бы превращение партийцев в священнодействующих жрецов, партии – в храм, а партийных вождей – в богов. Это не только красочное сравнение, это – совершенно определенный факт. Я сам прошел через подобный процесс и он мне хорошо известен.

В то же время партийное руководство действует в совершенно ином направлении. Партийные руководители являются маленькими божками для членов партии, находящихся под ними, и жрецами-священнослужителями для партийцев, стоящих выше их. Если это люди с совестью, мягкие и честные, как это нередко случается, они никогда не смогут преуспеть в том лихорадочном соревновании, которым сопровождается продвижение на верхи. Лавры пожинает не тот, кто смел, находчив, человечен и одарен воображением, а как раз наоборот. Экзаменом является догма. Критерием – ортодоксальность, методами – непреклонность и жестокость. В добавление к этому необходимо умение держать нос по ветру, умение лавировать во внутрипартийной борьбе, терпение и выдержка, – чтобы во время стать на сторону победителя. Необходимо обладать толстой кожей, наплевать относиться к нуждам людей и быть беззаветно преданным генеральной линии. Самая большая опасность на этом пути – это оказаться неправым, и поскольку правота или неправота связана лишь с генеральной линией, необходимо дипломатично избегать определенных решений и занимать нейтральную позицию, чтобы иметь возможность во мгновение ока переметнуться на другую сторону.

Нельзя не упомянуть о деле Эрла Браудера. Я пришел к заключению, что, за исключением случаев личного соперничества, вожди коммунистической партии сменяются только в том случае, если их пребывание на своем посту угрожает интересам или существованию партии. Всякий, кто пожелает познакомиться с историей внутрипартийной борьбы в Советском Союзе (очень длительная и весьма утомительная работа), увидит, что в каждом случае такой борьбы существование партии в ее сталинской форме находилось под ударом. Когда верховный жрец угрожает храму, его убивают. В основе концепции Браудера лежала необходимость ликвидации партии, и его значение было настолько велико, что он мог сделать начальные шаги для развала партийной организации. Если бы это ему удалось, то в какую бы форму ни вылилась в будущем организация американской компартии, она никогда больше не была бы «новой партией». Письмо Дюкло дало соперникам Браудера возможность сделать то, к чему они стремились: устранить Браудера и восстановить храм и касту жрецов.

Во время недавней внутрипартийной борьбы, о которой я писал, блестящая защита «браудеризма» со стороны рядовых членов партии была наиболее убедительным материалом, полученным в результате дискуссии. Стоявшие тогда во главе партии вожди не щадили сил, чтобы замять появление этого материала и уничтожить его.

Прежде чем мы оставим эту тему, мне кажется интересным и нужным нарисовать типичный портрет партийного вождя, ибо каждый вождь – продукт партии, если партия построена по сталинскому образцу. Именно он забрасывает грязью страницы истории и опошляет радужные мечты человечества. Я видел сотни этих вождей во многих странах. Я наблюдал их деятельность в самой разнообразной обстановке, среди рабочих и домохозяек, среди интеллигентов и специалистов, среди фермеров и молодежи. Я наблюдал их при различных обстоятельствах и наблюдал с особенным вниманием.

Обычно партийный вождь не является выдающейся личностью и о нем нельзя судить по буржуазным меркам. Он холоден по натуре и в обращении. Он не способен подойти к человеку по-дружески, с открытой душой. Он очень осторожен и тщательно обдумывает слова, прежде чем их высказать. В некоторых случаях, по определенному расчету, вождь может и улыбнуться, может, вопреки своему обыкновению, и поболтать немного с лицом, которое его интересует. Но вообще он чувствует себя несколько неловко во время светских разговоров.

Если спрашивают мнения по какому-либо вопросу и интересующийся является более или менее важным лицом, вождь становится в позу и, глядя куда-то вдаль, декламирует одну из тех шаблонных истин, которые у него всегда находятся в запасе. Если вопрос касается чего-либо, не связанного с партийной линией, вождь старается увильнуть от прямого ответа. Если же предмет разговора касается партийной линии, он, точно следуя догме, говорит не обычным нормальным языком, а напыщенными фразами, какими говорят священнослужители.

На собраниях вождь очень осторожно и неизменно говорит последним, за исключением тех случаев, когда присутствует другой вождь, старше его по рангу. В этих случаях, склоняясь перед авторитетом начальства, он выступает предпоследним. Однако, если он ведет игру за власть, он приложит все усилия, чтобы оказаться последним оратором. Так как обычно три четверти жизни вождя проходят на заседаниях и собраниях, он прекрасно понимает тактические преимущества выступления последним. Прежде всего это дает возможность продемонстрировать свои превосходство и беспристрастность. Фактом того, что вождь терпеливо выслушивает всех ораторов, подчеркивается его уверенность в себе. Затем последнее выступление позволяет определить позиции и значение участников дискуссии и их шансы на победу – с тем, чтобы присоединиться к более сильной группе и нанести противной, более слабой стороне сокрушительный удар. Он стремится к тому, чтобы установить критерий «правильности». Это его основная цель – ведь Сталин всегда был прав.

Осторожность вождя проявляется всегда, когда он говорит или пишет. Он боится собственного мнения, как грешник черта. В целях безопасности он не выступает из

рамок высочайше установленных истин и всегда старается подкрепить свою позицию цитатами из Маркса, а еще лучше из Ленина. Во время внутривнутрипартийной борьбы он выжидает, пока его сторонники подготовят атаку, и затем бросает все имеющиеся в его распоряжении средства для нанесения противнику сокрушительного удара. Он всегда стремится обеспечить себе поддержку других, потому что не из тех, кто сражается в одиночку. Речь свою он любит начинать словами: «Как указал товарищ такой-то», зная, что «товарищ такой-то» запомнит это и в свое время окажет ему такую же услугу.

Наиболее выигрышный момент наступает для вождя тогда, когда он чувствует, что может безнаказанно «разделаться» с оппонентом. Это для него настоящее наслаждение. Наступает такой момент обычно тогда, когда, выступая на собрании или митинге, оппонент настолько неумен или честен, что идет против большинства. Однако вождь не обходится с ним «резко» до тех пор, пока не убедится, что тот идет ко дну, что он изолирован и одинок. Быть «резким» иногда опасно. Многие партийные вожди споткнулись, применяя этот прием преждевременно, без учета всех обстоятельств. Обыкновенно вождь выжидает, пока один или два из его сторонников не подготовят почву своими резкими выступлениями. После этого на арену выступает вождь, чтобы нанести последний и решительный удар. Сдерживающих начал больше нет и человек, казавшийся образцом ледяной сдержанности и умеренности, вдруг начинает говорить горячо и страстно. Он выливает на своего противника ушаты презрения, негодования и сарказма. Он становится, действительно, страшным. В тех странах, где вождь представляет собой власть, – его обвинения означают тюрьму или смерть. Он буквально полон святого гнева и сверкает белизной риз. В капиталистических странах он может лишь морально уничтожить своего противника и делает все, от него зависящее, чтобы унижить оппонента, повергнуть его в прах, погубить его карьеру, превратить его в пария. В других случаях партийный вождь будет добиваться от противника покаяния, униженных просьб о прощении или же потребует исключения его из партии.

Все это способствует созданию вокруг вождя ореола всеведения – и, в результате, его жизнь наполнена стремлением придать этому ореолу еще больше блеска. Врожденная узость взглядов ограничивает его кругозор, его умственный багаж граничит с невежеством, он никогда не бывает интеллигентом в подлинном смысле этого слова.

Если бы он обладал подлинной мудростью, он, конечно, презирал бы свои собственные слова. Его марксистская догма не может заменить живой мысли. Но, тем не менее, ореол всеведения является необходимой принадлежностью той роли, которую он должен разыгрывать, карабкаясь на вершину партийной пирамиды.

В запасе у вождя множество трюков, которыми он пользуется с утомительным постоянством. В тех случаях, когда он должен выслушивать рассуждения, лежащие выше его понимания, о которых он не рискует составить собственного мнения – а последнее случается довольно часто, – он предпочитает с «ученым видом знатока» затягиваться трубкой и не говорить ни слова. Когда председатель собрания почтиительно спрашивает, не пожелает ли вождь что-нибудь прибавить к сказанному или суммировать сказанное, он со снисходительной улыбкой отрицательно качает головой. Это должно производить впечатление, что он мудро решил дать возможность другим разобраться вопрос самостоятельно. В то же время это создает ему репутацию демократа, который никогда не навязывает другим своего мнения.

А вот другой тактический прием. Вождь объявляет, что из-за позднего времени он изложит свою точку зрения на следующем собрании. Это не только дает ему отсрочку в несколько дней, чтобы разобратся в обстановке, но и устанавливает за ним репутацию спокойного и терпеливого человека.

Имеются и иные методы. Вот, например, вождь, как хищник, подстерегающий жертву, внимательно вслушивается в речь докладчика, выжидая, когда прорвется какая-нибудь фраза, которую можно истолковать, как возможный «уклон». Ухватившись за нее вождь с остервенением набрасывается на докладчика и придает одиозной фразе такой чудовищный смысл, что все остальное отступает на второй план. Теперь он выступает в качестве неустрашимого защитника чистоты генеральной

линии. Да и не может быть лучшей репутации у партийного вождя, как репутация человека, посвятившего себя защите генеральной линии.

В вопросах искусства и в вопросах специальных вождь встречается с наибольшими трудностями, так как у него отсутствуют необходимая подготовка и знания. Нет у него и чуткости, чтобы правильно судить о литературных или художественных произведениях. Но и в этих случаях у него, опять-таки, имеется несколько надежных и испытанных правил. Во-первых, всегда имеется какой-нибудь советский авторитет, вроде Жданова (если вождь в состоянии разобраться в его запутанной логике). Но даже и без этой помощи партийный руководитель справляется со своей задачей. Внимательно прислушиваясь к прениям и зная приблизительно, насколько высказывания каждой из сторон близки к партийной линии, он всегда может решить, кто из участников спора проявил требуемую партией ортодоксальную узость мышления и идейную выхолощенность. Определив таким образом, кто оказывается «правым», он «присоединяется» (как это принято говорить на партийном жаргоне) к «мнению» соответствующей группы. Он старается при этом создать впечатление, что именно он подсказал правильное мнение, но ни в коем случае не желает, чтобы честь принадлежала ему.

Это стремление к всеведению, красной нитью проходящее через все поступки вождя, убеждает его в том, что он действительно знает все; и даже мысль, что, может быть, он в чем-либо неправ, кажется ему невероятной. Он действует в согласии с ходячим в партии выражением: «Ну-с, товарищи, приступим к самокритике». Он знает, что марксизм является «незаменимым ключом ко всем вопросам».

Вождь выше толпы – слегка. Когда ему делают одолжение или говорят любезности, он считает, что благодарить ниже его достоинства. Это буржуазная привычка. Он представляет собой партию: вопросы о том, кто «берущий» и кто «дающий», относятся к вопросам политического «реализма». К тому же в течение долгих лет вождь потерял привычку к обычным человеческим чувствам: его «внимательность», его «правота», его страх поскользнуться при восхождении к вершине пирамиды, недоверие и подозрительность, которые сопровождают его на пути к власти – все это соединяется воедино – чтобы сделать для него невозможным нормальное общение с людьми. И в их присутствии он чувствует себя натянуто и неловко.

У вождей нет друзей. Он убедил себя, что равенство между людьми несовместимо с «демократическим централизмом». Для того, чтобы иметь друзей, необходимо признать равенство, а это поставило бы под угрозу его авторитет и положение в партии. Кроме этого, есть и другие основания, по которым дружба для него невозможна. Дружба требует разговоров по душам, а разговоры по душам – это роскошь, которую вождь не может себе позволить. Зная, что откровенные разговоры очень опасны – он избегает их. Он может говорить только «по-партийному». Это значит, что все вопросы жизни, каждая обыденная мелочь должна трактоваться с точки зрения догмы, этого своего рода Священного Писания. Это значит, что вождь перестает быть человеком, перестает действовать и реагировать как все другие.

Вождь никогда не бывает «субъективен», так как быть субъективным – это значит реагировать на чувства обиды, на чувства гордости, а проявлять эмоции, с точки зрения партии, является непростительным грехом. Процесс подчинения личности в партии настолько всеобъемлющ и настолько согласован со всей структурой партии, что и вождь, как видим в случае с товарищем Кедровым, неизбежно и всецело подчиняется ему. Даже если он приходит к власти, свое личное «Я» он низводит к минимуму.

Вождь обыкновенно женат, по почти никто из рядовых коммунистов не встречался с бесцветной, серой, утомленной женщиной – его женой. Когда он появляется на торжественных собраниях, устраиваемых партией, когда его приглашают в общество – дипломатическое или другое – как представителя партии, почти неизменно он приходит один. Это входит в круг его партийных обязанностей, а в них он не вмешивает свою жену. В тех редких случаях, когда жена присутствует, она молчит. Она может сказать: «благодарю вас», или кивнуть головой, но не осмелится высказать своего собственного мнения ни по какому вопросу. Для всех ясно, что в «поли-

тическом» отношении она не может быть на одном уровне со своим мужем. Почти наверное никто в партии не знает, есть ли у вождя дети. Об этом обстоятельстве тактично молчат.

В мире, в котором царствует коммунистическая мифология, существует лишь одна область, где вождю разрешается известный «уклон» и проявление чувства юмора – единственная область, в которой партия допускает некоторое «свободомыслие», – это так называемый «женский вопрос». Здесь коммунистическая теория расходится с практикой и вольные шутки не только допускаются, но и поощряются. Это – та область, в которой вождь может проявить свое чувство юмора. Он дает всем понять, что каким бы неумолимым и строгим апостолом будущего он не являлся в принципиальных вопросах, – в своем подходе к женщинам он обыкновенный, старомодный, не любящий новшества человек, готовый повеселиться и провести время по старинке.

Я вспоминаю приезд советской делегации на конференцию, посвященную вопросам мира во всем мире, имевшую место в отеле Валдорф в Нью-Йорке в 1949 г. Всю работу по организации этой конференции несли на себе несколько молодых, неумолимых женщин, которые работали интенсивно, самоотверженно и с большим подъемом. И вот, когда они увидели, что в советской делегации нет ни одной женщины, они возмутились и обратились к писателю Александру Фадееву, который был политическим руководителем делегации. В весьма недвусмысленной форме они потребовали объяснений такого странного отношения к женщинам со стороны социалистического государства, на словах ратующего за разрешение «женского вопроса».

«Но мы разрешили женский вопрос, – ответил Фадеев с усмешкой. – Для нас он больше не представляется вопросом».

Такая же смесь глупости, презрения и нахальства пронизывала все ответы на вопросы о правилах социалистического поведения – на вопросы, которые в течение моего пребывания в партии мы задавали советским представителям. В приведенном выше случае Фадеев действовал, как и подобает партийному вождю, и в его ответе звучали насмешка и презрение. А вот еще характерный факт. Во время заседания литературной секции конференции Мария Маккарти спросила Фадеева, что произошло с рядом советских писателей, имена которых были перечислены. Фадеев не только дал честное слово советского гражданина, что все упомянутые писатели были живы и здоровы, но и, не задумываясь, перечислил их должности и описал характер работы, которой был занят каждый из них. Он рассказал, где они жили, когда он их видел и как они смеялись над «капиталистической клеветой», что их преследуют. Его ответы были так убедительны и изобиловали такими подробностями, что нельзя не отдать должного творческой фантазии, проявленной в этом рассказе гораздо более ярко, чем в его книгах. Как председателю литературной секции, мне, конечно, было неловко, что мисс Маккарти и ее друзья задают такому почтенному и именитому гостю неудобные вопросы. Его убежденность и глубокая искренность казались вне подозрений и, мне думается, не только я, но и мисс Маккарти и ее друзья в какой-то мере были убеждены, что он говорит правду. Так же, как и я, они не могли себе представить, чтобы человек мог так невероятно лгать и уснащать свою ложь такими деталями – в надежде, что ему поверят.

И тем не менее все это от начала до конца была ложь. Об этом я узнал из рассказов польских и русских коммунистов восемь лет спустя. И все те лица, о которых Фадеев говорил так убедительно и с таким знанием подробностей, в то время, когда он говорил, были уже умерщвлены, замучены, расстреляны или находились в тюрьмах, где их пытали и били, и откуда им, как товарищу Кедрову, не суждено было выйти.

И все же Фадеев не был типичным партийным вождем, хотя он и был «начальством» всех советских писателей и членом Центрального Комитета КПСС. Морально опустившийся, с опустошенной душой и исковерканной совестью, загнипнотизированный дьявольским миражем коммунизма, якобы несущим спасение человечеству, он все же оставался писателем, носителем творческого начала, все

еще связанным невидимыми нитями со страданиями и муками человечества. Этого даже партия не могла изменить и, прослушав секретный доклад Хрущева на 20-м съезде КПСС, Фадеев должен был взглянуть в то самое зеркало, отражавшее мрак и ужас действительности, в которое взглянули все мы, продолжавшие связывать себя с человечеством. Увиденное было, видимо, настолько ужасно, что он пьянствовал двенадцать дней подряд. Затем взял револьвер и пустил себе пулю в лоб.

Итак, он умер, и да простит ему Господь или иной высший его Судия. Он не был вождем, он был всего лишь жалким существом, которое судьба поставила в невыносимое для него положение (настоящие вожди не стреляются, их уверенность в своей правоте, подобно броне, не имеет слабых мест).

Так, примерно, выглядит партийный вождь на верхних ступенях коммунистической лестницы. Обычно он мало располагает к себе и мне часто казалось, что он должен быть очень одиноким. В странах, где коммунистическая партия стоит у власти, он пользуется всеми материальными благами. В известной степени ему принадлежит вся страна и вся ее продукция. Ему стоит пошевелить пальцем, чтобы каждое его желание было удовлетворено. В капиталистических и колониальных странах дело обстоит иначе. «Грядущая утопия» все еще по ту сторону горизонта и партийный вождь должен удовлетворяться тем положением «государства в государстве», которое в этих странах занимает коммунистическая партия. И поскольку он может поддерживать дисциплину лишь путем психологического влияния на партийные массы, он вынужден жить скромно и не злоупотреблять своими привилегиями, чтобы не очень выделяться из массы.

В странах, где компартия маленькая и бедная, вождь живет скромно; в странах, где компартия большая и могущественная, он может позволить себе тот комфорт, каким располагают вожди коммунистических государств. Но, независимо от этого, он получает, примерно, такое же моральное удовлетворение, какое испытывают главы государств, обладающие абсолютной властью. Он является высшей судебной инстанцией и от него зависят окончательные решения. Его директивы имеют силу закона и должны выполняться безоговорочно. Он может всячески себя прославлять. Однако для всего сказанного необходим один фактор.

Вождя должна обуревать жажда власти, ибо партийное руководство почти не дает ему каких-либо иных преимуществ. Оплата низкая, привилегии незначительные, опасности большие, борьба очень тяжелая – но размеры власти огромны. И так как власть сама по себе действует опьяняюще и является одновременно и целью, и возбуждающим средством, то нет ничего удивительного в том, что Сталин, по свидетельству его же друзей, был параноиком. Обожествление вождей и сосредоточение в их руках всей полноты власти приводит к тому, что для них власть становится конечной целью и превращает их в параноиков. Эта ненормальная жажда власти может найти удовлетворение лишь на вершине пирамиды, на самом верху коммунистической лестницы. Пусть некоторых такого рода людей называют «великими», мир дорого заплатил за их «величие».

* * *

Меня спрашивали, почему я так долго медлил, прежде чем покинуть партию. Неужели я ничего не знал о том, что в ней происходит? Задававшие эти вопросы представляли все очень упрощенно. Я вступил в партию, исходя, как и многие другие, из предпосылки, что мир, социализм и братство на земле могут наступить только благодаря коммунистической партии. Казалось, что некоторые исторические факты это подтверждали. Вступить в партию дело серьезное, а серьезные люди, раз приняв решение, не могут быстро и легко его менять.

То, что я написал в этой книге, я не мог написать через месяц или через год после вступления в партию. Меня не легко убедить, но и разубедить меня тоже не так-то легко. Потребовались годы для того, чтобы факты, случаи и личный опыт, о большей части которого я расскажу позднее, привели меня к принятому мною решению. И самым важным при этом был тот толчок, который дал секретный

доклад Хрущева. Только при помощи этого толчка, который был дан из самого сердца коммунистической партии СССР, первой по своей величине и месту в мире, отдельные составные части картинка-загадки стали на свои места, составили единое целое. И даже тогда, несмотря на весь мой ужас и гнев, несмотря на все моральные страдания, которые доставил мне доклад, передо мною вставал вопрос – то, о чем сообщалось в докладе, было результатом личных отрицательных качеств или следствием исторически сложившихся организационных форм партии... Потребовались месяцы размышлений, чтения и споров для того, чтобы я пришел к окончательному решению. И потребовались другие месяцы сомнений, прежде чем я был в состоянии сколько-нибудь подробно написать об этом. Мне известно, что до сего времени никем не было сделано подобного анализа. И мне кажется, что такой анализ может иметь крупное значение. Я пишу о тех, кого я любил, и о тех, кого я ненавидел. Я пишу о достойнейших людях, которых я когда-либо знал, и я пишу о ничтожествах, о бюрократах, моральных и физических трусах, об упоенных властью параноиках.

Во время моего пребывания в партии я пользовался репутацией ненадежного человека, плохо поддающегося контролю. Я ничуть не стыжусь такой репутации, ибо это значит, что я живу своим умом-разумом. Двенадцать раз меня хотели исключить из партии и каждый раз мне удавалось опровергнуть возводимые на меня обвинения. Я не хотел быть исключенным из партии – вначале потому, что я верил в нее, а позднее, когда я в нее уже не верил, потому, что я не хотел быть изгнанным теми ничтожествами, которые боялись меня, хотели избавиться от меня и проклинали бы меня после исключения.

Я оставил партию по собственному желанию, потому что я пришел к тем выводам, о которых пишу. Я не разочарован, не подавлен, хотя и прошел через тяжелые испытания нашего времени, – времени, ознаменовавшегося гигантским движением человечества вперед. Несмотря на то, что коммунистическая партия очень хорошо дисциплинирована и в боевой обстановке зачастую ведет себя изумительно, я не думаю, чтобы она имела право приписывать себе как заслугу наблюдаемые нами явления. Социализм, справедливость и братство людей представляют собой неустойчивые силы, они будут расти и развиваться, несмотря на коммунистическую партию и вопреки ей...

Коммунистическая партия с ее догмой, с ее религиозными, псевдомарксистскими прописями, с ее ненавистью к идеям и открытиям, с ее отрицанием творчества и изменчивости явлений, с ее сонмом жрецов, с ее храмами и недалекими, бесталанными богами, – коммунистическая партия не может считаться плодом цивилизации и порождением света, и поэтому – в обстановке всеобщего стремления к восстановлению и сохранению мира – дни ее должны быть сочтены. Члены партии, которые повсеместно тысячами и сотнями тысяч уходят из нее, начинают это понимать. Нельзя отделаться от тех из нас, кто говорит подобным образом, обозвав нас «троцкистами» или «агентами капитализма». Мы будем говорить, и нас будут слушать. Мы будем говорить во всеулышание против всякой организации, которая приказывает людям убивать свой разум. ●

Тим ДЖЕКСОН (Лондон)

ЮЖНОКОРЕЙСКОЕ ЧУДО

Импровизация по ходу действия

«За десять лет, – гласит корейская поговорка, – и горы сдвигаются с места». Деловая, общественная и политическая жизнь Южной Кореи подтверждает справедливость этой поговорки. Сегодня четырнадцатилетние подростки здесь на пять дюймов выше, чем были их сверстники в 1965 г., темпы экономического роста Южной Кореи составляют 10%, и даже когда просто читаешь газеты, темы и настроения в которых меняются буквально каждую неделю, дух захватывает, словно едешь по «американским горкам».

В Южной Корее никто ничего не делает наполовину. Когда компания Hyundai в 1973 г. решила строить корабли, первое, что она сделала, – это построила самую большую в мире верфь. Правда, вскоре ей пришлось организовать и собственную судоходную компанию, так как первые несколько кораблей были возвращены клиентами, которые остались ими недовольны. Сейчас и то, и другое приносит доход. Два года назад правительство решило установить дипломатические отношения со странами Восточной Европы. Сейчас посольства Южной Кореи открыты во всех восточноевропейских столицах, за исключением Тираны.

Вся политическая и экономическая жизнь Южной Кореи проходит под знаком одной гигантской затеи, начало которой было положено в июне 1987 г. господином Ро Дэ У, отставным генералом и близким другом президента Чон Ду Хвана. Чувствуя, что земля горит под ногами и желая спасти если не себя, то свой режим, бывший диктатор решил передать бразды правления генералу Ро. Однако шумевшие на улицах демонстранты не оставляли сомнений в том, что закулисная сделка не пройдет. Ро решил устроить прямые выборы. Разобщенность оппозиции сыграла ему на руку, и в декабре 1987 г. он стал президентом страны.

Сегодня не утихают жаркие споры вокруг произошедших с ним самим перемен. Сторонники президента Ро попытались представить эти перемены как обращение Савла по пути в Дамаск: внезапная вспышка света, озарившая его и превратившая одного из многих корейских генералов-политиков в блистательного демократа. Его противники говорят, что метаморфоза генерала Ро – не более чем циничная попытка спасти собственную шкуру, бросив на произвол судьбы своего старого друга. Так это или нет, не имеет существенного значения, важно другое: в общем и целом, корейцы могут свободно говорить и писать все, что они думают. Три года назад у них такой возможности не было. В общем и целом, корейские рабочие получают зарплату, соответствующую работе, которую они выполняют. Три года назад этого не было. Корея не умерла в судорогах анархии, как того опасались некоторые. И армия не стала предпринимать попытки вернуть себе власть, которую она выпустила из рук в 1987 г. Отнюдь немногие страны, для которых диктатура была недавним прошлым, могут похвастаться такими достижениями.

В январе 1990 г., когда его предшественник удалился в буддийский монастырь, Ро сделал еще один рискованный шаг. Он объединил партию Демократической справедливости Чана с двумя из трех оппозиционных партий Кореи. Девятого мая было объявлено о создании новой объединенной партии, получившей название Демократической либеральной партии. Менее чем через три года после ожесточенной схватки за президентское кресло, Ро удалось достичь согласия с двумя из трех основных оппонентов, которые поддерживали его соперника лидера Партии мира и демократии Ким Тэ Чжуна.

Ро пошел на объединение партий по двум причинам. Во-первых, необходимо было вернуть большинство в парламенте, которое его партия утратила на общих выборах спустя три месяца после его избрания на пост президента. Во-вторых, к концу 1989 г. темпы роста корейской экономики начали замедляться. Огромное положительное saldo, с которым сводился торговый баланс с 1986 по 1989 гг., внезапно испарилось, а затем обратилось в дефицит. Растущие цены начали вызывать недовольство избирателей. Ро нужен был кто-то, кто разделит бы с ним ответственность за происходящее и помог бы ему выработать экономическую политику, приемлемую для широких слоев населения.

В обоих случаях объединение не дало желаемых результатов. Не прошло и нескольких недель с того дня, когда было объявлено об объединении партий, как между Ким Ён Самом, пользовавшимся наибольшим влиянием лидером бывшей оппозиции, и Пак Чол Оном, одним из самых близких президенту членов кабинета министров, возникли разногласия. Ро решил отстранить Пака от должности ради сохранения единства партийной коалиции. Вне самой партии объединение также оказалось не слишком популярной мерой: недавно проведенный опрос показал, что новая партия пользуется поддержкой лишь 14% избирателей; для сравнения, Ро во время выборов на пост президента добился поддержки 38% избирателей.

Что касается экономики, то правительство пребывает в еще большем замешательстве и еще меньше знает, что, собственно, надо делать. Все министры, возглавлявшие экономические ведомства, были отправлены в отставку и заменены новыми, которые заявили, что приложат больше усилий для увеличения экспорта. Добиться существенных сдвигов им так и не удалось. Но отступать уже поздно. Ро сделал выбор, и он должен следовать ему до истечения срока президентства в 1993 г. Такова же участь и Ким Ён Сама. Ким вызвал недовольство своих сторонников, когда присоединился к правящей партии. В конце концов, его платформа на президентских выборах в 1987 г. и на выборах в парламент в 1988 г. основывалась на утверждении, что команда Ро – это группа военных, стремящихся к установлению диктатуры. Чтобы убедить избирателей, что на самом деле правительство Ро отказалось лишь от деспотических замашек, а вовсе не от своих принципов, требовалось изрядное ораторское искусство, которым Ким не владел. Сейчас он должен стоять на своем до конца и надеяться, что ему удастся, работая в правительстве, восстановить свою репутацию к следующим президентским выборам.

Политика водоворота

Двадцать лет назад американский дипломат Грегори Хендерсон в своей книге, посвященной корейской политике, утверждал, что главный ее недостаток заключается в отсутствии у тех, кто руководит страной из Сеула, достаточно широкой поддержки. Как правило, они плохо правили страной из-за существовавшей практики, когда постоянно набирались новые советники, затем они отстранялись и опять приходили новые люди. Он назвал это «водоворотом». Военная диктатура была той чрезвычайной мерой, которая казалась бы должна была положить конец «водовороту власти».

До некоторой степени водоворот этот существует и по сей день. Ро не удалось объединить страну под своим руководством, когда одна лишь его партия находилась у власти. Сейчас он пытается достичь той же цели другими средствами, хотя объединение партий не последний его козырь. В запасе у него остается возможность внесения изменений в существующую конституцию, которые, возможно, будут сводиться к передаче большей власти премьер-министру и кабинету. Пока он еще не обнаружил своих намерений.

Удастся ли Ро Дэ У реализовать свои замыслы? Главное препятствие – политическое местничество, которое сильно затрудняет управление страной.

Большинство корейских президентов были родом из провинции Кяонгсан. Лидером крупнейшей оппозиционной партии, которая не вошла в состав объединенной партии, является самый известный корейский диссидент Ким Дэ Юн. Ким родом из провинции Чолла, одного из беднейших сельских районов Кореи. Жители Чоллы обожают его; большинство остальных корейцев испытывают к нему отвращение. У него мало шансов стать президентом. Он, как Моисей, который вывел свой народ из Египта, но так и не может привести его в Землю Обетованную. Ясно, что пока на ведущие роли в Сеуле будут претендовать лидеры местного значения, – а это будет до тех пор, пока люди из разных районов страны будут чувствовать, что они не имеют своих представителей в столице, – вряд ли возникнут какие-либо политические группировки, стоящие на осмысленной общенациональной платформе.

Время работает на Ро. Корея может пережить еще несколько лет неопределенности, прежде чем она придет к политическому устройству нового типа. Но для этого нужно сделать очень много. Экономическая политика, предсказуемость которой была самой сильной стороной старой Кореи во времена правления военных, сбилась с пути. Ей снова нужно стать более единой. В области внешней торговли необходимо озаботиться проблемой ее сбалансированности: Корея в большей степени, чем какая-либо другая страна, зависит от того, как ее товары продаются за границей, и, следовательно, особенно уязвима с точки зрения протекционизма на иностранных рынках. Внутри самой Кореи существующая налоговая система, дискриминирующая беднейшие слои населения, затрудняет успешное проведение сельскохозяйственной политики.

По вполне понятным причинам президенту Ро трудно справиться сразу со всеми возникающими проблемами. Он предпочел не ломать над ними голову и позволил своему правительству плыть по течению. Тем не менее корейцы уже считают дни до декабря 1992 г., когда будут избраны и новый парламент, и преемник Ро. Одно можно сказать со всей определенностью: точно так же, как сегодняшняя Южная Корея сильно отличается от Кореи 1987 г., так и Корея 1993 г. будет мало похожа на сегодняшнюю Южную Корею. Превосходный уровень образования, длинный рабочий день и быстро растущая производительность труда позволили южнокорейцам добиться очень многого. Еще лет тридцать назад страна, которая сейчас богаче Португалии, жила в нищете. Если средние доходы населения будут расти теми же темпами, что и раньше, то в течение следующих десяти лет она догонит Грецию, Испанию и Ирландию, а еще через десять лет доходы граждан Кореи будут сравнимы с аналогичными показателями для любой европейской страны. Правительство уже ведет переговоры с Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объединяющую главные индустриальные страны, об условиях вступления.

Однако суждено ли сбыться этим головокружительным планам зависит от частного сектора. И неважно как будут работать рабочие, кто и как будет править страной, именно частные компании и их менеджеры определяют будущее Южной Кореи. Готовы ли они к борьбе?

Лучше быть хорошим, чем большим

Сравнивая деловой мир Кореи с деловым миром Гонконга, Сингапура, Тайваня легко заметить одно существенное отличие: концентрацию экономики. В то время, как недавно ставшие индустриальными страны (НСИС) развивались за счет малых и средних компаний, Южная Корея избрала иной путь. Экономическая власть в стране была сосредоточена в меньшем числе рук, и ее нынешние успехи – это триумф не мальков предпринимательства, а нескольких акул большого бизнеса. Десять корейских фирм дают половину всего экспорта страны! И это отнюдь не благодаря случайному стечению обстоятельств. Предпоследний корейский военный диктатор Пак Чон Хи в начале шестидеся-

тых пришел к выводу, что, оказав помощь нескольким компаниям, выделив им из государственной казны кредиты и субсидии на строго определенные цели, он сразу же сделает страну богатой. В обмен он просил не так уж и мало: эти несколько компаний должны были делать то, что от них ждет правительство. Иногда они получали задания, касающиеся экспорта продукции, иногда им даже указывали, что следует производить. После убийства Пака в 1979 г. чиновники продолжали следовать его политике вплоть до 1988 г. Экономисты до сих пор спорят, пришел ли к Корею головокружительный успех благодаря или вопреки проводившейся политике. Однако есть две вещи, от которых никуда не денешься.

Во-первых, в деловом мире Кореи сейчас оперируют несколько больших групп, так называемых «чаебол», соизмеримых по размерам со своими главными конкурентами в Японии, Америке и Европе. Наиболее известны из них четыре: Hyundai, Lucky-Goldstar, Samsung и Daewoo.

Во-вторых, по мере того, как укрепляются позиции чаеболов за границей, падает их популярность у себя на родине. Конечно же, никто не может отрицать, что большие фирмы и их основатели пользуются уважением. Тем не менее многие корейцы считают, что право правительства распоряжаться жизнью и смертью большого бизнеса способствует возникновению коррупции. Как говорят многие радикально настроенные корейцы, можно привести бесконечное число примеров, когда отношения между правительством и миром большого бизнеса становились чересчур уж теплыми. Когда президенту Ро с апреля 1988 г. по май 1990 пришлось столкнуться с парламентским большинством, все это недовольство вырвалось наружу. Правительство, находясь в замешательстве, с трудом могло что-нибудь этому противопоставить. В действительности же, оно присоединилось к гневным протестам оппозиционных парламентариев, обвинив большой бизнес в том, что он, спекулируя землей, взвинчивает цены на жилье и поощряет «избыточное потребление», импортируя дорогие товары. Правительство уже заявляло о принятых мерах, способствующих развитию малого и среднего бизнеса.

Не взирая на всю эту риторику, Корея по-прежнему твердо привержена большому бизнесу. Во многих отраслях промышленности, в которых отечественная экономика наиболее конкурентоспособна, – текстильная промышленность, судостроение, сталелитейная промышленность – большие размеры компаний как раз и являются важным преимуществом. Еще большее значение данный фактор имеет в таких областях, как производство полупроводников, космические программы и производство средств телекоммуникаций. В этих отраслях большой размер компании является настолько важным преимуществом, что многие европейские, американские и японские фирмы мало-помалу начинают заключать «стратегические союзы» с иностранными конкурентами. Корейские компании должны по-прежнему оставаться такими мамонтами хотя бы для того, чтобы выжить.

Поступь левиафанов

В последние два года именно гигантским фирмам был нанесен ряд чувствительных ударов. Удвоились затраты на выплату заработной платы, так как рабочие требовали повышения зарплаты в качестве вознаграждения за колоссальное увеличение производительности труда. Покупательная способность вона по отношению к доллару, даже после нескольких девальваций, остается на 11% выше, чем в 1987 г. Протекционизм в Европе и Америке стал чем-то большим, чем просто угрозой. В 1988 г. в США был принят жесткий закон о торговле, а Европейская комиссия предоставила своим членам широкие полномочия, позволяющие заставлять иностранные фирмы платить «антидемпинговые» пошлины на экспорт в свои страны. Зарубежные партнеры, ранее почти даром передававшие технологии корейским фирмам, стали более осторожными.

С каждой из этих трудностей в отдельности можно было бы справиться. Когда же все это свалилось на голову одновременно, кризис оказался неизбежным. Раньше корейские фирмы, используя свое преимущество в размерах и низкой стоимости рабочей силы, могли продавать товары среднего качества по низким ценам, но получать при этом солидные прибыли. Теперь это в прошлом. Чтобы двигаться вперед, им необходимо добиться высокой эффективности управления, то есть быть не просто большими, но и хорошо организованными.

Что же представляют собой компании-гиганты? Как и японские компании, они имеют строгую иерархическую структуру, включающую в себя множество «каджанов» (начальников отделов) и «буджанов» (менеджеров, осуществляющих общее руководство), каждый из которых требует, чтобы его величали соответствующим титулом и кланялись бы ему настолько низко, насколько того требует его сан. Так же, как и японскими компаниями, им во многом присущ дух «коллективизма»: часто рабочие носят форму компании, поют гимн компании, живут в рабочих поселках, построенных компанией. На этом сходство кончается. В отличие от японских фирм, корейские компании все еще достаточно молоды, чтобы руководство ими могло осуществляться строго сверху вниз. Здесь не известна японская система «немаваши» – принятие решений путем достижения общего согласия. Скорее наоборот, важные решения принимаются обычно хозяином компании.

Сопоставив в общих чертах сильные и слабые стороны южнокорейских компаний-гигантов, можно нарисовать следующую картину.

Слабые стороны:

1. *Бюрократия.* В отличие от производственных предприятий, офисы корейских компаний отличаются неэффективностью и избытком персонала. Многие часы служащие проводят на рабочих местах, но значительная часть рабочего времени уходит у них на бессмысленные совещания или в ожидании, когда второстепенные решения будут утверждены где-то наверху.

2. *Недостаточная сосредоточенность.* Чтобы застраховаться на случай, если правительство вдруг решит закрыть им доступ к новым отраслям производства, а также отчасти чтобы потешить тщеславие основателя, многие чаеболы, очертя голову, устремились в самые разные сферы бизнеса, не задаваясь вопросом, зачем им это нужно.

3. *Низкий творческий потенциал.* Корейские фирмы редко выходили на рынок с продукцией, в которой были бы заложены действительно новые идеи. Часто они просто «заимствуют» хорошие идеи у иностранных компаний: будь то какая-нибудь эмблема, или полупроводниковая схема, или технологический процесс. Тем, кто засиделся на старте, необходимо тратить много времени на исследования и разработки, однако многие корейские фирмы все еще уделяют этому слишком мало внимания. Существующая в корпорациях практика зачастую губит творческий потенциал ее служащих.

Сильные стороны:

1. *Люди.* Несмотря на то, что в последнее время корейские рабочие начали бастовать и требовать повышения зарплаты, они все еще стоят тех денег, что им платят. Они широко образованы, хорошо обучены и трудолюбивы.

2. *Упорство.* Как и рабочие, корейские менеджеры упорно добиваются успеха и не сдаются без боя.

3. *Проворность.* Хотя компании-гиганты медлят по мелочам, но когда речь заходит о чем-то существенном, они мгновенно реагируют. Они не боятся рисковать. Решение Samsung выйти на рынок полупроводников со своим собственным чипом незадолго до того, как в 1984 г. эту отрасль производства поразил глубокий кризис, ошеломило конкурентов. Но компания за восемнадцать месяцев вложила в свое новое предприятие 150 миллионов долларов и вышла победителем.

4. *Финансовая сила.* Имея в своем распоряжении объединенные авуары фирм, входящих в группу, и невразумительные балансовые счета, компа-

нии-гиганты могут покрыть потери в тех или иных производствах за счет других успешных подразделений. И хотя они по-прежнему очень зависят от мировых рынков, у чаebolов есть еще и собственные большие карманы.

Samsung приходит на помощь

Одна компания – группа Samsung – похоже, серьезно вырвалась вперед. Трудовые отношения в компании лучше, чем в остальных, в частности, и из-за того, что заработки ее служащих выше, чем в других компаниях. У Samsung хороший финансовый баланс, так как в конце восьмидесятых годов в области электроники, где компания специализируется, дела шли лучше, чем в области тяжелой индустрии, от которой больше зависят Hyundai и Daewoo. В компании работает группа талантливых менеджеров, что явилось результатом открытых конкурсов при приеме на работу. В то же время некоторые другие группы не знают, куда им деваться от тупиц из рода основателя компании.

Два года назад, сразу после пятидесятилетнего юбилея, умер основатель группы Samsung, и бразды правления принял его сын Ли Кун Хи. Ли ясно представлял себе проблемы, с которыми фирме придется столкнуться в будущем. Он сказал своим служащим, чтобы они забыли о больших прибылях, а вместо этого представили бы себе, что компания переживает кризис. Менеджеры приняли слова шефа на веру и по сути совершили переворот во всей деятельности фирмы. Прежде всего они сократили расходы. Технологические линии стали короче и начали работать с большей скоростью. Используя то преимущество, что большинство рабочих в сфере легкой промышленности женщины, которые трудятся лишь по нескольку лет, компания безболезненно сократила количество рабочих мест там, где это считала нужным. Она сэкономила деньги, сократив материально-производственные запасы. Так на одном заводе компании запас комплектующих деталей в прошлом рассчитывался на шесть недель работы. Теперь запас этих же деталей накапливается из расчета на час работы. На заводах компании стали повсеместно внедряться системы оперативного управления. Это сократило время, затрачиваемое каждым рабочим на простой. Один из заводов Samsung в нынешнем году планирует сократить расходы на 10% и увеличить производительность на 30%.

Что еще более существенно, Samsung старается отделаться от репутации производителя дешевой продукции среднего качества. Компания намеревается создать такие марки высококлассной продукции, которые отличались бы высоким качеством, новаторскими техническими решениями и могли бы занять достойное место на мировом рынке.

Добиться этого не так-то просто. Сначала была проведена «лобовая атака» на качество. На всех заводах Samsung, на которых мне пришлось побывать, всегда обращали внимание на качественные показатели технологических линий. Вдалбливая рабочим в голову, что качество – это важно, менеджеры завода фирмы в Суврне, который выпускает микроволновые печи и удовлетворяет почти пятую часть мирового спроса, сократила за первые шесть месяцев 1990 г. процент брака с шести до двух. Иногда технологические линии заменяются целиком. В июне Samsung Aerospace выпустил в продажу новый сверхминиатюрный фотоаппарат с автоматической фокусировкой, который стоит на внутреннем рынке 375 долларов и является наиболее совершенной моделью после модели, выпускаемой в Японии фирмой Konica. Чтобы производить тридцать тысяч фотоаппаратов в месяц, компания сворачивает производство других, более дешевых моделей. Такую же картину можно наблюдать на заводе в Качуне, который является самым крупным в мире производителем кинескопов для цветных телевизоров. Нынешним летом завод закрывается на два месяца на техпереворужение, чтобы наладить

выпуск двадцатидевятидюймовых экранов, приносящих значительно большую прибыль, чем двадцатидюймовые экраны, что стояли на конвейере в прошлом.

Чтобы получать высокие прибыли, фирма должна продавать большую часть своих товаров, выступая не как субподрядчик какой-нибудь более известной фирмы, вроде Sony, а пользуясь торговыми марками Samsung. Компания начинает понимать, что ей необходимо добиться большей известности. Отделение бытовой электроники планирует увеличить расходы на рекламу с 46 до 70 миллионов долларов. Причем, предусмотрен один необычный проект: название Samsung будет стоять на всех тележках для багажа во всех аэропортах мира. «В результате этих усилий, – говорит Чан Дам, заведующий отделом международного маркетинга товаров бытовой электроники, – более чем половина всей продукции Samsung будет продаваться в нынешнем году под собственным названием компании».

Одновременно меняются и методы управления. Президентам компаний, входящим в группу, предоставляется все больше самостоятельности. «В руках президента корпорации, – говорит Лим Дон Сун, глава исследовательского института компании, – сейчас осталась десятая часть той власти, которая была у его отца». Рабочие на конвейере больше посвящаются в дела компании. Впечатление таково, что фирма Samsung постоянно проводит кампании за увеличение чего-либо: плакаты оповещают о «плане победы на фронте микроволновых технологий» (ППМТ) или о намеченном «прыжке-90». Изменения, происходящие на Samsung, затрагивают и белые воротнички. Во время одной из кампаний прозвучали призывы не терять зря время на совещаниях. Перед началом любого совещания на Samsung, человек, его проводящий, должен сообщить участникам, какова цель совещания, сколько времени оно займет и во сколько обойдется каждый час этого совещания.

Однако многое остается по-старому. Мало сделано для внедрения гибких технологий, с помощью которых на одной и той же технологической линии можно изготавливать различные модификации того или иного изделия. Японские же компании, напротив, стараются добиться этого, ибо прекрасно знают, что гибкие технологии значительно уменьшают производственные расходы и позволяют быстро реагировать на запросы потребителей.

Как и все корейское общество в целом, Samsung основан на строгой иерархии. Талантливые менеджеры среднего звена жалуются, что тупицы-начальники не дают хода их лучшим идеям. У иностранцев глаза вылезают на лоб, когда они наблюдают стиль отношений старших и младших. Во время интервью один из руководителей Samsung покачал пустой пачкой сигарет; его коллега (заместитель генерального менеджера) выскочил из комнаты и вернулся с новой пачкой, считая это, видимо, своим долгом. Во время другой беседы с менеджером Samsung пришел чистильщик обуви. Менеджер продолжал говорить, а чистильщик обуви снял с него ботинки и надел чистую пару.

Более существенно то, что Samsung по-прежнему остается группой, состоящей из 27 компаний, которые объединены лишь тем, что принадлежат одному владельцу. «Наши компании, производящие сахар и текстиль, занимают первые места по производительности труда, по масштабам исследований и разработок и по объему сбыта продукции, – говорит Ли, – в нынешнем году они принесли большую прибыль. Так зачем их продавать?» Более того, Samsung по-прежнему ищет новые сферы деятельности. Компания надеется проникнуть в автомобилестроительную индустрию, невзирая на то, что в стране уже существуют три конкурирующие между собой автомобильные компании. Она уже добилась некоторых успехов в авиационно-космической промышленности, выручив в прошлом году сто миллионов долларов в основном за счет сборки двигателей, производства запасных частей и технического обслуживания. Компания надеется реализовать проект создания южнокорейского истребителя, чтобы укрепить свои позиции и в этой отрасли.

Необратимые перемены произошли и с самой компанией. Ее стало больше заботить положение на международном рынке, и в качестве главного конкурента теперь уже рассматривается не отечественная Lucky-Goldstar, а американские и японские фирмы. И если заводы компании и напоминают японские, то благодаря тому, что и здесь, и там неустанно проводится политика, которая сводится к необходимости постоянно добиваться каких-то побед. «В прошлом году мы были готовы поднять производительность труда, чтобы остаться на плаву, даже если бы курс вона вырос до шестисот за доллар, – говорит Вон Ин Ки, директор завода по производству телевизионных трубок, – но с тех пор он понизился. Поэтому мы стали бороться за качество». Говорить о Samsung как о самой многообещающей корейской компании можно уже хотя бы потому, что стремление повысить стандарты исходит изнутри самой компании. Но компания не заблуждается относительно своей собственной риторики и не воспринимает ее всерьез. Она знает, что и вон, и заработная плата неизбежно будут расти; и все что понадобится сделать, чтобы остаться конкурентоспособной, будет сделано.

Конечно, не все компании одинаковы. Многим необходимо, чтобы правительство заставляло их повышать качество, инвестировать средства в производство, шире использовать новые технологии и совершенствовать систему управления. Три года назад ни у кого не возникало и тени сомнения, что правительство способно оказывать на компании давление. Сейчас, говорят бизнесмены, такой уверенности нет.

Все для тихой жизни

В декабре 1988 г. президент Ро произвел необычайное назначение на пост заместителя премьер-министра и председателя Совета экономического планирования. Он остановил свой выбор на известном экономисте, профессоре Чо Суне, который в течение двадцати лет преподавал в самом престижном в стране высшем учебном заведении – Сеульском национальном университете. Половина всех занимающих ныне высшие посты политиков и чиновников учились у него экономике. Чо вступил в должность главного экономиста страны, когда для Кореи наступили прекрасные времена.

Через год после того, как его теории начали проверяться на практике, Чо был бесцеремонно выпроважен в отставку вместе со своей командой экономистов. Сейчас он выступает как частный консультант. Чо слишком высокомерен, чтобы говорить о временах, когда он был у власти. Но в частных беседах с ним, можно составить ясное представление о том, как изменился характер работы по выработке экономической политики. «До 1987 г. правительство было подчинено авторитарной системе, где президент страны имел почти абсолютную власть. Так как лично президент оказывал поддержку Совету экономического планирования, то возглавлявший его заместитель премьер-министра серьезно влиял на правительство, непосредственно руководил подчиненными ему министрами. Да и задачи тогда стояли более или менее простые: ускорить, насколько возможно, экономический рост; максимально увеличить объем экспорта в шестидесятые годы, а в семидесятые – стабилизировать цены. Все было направлено на достижение именно этих ясных и понятных всем целей. Средства тоже были более или менее простыми: непосредственное управление. Хотя конкретные меры, – такие, как установление процентных ставок или размеров зарплаты, – вызывали массу всевозможных деформаций, тем не менее в распоряжении правительства находились мощные средства воздействия на экономику. Во многих отношениях, особенно в том, что касалось финансовой политики, экономика Кореи того времени была командной».

Когда авторитарному режиму в 1987 г. пришел конец – все изменилось. Чо понял, что теперь ему нужно быть больше политиком, чем экономистом.

Во-первых, заместитель премьер-министра уже не мог более рассчитывать на сильную поддержку президента. Ему пришлось иметь дело с парламентом, где большинство мест принадлежит оппозиции, и который мог потребовать от него или его подчиненных отчитываться о проводимой политике. К тому же неоднозначным стало само понятие успех. Высокие темпы роста экспорта уже нельзя стало выдавать за большое достижение. Нужно было научиться жонглировать сразу несколькими предметами: удовлетворять требования рабочих и фермеров, развивать службы социального обеспечения, заботиться об охране окружающей среды. Да и сама работа стала требовать большего напряжения сил, а имеющиеся в распоряжении средства – менее эффективными. И уж тем более не мог заместитель премьер-министра с помощью нескольких телефонных звонков руководителям компаний проводить в жизнь свою микрополитику. Ему пришлось теперь прибегать к не столь однозначным и менее надежным макрометрам, которые хорошо знакомы министрам финансов в индустриальных странах. Как бы там ни было, ясно одно – переход от командной экономики, о которой говорит Чо, к экономике, где правительство отводит рынку большую роль, вызывает ряд трудностей политического характера.

Одна из причин кроется в том, что общественность так и не знает, что правительство может делать, а что – нет. В прошлом году на первых страницах газет пестрели заголовки типа: «Президент дал указание министрам остановить рост цен на жилье». С тем же успехом он мог запретить волнам биться о берег. Отставка Чо была вызвана не уменьшением объема экспорта и ухудшением платежного баланса, а тем, что его коллеги-министры и правящая партия посчитали, что он мог бы сделать больше для предотвращения такого развития событий. Вместе с тем достижения Чо весьма существенны: он добился плавного повышения курса вона и постепенного открытия корейских рынков для импорта. Это привело к увеличению внутреннего потребления, к уменьшению роли экспорта и большим ассигнованиям на социальные нужды. Но незначительный экономический спад (объем экспорта сократился лишь на 7% по отношению к 1989 г., начались забастовки, активность фондовой биржи понизилась и появились признаки инфляции), вместе с угрожающим ростом цен на землю, ускорили его отставку.

В марте была назначена новая команда, которой было поручено добиться экономического роста путем увеличения экспорта и жесткой экономии внутри страны. Лидер этой группы министр торговли и промышленности Пак Пил Су всю жизнь проработал в государственном аппарате, где занимался проблемами экспорта. «Мой курс, – говорит Пак, – увеличить экспорт, чему мой предшественник оказывал противодействие. В этом вся разница». Новая команда быстро продвинулась по намеченному пути. Первое, что она сделала, – отказалась от проведения финансовой реформы, которая запрещала бы вкладчикам использовать псевдонимы, как они могут это делать сейчас. Затем Пак начал понижать курс вона, заявляя, что падение курса иены по отношению к доллару в этом году привело бы к тому, что Корея оказалась неспособной конкурировать с Японией. «По имеющейся в моем распоряжении информации, – говорит Пак, – лишь 720 вон за доллар – вот тот курс, при котором корейские компании еще могут быть конкурентоспособными». Да и правительство в этом году более жестко подходило к решению трудовых конфликтов, чем в прошлом. Оно также повысило цены на внутреннем рынке на иностранные автомобили, используя существующее правило, по которому корейцы обязаны делать компенсирующие «инвестиции» в правительственные облигации на строительство метро. При продаже иностранных машин компания должна делать большие инвестиции, чем при продаже отечественных марок, и эта сумма сейчас выше, чем когда бы то ни было. И еще правительство рекомендует налоговой службе заняться людьми, которые покупают дорогие импортные товары. «Большинство тех, кого можно считать имущими, – говорит Пак, – нажили свое состояние путем незаконных сделок,

спекулируя, например, землей или домами. Поэтому налоговой службе очень важно узнать, кто тратит свои деньги на большие машины, показывая в то же время ограниченные доходы».

Кроме того, стали раздаваться голоса, что правительство оказывает прямое давление на импортеров, с целью вынудить их прекратить поставки на корейский рынок «предметов роскоши». Члены Европейского сообщества отнеслись к этим заявлениям достаточно серьезно, и в июне их послы получили указание потребовать у Пак Пил Су объяснений. Пак все отрицал, утверждая, что к подобному давлению прибегали отдельные группы граждан, а отнюдь не правительство. Некоторые наблюдатели опасаются, что правительство пытается вернуться к своей прежней политике вмешательства не в свои дела. Ку Бон Ян, один из экономических советников президента, отрицает и это: различия между старой и новой командами явно преувеличены, говорит он.

Фетиш активного сальдо

Причиной нынешних проблем является серьезный политический просчет, допущенный четыре года назад. Так как производительность труда корейских рабочих в первой половине восьмидесятых годов росла значительно быстрее, чем их зарплата, к 1986 г. стало ясно, что курс вона занижен. Однако правительство, которое по вполне понятным причинам жаждало стряхнуть с себя груз хронического дефицита торгового баланса, решило не допустить повышения курса вона. Цена вона осталась прежней, и в следующие четыре года было зарегистрировано колоссальное положительное сальдо.

Поначалу все шло вроде бы нормально. Экономический бум продолжался, темпы роста экономики между 1986 и 1988 гг. составляли ежегодно 12,5%. Автомобили фирмы Hyundai произвели сенсацию в Америке, отчасти из-за низкого курса вона, отчасти из-за введения ограничений на поставку японских автомобилей, которые и составляли основную конкуренцию машинам Hyundai. Для других фирм оказался чрезвычайно приятен воздух Индии, где они получали большие прибыли, из которых и были выплачены служащим компаний прибавки к зарплате в 1988 и 1989 гг. В конце концов из-за наличия лишних денег в этой системе начали расти цены на внутреннем рынке. Несмотря на попытки правительства снизить цены и заставить большие компании покупать правительственные облигации, с бешеной скоростью стала расти цена на землю – один из немногих товаров, цены на которые правительство не могло контролировать. В результате рост корейской экономики достиг 9%, что само по себе достаточно впечатляющий показатель, но остались не решенными две проблемы: инфляция, по официальным данным составляющая около 8% (но может быть она и вдвое больше), и вероятность возникновения дефицита торгового баланса. Эти проблемы правительство пытается решить с помощью прямого вмешательства, которое по его мнению, быстро приведет к желаемому результату. Но в том-то и фокус, что вмешательство правительства уже само по себе становится частью проблемы, которую ему же и надо решить.

Возьмем, например, рынок жилья. Из-за миграции в столицу цены на жилье постоянно повышались. Но вмешательство правительства лишь усложнило работу рынка жилья. Во-первых, правительство поощряло корпорации, что ограничило возможность получения кредитов на покупку дома частными лицами. Выдавалось явно недостаточно ссуд под закладные и практически невозможно было получить сумму, которая покрывала бы больше 20% стоимости дома или квартиры. Тем самым создавалась совершенно идиотская система, вынуждающая человека вместо того, чтобы спокойно вносить квартплату, давать хозяину кругленькую сумму, которая называется «чонсей» и достигает двух третей стоимости квартиры. Эту сумму хозяин дома может

использовать по своему усмотрению, пока жилец не соберется съезжать. Когда квартира освобождается, бывший жилец получает чонсей (или его часть) обратно.

Во-вторых, пытаюсь обеспечить дешевым жильем бедные слои населения, правительство само построило дома и распродало их с громадной скидкой. Результаты можно было предсказать заранее: самым бедным так и не удалось собрать достаточно денег, чтобы купить себе жилье даже по сниженным ценам. С другой стороны, люди со средним достатком покупают государственные квартиры, а затем перепродают их, но уже по рыночным ценам.

В-третьих, до ноября прошлого года правительство пыталось непосредственно контролировать цены на жилье, установив предельную розничную цену на квадратный метр жилплощади в новых домах. Чтобы не лишиться прибыли, строители стали избегать мест, где земля стоит дорого, например, в центре Сеула, а строили только там, где можно было подыскать участки подешевле. Они также предпочли строить большие дома, при строительстве которых каждый квадратный метр жилой площади обходится дешевле. В результате возник искусственный дефицит жилья нормальной площади в местах, где люди действительно хотели жить, и взлетели цены на уже построенные дома (которые не попадали под действие правительственных ограничений). С конца прошлого года правительство позволило немного поднять минимальные цены. Но по сути система осталась неизменной.

Как и многие другие деформации подобного рода, политика в области жилищного строительства породила политическое лобби, извлекающее из сложившейся ситуации определенную выгоду. Когда в прошлом году министр строительства предложил ослабить контроль над ценами на дома и квартиры, вопли протестующих домовладельцев заставили президента отправить его в отставку. Ю Е Хьун, президент Ханссемовского института проблем жилищного строительства, независимой исследовательской организации, полагает, что необходимо проведение более радикальной реформы. Он предлагает правительству предпринять следующие шаги:

1. Дождавшись, когда спадет сегодняшний бум, упразднить контроль над ценами.

2. Облегчить получение ссуд под закладные и легализовать «серый» рынок кредитов на приобретение жилья.

3. Увеличить плотность застройки 78% земли, которая отведена под индивидуальное строительство.

4. Приобрести небольшую часть зеленой зоны вокруг Сеула, где-то около 10%, для строительства новых домов.

Провести эти реформы, как и подобные им в других областях экономики, сложно потому, что они идут вразрез со сложившейся практикой правительственного вмешательства, которое в течение более тридцати лет оставалось частью корейской экономической жизни. Бюрократы, естественно, не горят желанием менять механизмы, которые хорошо работали в прошлом. Но все же остается надежда, что какие-то изменения произойдут. «Самое трудное для тех, кто сейчас формирует экономическую политику, – говорит Лоуренс Крауз, профессор Калифорнийского университета в Сан-Диего, специализирующийся на проблемах Кореи, – забыть все, чему они научились в прошлом». Сторонние наблюдатели, такие как Всемирный банк, все с большей настойчивостью советуют корейскому правительству не прибегать слишком часто к микроэкономическому вмешательству.

Однако прежде, чем нынешняя команда экономистов сможет приступить к реформам, ей необходимо четко определить, какой макрополитике она будет следовать. В то время, как инфляция растет, а спрос на внутреннем рынке все еще непомерно велик, правительство уже неоднократно давало понять деловому миру, что оно не будет возражать против понижения курса вон. Ревальвация вон имеет только один недостаток. Более сильный вон увели-

чит дефицит, – именно этого нынешняя команда экономистов хочет избежать любой ценой. Но стоит ли проявлять такую осторожность?

Эй там, в Европе!

Конкурентам корейцев в Европе и Америке может показаться, что те проявляют сверхактивность в поисках покупателей за границей. Но ситуация отнюдь не всегда была таковой. Большую часть своей истории, до начала шестидесятих годов, Корея не проявляла особого желания иметь дело с иностранцами. За ней укрепилась репутация «царства отшельников», и не только потому, что Корея старалась держаться подалеже от иностранцев, но из-за последовательно проводимой политики, направленной на сокрытие своих истинных возможностей. Эта изоляционистская традиция нашла свое продолжение в Северной Корее. С другой стороны, в течение последних трех десятилетий Южная Корея твердо ориентировалась в своей экономической политике на внешние рынки, и в результате заняла десятое место в мире по объему товарооборота. Положение, которое Южная Корея занимает на мировом рынке, никак не соответствует тому, что можно было ожидать от страны с населением в 42 миллиона человек, территорией в сто тысяч квадратных километров и располагающей вдобавок весьма скромными природными ресурсами. Экономика Южной Кореи в огромной степени зависит от торговли. На долю торговли приходится 66% национального дохода, что является одним из самых высоких показателей для новых индустриальных стран, за исключением городов-государств Гонконга и Сингапура.

В ориентации на внешний рынок одновременно и сила, и слабость Кореи. Холодный душ международной конкуренции оказал тонизирующее воздействие и стимулировал бурный экономический рост страны. В то же время существующая конкуренция поставила Южную Корею в большую, чем любую другую страну, зависимость от остального мира. Южной Корее приходилось не только продавать свои товары за рубеж; она взяла очень большие займы у других стран. С 1965 г. до начала восьмидесятих Южная Корея имела хронический дефицит торгового баланса и колоссальные внешние долги. Правительство очень хорошо понимало, что если американская экономика чихнет, то Южной Корее обеспечен жестокий насморк. Зная это, легко понять, почему министры были вне себя от счастья, когда с апреля 1986 г. сальдо по текущим счетам снова стало положительным – и почему им так не хочется делать что-нибудь такое, что могло бы вновь привести к возникновению дефицита. Положительное сальдо, говорили они, дает ниспосланную небом возможность погасить все внешние задолженности. Но было еще нечто, кроме просто меркантильного расчета, что заставило их занять такую позицию; положительное сальдо в Южной Корее уже само по себе считается доказательством ее силы. Ранее высказывалось мнение, что сохранение положительного сальдо по текущим расчетам в течение четырех лет, принесло Корее больше вреда, чем пользы. Но последствия этого ощущались не только внутри страны. Сохранение положительного сальдо крайне раздражало торговых партнеров Кореи.

В период между 1986 и 1989 гг. Америка, Европа и Япония стали придерживаться более жесткой линии в отношении корейского экспорта. Америка, опираясь на принятые в 1988 г. изменения в торговом законодательстве, потребовала от Кореи сделать свои рынки более открытыми, угрожая лишить ее статуса страны, пользующейся «режимом наибольшего благоприятствования». При подстрекательстве со стороны воинственно настроенных деловых кругов, Европейская комиссия также начала более активно использовать свои антидемпинговые правила против электроники, импортируемой из Кореи. И Япония, в свою очередь, высекла Корею теми самыми розгами, которыми ее саму секли не раз: она установила квоты по «добровольному

ограничению». Токио вынудил корейских экспортеров трикотажа подписать «добровольное» соглашение со своими японскими коллегами, ограничивающее количество свитеров, которое они будут поставлять на другой берег Японского моря.

Правительство, пытаясь подойти к решению возникших конфликтов сразу с двух сторон, только ухудшило положение. Испытывая давление со стороны американцев, оно приняло новый закон о защите интеллектуальной собственности, имеющей обратную силу и, таким образом, защищающий интересы американских компаний, – но только их, и более ничьих. Естественно, эта вопиющая дискриминация и нарушение принципа одинаковых условий для всех, вызвали у Европейской комиссии приступ бешеной ярости.

В прошлом году картина начала меняться. Более высокие зарплаты, более сильный вон, спад на американском автомобильном рынке и усиливающаяся конкуренция со стороны японской иены, замедлили рост корейского экспорта. В то же время, либеральный режим торговли внутри страны дал возможность увеличить объем импорта товаров. В результате в этом году в Корее, видимо, будет зафиксирован умеренный дефицит торгового баланса: по данным Института развития Кореи, который является официальным мозговым центром правительства, дефицит будет равен двум миллиардам долларов. «Это не катастрофа, – говорит Ю Юн Хо, главный специалист института по проблемам торговли, – хотя очень многие считают, что это именно так».

Но существуют причины и для оптимизма. Как уже говорилось ранее, за нынешним замедлением темпов роста экспорта кроется происходящая сейчас в больших корейских компаниях революция. Ныне они делают все, чтобы повысить эффективность управления, сократить дистанцию между потребителем и производителем, как можно более автоматизировать производственные процессы и больше обращать внимания на качество своих товаров. Эта революция, как и подобные структурные изменения, которые происходили в Японии в 1986–88 гг., когда обменный курс иены повысился почти на 100%, не может не вызвать, хотя бы и на короткое время, каких-то отрицательных последствий. Пример компании Samsung показывает, что все это неизбежно.

Если попытаться заглянуть в отдаленное будущее, то можно увидеть, что грядут перемены, которые заставят авторов нынешней экономической политики Кореи спать спокойно. Во-первых, по мере того, как страна будет становиться богаче, уменьшится и ее зависимость от экспорта. С ростом доходов будут увеличиваться затраты на личное потребление. Сегодняшний хаос на рынке жилья и в трудовых отношениях между администрацией и профсоюзами объясняется стремлением к повышению уровня жизни. Корейцы хотят больше тратить на автомобили, дома, телефоны и стиральные машины, и всякую прочую ерунду, ради чего их коллеги в Европе и Америке ходят на работу.

Это можно было заметить еще в прошлом году, глядя на возбужденные толпы в универмагах и на возникающие на дорогах пробки, сплошь состоящие из новых автомобилей, которые уже начали становиться доступными и людям со средними доходами. Корейские фирмы, производящие автомобили, обнаружили, что все возрастающий спрос на внутреннем рынке может почти полностью компенсировать неудачи, постигшие их за границей. В течение следующих десяти лет в стране сформируется рынок и для товаров других компаний, продукция которых раньше шла только на экспорт.

И важно не только то, что внешняя торговля займет более скромное место в корейской экономике. Существеннее, что структура самой внешней торговли может значительно измениться. Нынешняя структура экспорта и импорта имеет несколько извращенный характер. Корея слишком сильно зависит от американских потребителей, что вовсе неудивительно, учитывая тесные военные и политические связи, которые существуют между двумя странами с пятидесятых годов. Она также слишком сильно зависит от поставок из Японии различных вспомогательных материалов и комплектующих изделий.

Территориальная близость и хорошее обслуживание дали японским компаниям преимущество, и именно они стали продавать корейским компаниям детали и оборудование. Что же касается Европы, то как-то повелось, что корейцы мало знают о ней. Несмотря на то, что экономика Европейского сообщества столь же хорошо развита, как и американская, лишь 12% экспорта Кореи было отправлено в Европу, а 33% экспортной продукции пересекло Тихий океан и попало в Америку. Такое же положение и с корейским импортом из Европы. В результате сейчас у Кореи умеренный дефицит торгового баланса с Европой, большой дефицит торгового баланса с Японией и активное сальдо торгового баланса с Америкой. Отнюдь не самая удачная комбинация. Более того, это обстоятельство заставляет сторонников протекционизма в Америке утверждать, что Корея является всего лишь перевалочным пунктом для японской продукции по пути из Нагои в Нью-Джерси. В равной мере это вызывает напряженность в отношениях с Японией. И это же ставит корейские компании в очень незавидное положение аутсайдеров на финише 1992 г., когда Европейское сообщество должно объединиться в единый рынок.

Как ни печально, но вряд ли найдется какой-нибудь способ быстро решить возникающие проблемы. Правительство уже предпринимает попытки сократить активное сальдо в торговле с Америкой, побуждая импортеров говядины вести дела не с Австралией, а с Техасом, и сократить дефицит баланса с Японией, убеждая фирмы развивать производство необходимых деталей у себя в стране. Но доллар не стал более сильным, а иена – более слабой, что могло бы облегчить задачи, стоящие перед правительством: наоборот, американские товары стали еще дороже, а японские – дешевле. Но все же в сгустившихся тучах виден просвет.

Внешняя политика, ориентированная на налаживание связей с прежде враждебными коммунистическими странами, которую проводит президент Ро, отсутствует перед корейскими фирмами определенные перспективы. В прошлом отсутствие дипломатических отношений не позволяло вести дела непосредственно с самими этими странами. Товары приходилось отправлять по морю через Гонконг или Японию; даже письма и телефонные разговоры шли через третьи страны.

Сейчас корейские фирмы уже добрались до востока Европы, и у них хорошие шансы на успех. Экспорт Кореи сюда включает в себя самые разнообразные товары – от ботинок и текстиля до телевизоров и от факсов до компьютеров, – спрос на которые в Восточной Европе будет, видимо, очень быстро расти в девяностые годы. Конечно, корейским компаниям приходится начинать почти с нуля. Очень немногие из служащих говорят на каких-нибудь других европейских языках, кроме английского.

Многие наиболее серьезные и ответственные менеджеры из крупнейших компаний страны с большой осторожностью высказываются о перспективах, открывающихся в Советском Союзе и Восточной Европе. «Как и всякие бизнесмены, – говорит Чун Чай Кван, член правления Hyundai, ответственный за работу со странами Восточной Европы, – мы хотим продавать свою продукцию всюду, где есть рынок. Но одного желания мало. Нам необходимо заранее изучить рынок. Нам не так хорошо известен этот регион, как скажем, австрийцам или немцам, для которых Восточная Европа всегда была задним двором их собственного дома. В общем, прикладывая такие же усилия, как мы или японцы, немцы и австрийцы добиваются большего». Но у корейских фирм есть ряд преимуществ перед европейцами. Во-первых, очень важную роль играет тот факт, что чаebolы занимаются самым разнообразным бизнесом: у них больше возможностей, чем у какой-нибудь средней американской или европейской компании, вести бартерную торговлю, взимая плату пиломатериалами, металлоломом или автобусами. А это верный подход к делу, ибо русские и восточноевропейцы не знают, как иначе они могут расплатиться за импорт. В третьих, корейцы могут быстро увеличивать

количество выпускаемой продукции. Опыт, приобретенный в других регионах, научил их, как вести дела на рынках, объем которых ежегодно увеличивается в два раза. Таким образом, если Корею удастся проникнуть в страны экс-коммунистического блока, это в значительной мере сбалансирует ее торговлю.

Но до этого времени надо еще дожить. А перед политиками и чиновниками стоят проблемы, которые нужно решать немедленно. Одна из них – постоянно возрастающее давление, оказываемое на Корею с целью вынудить ее увеличить импорт продуктов питания. «Нам не остается ничего другого, как открыть рынки, – говорит Ли Хон Ку, помощник президента Ро по особым поручениям, – вопрос только в том, как с наименьшими издержками урегулировать данную проблему».

Тот, кто отстал

Четыре часа езды отделяют тоннели и небоскребы Сеула от расположенной на южной оконечности полуострова провинции Южная Чолла, родины корейских поэтов, художников и возмутителей общественного спокойствия. Южная Чолла – сельский район. Однако открывающаяся глазам картина отнюдь не столь идиллична, как рисовые поля и тростниковые хижинки Филиппин или Бирмы. Здесь можно увидеть и небольшую кустарную фабрику, и огромный сталеплавильный завод. Ко многим фермам ведут асфальтированные дороги, почти в каждом доме есть телефон, электричество, телевизор. По сравнению с тружениками сельского хозяйства в других странах Азии, корейские фермеры могут считаться богатеями. Тем не менее город и деревню разделяет пропасть.

Для корейских земледельцев важнее всего прокормить самих себя. После освобождения от японской оккупации в 1945 г. в стране была проведена земельная реформа, по которой все рисовые поля были разделены на участки, урожая с которых хватало на одну или две семьи. С тех пор больших изменений не произошло: в среднем, размер фермы не превышает одного гектара, а если у фермера есть три коровы, то считается, что он сильно преуспел в животноводстве. Между тем, все остальное в стране изменилось. Индустриализация поставила сельское хозяйство в неравное положение с промышленностью. По сравнению с заводами и фабриками, энергично выпускающими ботинки, корабли и сверкающую электронику, крестьянские фермы чудовищно неэффективны.

Не трудно себе представить, к чему приведет разрыв между деревней и городом. Хотя и корейские фермеры становятся богаче – чистый доход ферм увеличился в четыре раза за период с 1979 г. по 1988 – их благосостояние растет медленнее, чем у тех, кто работает на фабриках. И это имеет большое значение. В течение прошедших тридцати лет миграция из деревни в город не прекращалась, но поток переселенцев резко возрос в восьмидесятые годы. Сейчас ежегодно 500 тысяч человек покидают свои родные места в деревне. Сельское население, составлявшее после Второй мировой войны 70% от общего числа жителей, сократилось до 20% в 1980 г. и до 16% в 1988. Старшим сыновьям, исполняющим свой сыновний долг, оставаясь на семейной ферме, с каждым годом становится все труднее и труднее найти себе жену. Средний возраст корейцев, занятых в области сельского хозяйства, ежегодно увеличивается почти на год.

Но в чашу упала еще одна горькая капля: либерализация рынка сельскохозяйственной продукции. Огромное положительное сальдо во внешней торговле привело к усилению давления на Корею, с целью вынудить ее открыть свои рынки для импорта сельскохозяйственной продукции. Пока правительство не пошло на уступки в том, что касается основной культуры – риса, который приносит фермерам более половины дохода от продажи урожая.

Ввоз риса полностью запрещен. Кроме того, правительство очень ограничило импорт мяса. Что касается других сельхозпродуктов – фруктов, зерна, хлопка и кормов для скота, то здесь корейские фермеры все чаще сталкиваются с конкуренцией иностранных компаний.

В результате, утверждает Чюй Йон Су, член Ассоциации фермеров-католиков, умонастроения фермеров изменились. «Когда в шестидесятые годы наша Ассоциация только создавалась, мы ставили себе целью содействовать повышению эффективности сельскохозяйственного производства, уровня образования фермеров и так далее. Но в конце семидесятых мы пришли к выводу, что одного этого недостаточно. Мы изменили тактику и стали требовать установления контроля над ценами. Мы настроены более воинственно. Сейчас мы решительно идем на конфронтацию с правительством». Эта тенденция проявилась в феврале 1989 г., когда 10 тысяч фермеров приехали на автобусах в Сеул и устроили демонстрацию у здания Национальной Ассамблеи. Шествие фермеров проходило в атмосфере озлобленности и закончилось уличными боями между фермерами и полицией. Тогда-то и был принят закон, ограничивающий возможность проведения подобных демонстраций. Инцидент больше не повторился. Но зато в Корее появилось то, чего не было раньше. Хорошо организованная и по-боевому настроенная Ассоциация фермеров решительно защищает их интересы и грозит прибегнуть к самым крайним формам протеста, если ее требования не будут выполнены.

В тупике

Итак, правительство оказалось в тупике. С одной стороны, фермеры жалуются, что предоставленная им помощь недостаточна, с другой – остальным корейцам приходится платить за продукты довольно большие деньги. Рис в Корее стоит в четыре раза дороже, чем в остальном мире. Говядина, потребление которой выросло в восемь раз по сравнению с 1980 г., – постная и продается по непомерно высоким ценам. Молоко дороже, чем в Европе, а бананы – вообще роскошь, и стоят они по доллару за штуку.

До сих пор правительственная политика в области развития деревни была сосредоточена на двух направлениях. Во-первых, было признано необходимым строить новые фабрики в сельских районах, которые бы поглощали избыток рабочей силы на селе. Выказывалась точка зрения, что эта попытка обречена на провал: слишком велика притягательная сила Сеула, где расположены 80% всех университетов страны, центральное правительство, и где бурлит жизнь большого города.

Во-вторых, чтобы сделать корейских фермеров конкурентоспособными, предлагалось внедрять новые технологии и увеличить размеры ферм. «Это всего лишь розовые мечты, – говорит Ким Хьюн Мон, профессор экономики сельского хозяйства Сунчeonского национального университета, – на самом деле, в обозримом будущем, корейские фермеры не смогут стать конкурентоспособными ни при каких условиях». Производство такой дорогостоящей сельскохозяйственной продукции, как свежие овощи или цветы, быстро растет. У тех, кто занимается выращиванием риса, не столь безоблачное будущее. Никто из политических деятелей Кореи не осмеливается сказать вслух, что лучшим решением было бы предоставление фермерам такой помощи, которая позволила бы им достойно уйти со сцены. По подсчетам Института развития Кореи, в 2000 г. лишь 10% корейцев продолжают заниматься сельским хозяйством!

Однако существует препятствие, мешающее предоставить помощь фермерам в нужном объеме. Это препятствие – отсутствие достаточного количества денег в государственной казне из-за устаревшей системы налогов. Пересмотр системы налогообложения позволил бы направлять больше средств на развитие фермерских хозяйств, отказаться от повышения цен на

продовольствие и, наконец, это воспрепятствовало бы дальнейшему росту неравенства в корейском обществе.

Дать богатым, украсть у бедных

Несмотря на то, что корейские бюрократы имеют обыкновение вмешиваться не в свои дела, все-таки Корея – страна с маленьким правительством. Налоговые изъятия составляют здесь лишь 18% валового национального продукта, то есть чуть более половины от среднего показателя для индустриальных стран. Это неплохо. К тому же на содержание правительства тратятся вполне скромные суммы, ибо 28% бюджета расходуется на оборону.

Доходные статьи пополняются в основном за счет непрямых налогов – налогов на расходы населения, а не на его доходы. Прямые налоги на личные доходы составляют только два из тех 18% валового национального продукта, которые остаются у сборщиков налогов. Остальные шестнадцать – это выплаты компаний, десятипроцентный налог на добавочную стоимость, введенный в 1977 г., а также суммы, получаемые из некоторых других источников.

В результате, по словам Квак Ти Вона, профессора экономики Сеульского городского университета, налоговая система Кореи строго регрессивна (то есть в процентном отношении с бедных взимаются большие суммы, чем с богатых). Это объясняется тем, что заработная плата достаточно эффективно обложена налогом, и 40% самодеятельного населения платит подоходный налог. С другой стороны, доходы, получаемые от владения различными видами недвижимости – такими как земля, дома, акции, – налогом до недавнего времени не облагались. Большинство корейцев, покупающих акции на фондовой бирже, скрывали свои настоящие имена, пользуясь псевдонимами. До последнего времени налоги на недвижимое имущество были очень небольшими. До 1985 г. все это не имело существенного значения. Цены на землю и обыкновенные акции были невелики и поднимались достаточно медленно. Но как только сальдо торгового баланса стало положительным, произошел скачок цен. Сейчас цены на акции, несмотря на резкое понижение в 1990 г., все равно в пять раз выше, чем в 1985 г. Цены на дома более чем утроились. Люди, которые до 1985 г. вложили деньги в дома или землю (40% семей) или акции (около 20%), очень быстро разбогатели. Те, кто этого не сделал, остались ни с чем. В результате произошло перераспределение национального богатства. Трудно сказать насколько увеличилось неравенство, но Всемирный банк сейчас готовит доклад, в котором, вероятно, будут сделаны довольно точные оценки.

Вполне возможно, что у корейцев нет особых причин концентрировать внимание на громадной разнице между их уровнем жизни и уровнем жизни их соседей. В конце концов, за тридцать лет абсолютные доходы всего населения сильно возросли – и в результате даже те, кто считается в Южной Корее бедным, значительно богаче, чем их северокорейские собратья. Но все же разрыв между обездоленными и богатыми многих беспокоит. Неравенство стало одним из основных предметов политических споров. «У нас не та политическая система, – говорит Ли Хон Ку, помощник президента по особым поручениям, – когда люди будут мириться с большим разрывом в уровне благосостояния, как это могло бы быть в других странах».

В самом начале правительство Ро предприняло ряд шагов, чтобы уменьшить социальное неравенство. Оно выработало национальную программу пенсионного обеспечения и расширило систему общественного медицинского страхования. В конце 1989 г. были сделаны первые шаги в направлении реформы системы налогов обеспечения. Предварительные меры, получившие название «общественной концепции земли», на самом деле означали введение налога на доходы от прироста капитала, а также прямые ограничения на размер участков земли, которые могут находиться в частной собственности.

Пойдет ли правительство дальше? Пока что оснований для оптимизма не очень-то много. В апреле 1990 г. новая команда экономистов отказалась от проведения реформы, которая вынудила бы тех, кто вкладывает капитал в фондовую биржу, пользоваться своими собственными именами. Это решение можно интерпретировать так, что правительство – всего лишь игрушка в руках богатых. Но можно понять его и по-другому: Ро вспугнул сразу дюжину зайцев, и решил сначала догнать того, что пожирнее. Отсюда и пугающая разница между тем, как мало за два года сделано внутри страны, и сколь многого удалось добиться за границей.

Цветы для диктатуры Ким Ир Сена

Президент Ро Дэ У – счастливый человек. И Чон Ду Хван, и Пак Чан Хи (его предшественники на посту президента) пробовали свои силы во внешней политике. Но обстоятельства складывались не в их пользу. Правда, Паку удалось в 1965 г. нормализовать дипломатические отношения с Японией, но десятью годами позже он поссорился с Джимми Картером, когда тот решил вывести войска из Южной Кореи. Ро повезло – к нему сразу пришла хорошая карта. Он занял пост президента страны в феврале 1988 г., и смог сразу записать в свой актив очко за летние Олимпийские игры. Более того, Олимпийские игры стали большой дипломатической удачей; несмотря на противодействие Северной Кореи, на игры приехали почти все участники – в том числе и многие старинные враги, с которыми у Южной Кореи никогда не было дипломатических отношений. И Ро удалось очень расчетливо разыграть эти карты. Всего лишь через два года после прихода к власти, он уже:

1. *Установил прочные отношения с союзниками.* Хотя Америка и Япония поддерживали Южную Корею, отношения с этими двумя странами в течение предыдущих двадцати лет были довольно неустойчивыми. Целенаправленно занимаясь решением проблемы, правительство Ро сумело снять напряженность с Америкой из-за неравноправной торговли и начать искать пути решения очень непростого конфликта, связанного с притеснениями корейского меньшинства в Японии.

2. *Установил контроль со странами Восточной Европы.* До прихода Ро к власти восточноевропейские сателлиты СССР единодушно избегали контактов с Южной Кореей. Сеть недавно открывшихся по всей Восточной Европе посольств Кореи стала результатом хорошо продуманных предложений в области экономического сотрудничества.

3. *Добился улучшения отношений с Советским Союзом и Китаем.* После состоявшейся в июле в Сан-Франциско встречи с Михаилом Горбачевым, о которой так много говорили, Ро объявил, что две страны в будущем установят дипломатические отношения. Южная Корея уже ведет осторожные переговоры с Китаем, который также долгое время выступал на стороне Северной Кореи.

Многие корейцы с большим скептицизмом относятся к результатам внешнеполитической деятельности Ро. «Ро пошел на слишком большие уступки в области экономики на переговорах с Горбачевым, – говорит один из политических оппонентов президента, – мы могли бы подождать, пока положение Советского Союза еще больше ухудшится».

Существенно, однако, что хождения Ро в Восточной Европе и Америке сказались на отношениях с коммунистическим режимом по ту сторону демилитаризованной зоны, всего в полчасе езды на Север. Самое важное при этом – его встреча с Горбачевым.

Добиться потепления атмосферы на полуострове было чрезвычайно трудно из-за того, что очень давно и очень четко сформировались две противоборствующие силы: Америка, Япония и Южная Корея с одной стороны, Северная Корея, Китай и Советский Союз – с другой. И хотя Северная Корея попыталась в своих интересах стравить Советский Союз и Китай, именно

СССР, а не Китай, давал Северной Корее деньги и поставлял оружие. Встреча Ро и Горбачева положила всему этому конец. Согласившись на встречу с самым заклятым врагом Северной Кореи, Горбачев совершенно недвусмысленно дал понять, что Пхеньяну больше не следует рассчитывать на финансовую и военную поддержку своей агрессивной политики по отношению к Сеулу. Если Северная Корея не хочет добиваться ослабления напряженности, то тогда ей придется выбирать: либо остаться в полной изоляции, либо более тесно сотрудничать с Китаем.

Южная Корея не намерена остановиться на достигнутом. Она пытается улучшить отношения и с Китаем, в надежде, что удастся убедить его не использовать свое право вето в Совете безопасности всякий раз, когда Сеул подает заявление о приеме в ООН. И хотя груз идеологии по-прежнему давит на плечи, Китай мог бы пойти на это: ведь его оборот торговли с Южной Кореей в шесть раз больше, чем с Северной, и он хотел бы его увеличить. Понимая, что Пекин колеблется, Ро назначил Хьюн Хон Чу, входившего ранее в состав кабинета министров и возглавлявшего избирательную кампанию нынешнего президента, руководителем корейской миссии в Организации Объединенных Наций. Если столь значительная фигура в корейской политике была направлена в Нью-Йорк, это лишний раз подтверждает, что вопрос может быть вскоре решен.

Только в одной области президенту Ро не удалось добиться заметных успехов: в прямых переговорах между Северной и Южной Кореей. В течение двух лет переговоры то начинались, то прерывались. Служащие южнокорейского совета по объединению составили великое множество нот и предложений. Надежды то появлялись, то исчезали, но воз и ныне не сдвинулся с места.

Отчасти вина за теперешнее состояние дел ложится и на Южную Корею. При всем, что говорит Ро, а он назвал северокорейцев «нашими братьями, а не нашими врагами», его правительство продолжает широко применять репрессивный закон об охране национальной безопасности, который запрещает южнокорейцам посещать без специального разрешения Северную Корею, с похвалой отзываться о ее системе и в некоторых случаях даже встречаться с северокорейцами в третьих странах. В 1989 г. два южнокорейца – студентка одного из колледжей и семидесятилетний священник – были приговорены к длительным срокам тюремного заключения за то, что они побывали в Северной Корее и говорили хорошие слова в адрес Ким Ир Сена. Но основным препятствием на пути к прогрессу является сама Северная Корея. Год за годом она предлагает начать переговоры, а затем отказывается от участия в них, под тем предлогом, что Южная Корея продолжает проводить совместно с Соединенными Штатами ежегодные военные учения. Начнутся ли когда-нибудь переговоры всерьез? Известный политик Ли Хон Ку говорит по этому поводу: «Северная Корея представляет собой наиболее успешную тоталитарную систему во всей истории человечества. Она значительно более успешна, чем Третий рейх или сталинская Россия. Один из критериев успеха – стабильность: Ким Ир Сен собственноручно управляет этой системой на протяжении уже более чем четырех столетий. Другой – экономика: как и все авторитарные системы, она оказалась потрясающе эффективной. Но в точности те же элементы, что сделали ее столь успешной, не дают ей возможности хоть как-нибудь измениться. А это уже чисто теоретический вопрос: может ли тоталитарная система вступить на путь реформ по собственной воле?»

Ответа не знает никто. Перед глазами у Северной Кореи опыт трех стран. Во-первых, Советского Союза, где реформы подобны лавине, несущейся вниз с горы, и остановить их на полдороге практически невозможно. Другой пример – Китай, где тем, кто стоит сейчас у власти, удалось восстановить твердый контроль ценой бояни на площади Тяньаньмень. В-третьих, это Румыния, чей диктатор Николае Чаушеску попытался воспротивиться проведению каких бы то ни было реформ и поплатился за это жизнью.

Переворот неизбежен?

Никто не знает, что случится с Северной Кореей через несколько лет. Застой в экономике создает определенные предпосылки для возможных изменений. Еще в конце шестидесятых годов Север отказался от мысли конкурировать на равных с Югом, и с тех пор здесь было опубликовано очень мало экономических сводок. Известно, что валовой национальный продукт на душу населения в Северной Корее составляет сейчас где-то от четверти до трети от 5 тысяч долларов, приходящихся на душу населения на Юге. Киму уже почти 80 лет, и он стремится, чтобы его преемником стал его сын, Ким Чен Ир, – что, по мнению зарубежных аналитиков, уже привело к ожесточенной борьбе за власть. Пока папа Ким жив, а он может умереть и на следующей неделе и через десять лет, в стране вряд ли произойдут сколько-нибудь существенные изменения. Однако после его смерти, события могут начать разворачиваться с такой же стремительностью, как это было в Германии. «До прошлого года, – говорит Ли, – те из нас, кто говорит о необходимости быть готовыми к такому повороту событий, не встречали большого понимания. Сейчас правительство разрабатывает различные планы на этот случай».

Идея о воссоединении Кореи должна заставить серьезно задуматься бизнесменов и политиков за рубежом. Обладая населением почти в 65 миллионов человек и третьей по уровню развития экономикой на Азиатском континенте после Китая и Индии, объединенная Корея может стать могучей экономической державой. А так как в течение последних сорока лет в отношениях между ее половинами шла открытая вражда, объединенная Корея помимо всего прочего будет вооружена до зубов. Это не предвидели те, кто наблюдал за развитием событий на Корейском полуострове со стороны. Цой Хо Дюн, министр иностранных дел Южной Кореи, говорит, что, как он полагает, объединенная Корея сможет обходиться значительно меньшим количеством оружия, чем то, каким обладает сейчас каждая из сторон в отдельности. Его преемники на этом посту могут с ним и не согласиться, так как в прошлом соседи Кореи, которые были больше и сильнее ее, без колебаний пользовались ее слабостью, пытаясь втянуть эту страну в сферу своего влияния или просто сделать из нее колонию. Единая независимая Корея, готовая применить силу, чтобы заставить потенциальных завоевателей оставаться по другую сторону ее границ, может вызвать у иностранных генералов беспокойство. Но она смогла бы сыграть и важную положительную роль в поддержании мира в Азии.

Но одно ясно уже сейчас. Когда в Северной Корее произойдут перемены, вполне вероятно, что Югу придется забыть о своих же собственных столь тщательно продуманных предложениях относительно образования разного рода федераций, Корейских содружеств и прочего. По ту сторону границы может оказаться страна, система ценностей которой полностью потерпит крах, а руководству которой никто не доверит и не даст право вести переговоры. Обладая в два раза большим населением и во много раз лучше развитой экономикой, Южная Корея может посчитать, что слово «воссоединение» не совсем точно отражает суть происходящего. «Мирный переворот» может показаться более подходящим решением.

Конечно, когда южнокорейцы перейдут демилитаризованную зону, они прежде всего изумятся той громадной разнице в уровне жизни у себя и на Севере. Конечно, это принесет некоторое удовлетворение сеульским идеологам антикоммунизма. Но простым людям не надо что-то долго объяснять и доказывать, чтобы они поняли общий смысл происходящего. Такие изменения неизбежно повлекут за собой громадные сдвиги на Юге, как это происходит сейчас в Западной Германии. Но подобных сдвигов не стоит опасаться.

Элвин КЕРНАН (Принстон, США)

ЛИТЕРАТУРА СЕГОДНЯ: КРЫЛЬЯ СЛОМАНЫ, МЕЧТЫ УМИРАЮТ

В прошлом году «Литературная газета» поместила статью Вик. Ерофеева «Поминки по советской литературе», которая вызвала нечто вроде шока. Она в течение нескольких месяцев оставалась в центре литературных дискуссий. Совсем недавно, в июле этого года, та же «Литгазета» опубликовала еще один нескролог, на этот раз – литературе эмигрантской. Отпсал ее Александр Кустарев, он же А.Донде. Читателю любопытно будет узнать, что споры о смерти литературы не являются исключительно нашей, российской привилегией. Мы публикуем статью профессора Принстонского университета Э.Кернана, автора нашумевшей монографии «The Death of Literature» (Yale University Press, 1990), и один из откликов со стороны тех, кто считает «слухи о смерти преувеличенными».

За последние тридцать лет литература в Америке умерла. Причина смерти отчасти в ней самой, отчасти в нападениях извне, отчасти, наконец, в обширных социально-технологических сдвигах, известных под названием постмодернизма. Авторитет литературы как явления высокой культуры, созданный произведениями Данте и Шекспира, Вольтера и Свифта, Вордсворта и Гете, Валери и Джойса, этот авторитет, процветавший в капиталистическом западном обществе в течение великой эпохи книгопечатания с середины XVIII до середины XX века, уже более не существует.

Это была поистине величественная литература: непризнанные законы мироздания, изреченные Шелли; неподвластные времени мысли-шедевры Арнольда; сведенные Элиотом воедино памятники европейского сознания, выстроенные от наскальных рисунков в пещере Ласко до его собственной «Бесплодной земли» – эпической поэмы о распаде западного общества после Первой мировой войны. Это было искусство на службе у мира, созданного этим искусством.

Диккенс в своих романах придал литературе новую существенную ценность, осмыслив тяготы жизни в новом необычном окружении, характерном для обезличенного города XIX века.

В эпоху крутых перемен Шекспир сумел упорядочить переход от средневекового общества к современному, раздвинув пределы возможного на сцене и в английском языке.

Великая литература на родном языке считалась гордостью национального государства, а знание литературы было знаком утонченной культуры. Разрыв этой традиции очевиден, ибо сейчас уже нет таких литературных явлений, как романы Хемингуэя, стихи Фроста, пьесы О'Нила, которые читались и понимались по крайней мере образованной частью общества и в которых говорилось о важнейших проблемах своего времени (двадцатых и тридцатых годов). Подобные произведения оправдывали существование литературы и писателей и отводили им достойное место в культуре.

Но почти таинственным образом эти произведения исчезли, уступив место поэзии страдания в духе Роберта Лоуэлла и Джона Эшберри, романам вроде «factions» Нормана Мейлера (смесь художественного вымысла – fiction и газетных репортажей – facts, или выдержанным в духе черного юмора повестям Сола Беллоу об осажденной культуре и пьесам о бессмысленности и истощении вроде «Конца игры» Сэмюэла Беккета. Теперь замерли даже и эти голоса старой литературы. На смену им пришло напыщенное мрачное искусство, связанное с именами Тобиаса Вулфа, Эндреа Дворкин, Уильяма Бэрроуза и Эни Битти.

Есть еще почтенные труженики, особенно на ниве романа, но это уже не имеет большого значения. Дело в том, что самые яркие мыслители, наделенные творческим воображением, более не считают, что поэзия, проза и драма дают наилучшие

возможности для выражения идей или для воздействия на общество в важных вопросах.

Между тем группа радикально настроенных ученых-критиков активно стремится разрушить старый литературный порядок. Сторонники того, что называют структурализмом и деконструкцией¹, ведут наступление на все авторитеты, включая литературные, как незаконные и репрессивные. С их точки зрения язык литературы не имеет смысла, а «правда» литературных произведений лишена содержания.

Деконструкция первоначально использовалась для того, чтобы выявлять скрытые предпосылки в философских текстах на основе лингвистического анализа, позволяющего вскрыть предполагаемые предубеждения автора. Теперь оказывается, что с помощью этого метода даже самый безобидный текст можно представить как нечто весьма тенденциозное.

Таким же образом унижают достоинство литературы и приверженцы радикальных политических течений. Феминистки и гомосексуалисты разоблачают литературу как инструмент господства «нормальных» мужчин. С этой точки зрения «Моби Дик» перестает быть эпическим повествованием об американском меркантилизме и о поисках трансцендентального знания, превращаясь в изображение безумного мужского индивидуализма, оскверняющего природу и стремящегося к смерти. Разнообразные неомарксисты обрушиваются на литературу как на элемент капиталистического общества, средство замаскированной пропаганды существующего строя.

Сторонники такого подхода утверждают, что Шекспир провозглашал примат государства над интересами личности. Современные критики фрейдистского толка рассматривают литературу (например, рассказы Кафки) как форму подавления инстинкта и революционных импульсов. По мнению многочисленных пропагандистов литературы американских негров и других меньшинств, а также литературы развивающихся стран, такие книги, как повести Конрада о морской жизни и восточной экзотике, представляют собой не более чем культурный империализм, замаскированный под искусство.

Литература сталкивается не только с теоретическими, но и с практическими трудностями. По мере падения уровня грамотности в колледжах и университетах курсы литературы все чаще заменяются занятиями по писанию сочинений. Студенты читают все меньше и меньше. Соответственно падает число выпускников специализирующихся по литературе.

В 1988 г. студенты Стэнфордского университета потребовали, чтобы из курса по выдающимся литературным произведениям были изъяты некоторые книги «скопчавшихся белых мужчин», с тем, чтобы заменить их книгами, написанными женщинами, черными и писателями Третьего мира. Администрация и преподаватели уступили, поставив в программу вместо ряда классических произведений книги вроде «Второго пола» Симоны де Бовуар.

Смерть литературы и сопутствующие ей невзгоды других видов искусства представляют собой сравнительно малую, но весьма интересную составную часть широких социальных перемен, которые начались в Америке еще в шестидесятые годы и теперь подвергаются суровому испытанию традиционные ценности и общественные учреждения. Нам известны симптомы этих перемен: выдвигание на ведущую роль в экономике сферы услуг вместо промышленности; вытеснение книгопечатания электронными методами хранения и поиска информации; переход от экономии, основанной на скудости и бережливости, к обществу изобилия и погребления, от повиновения власти – к индивидуальной свободе, от дисциплины самоотречения – к вседозволенности, потворству личным желаниям, культу нарциссизма.

Распад литературы уступает по своему значению крупным социальным катастрофам, скажем, таким, как разрушение традиционной семьи. Однако смерть литературы можно осмыслить только в широких рамках этой социальной революции.

Литература живет на книге, и она стала утрачивать свой авторитет по мере того, как электроника стала вытеснять полиграфию в качестве самого эффективного

¹ См. статью Х. Мурав в № 3 «Страна и мир» за 1991 г. – Ред

и привлекательного источника развлечений и информации. Насыщенный литературный текст по природе своей рассчитан на повторное восприятие, на «глубокое чтение», в то время как образ на телеэкране воспринимается непосредственно и имеет в буквальном смысле слова «поверхностный» характер.

Судьба литературы неразрывно связана с участью книги. Можно сказать, что литература воплощает в себе все лучшее в мощи печатного слова. Когда электроника занимает господствующие позиции, книга подвергается тяжким испытаниям, а вместе с ней и литература. Книгоиздание сейчас обложено высокими налогами, что затрудняет постоянное печатание классических произведений. Авторское право, обеспечивающее писателям источник существования, ставится под сомнение. Книжки, напечатанные на кислотной бумаге, разлагаются на полках.

Поэтому неудивительно, что мы наблюдаем многочисленные зловещие признаки заката эры Гутенберга. Так, недавно в Колумбийском университете решено было закрыть престижный библиотечный факультет на том основании, что профессиональное изучение книг и способов обращения с ними уже якобы не может найти себе место в стенах университета как научного центра. В целом за последние годы было закрыто четырнадцать престижных школ библиотечного дела.

Вовсе не очевидно, что литература продолжит свое существование хотя бы и в какой-то новой форме. Вполне возможно, что литература является продуктом книгопечатания и промышленного капитализма в той же мере, как поэзия бардов и героический эпос, подобный гомеровскому, были продуктами архаического бесписьменного общества. Таким образом, вскоре она станет анахронизмом, как рыцарство в век пороха, и исчезнет или же будет сведена до пустого ритуала, подобно пекинской опере.

Но что бы ни ожидало литературу в будущем, ее судьба так или иначе будет зависеть от склонности людей читать и говорить о прочитанном. И нет никакой гарантии, что многие будут придавать важное значение этому занятию.

Я не хочу сказать, что книги исчезнут, — сейчас в США ежегодно издается около 50 тысяч названий книг. Не исчезнет окончательно и грамотность. Но в век электроники маловероятно, что книги, слова и чтение останутся столь важными и авторитетными источниками знания, чтобы оправдать сохранение литературы.

Прошлое миновало. Миновала и старая литература, творческие гении которой создали блестящие произведения, выполненные с совершенным мастерством и несущие вечные истины. Ничего подобного Гомеру, Шекспиру и Бальзаку мы уже не увидим. Но если литература сохранится в каком-нибудь урезанном варианте, необходимо найти новые способы, чтобы содержательно говорить о ней. ●

Эдвин ЙОДЕР (Вашингтон)

ИЗВЕСТИЕ О СМЕРТИ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕЖДЕВРЕМЕННО

Наши книжные полки стонут (да, именно стонут!) от манифестов, в которых провозглашается «смерть литературы». Принстонский профессор Элвин Кернан опубликовал под этим заголовком мрачный некролог объемом с книгу. Не спорю, рассуждения профессора не лишены оснований, но его окончательный вывод слишком преувеличен.

Я понимаю его, когда он говорит о художественной литературе реалистического толка, обращенной к среднему читателю и стремящейся поведать нам нечто о мире, в котором мы живем. Приводятся примеры романов Диккенса (который выполнил важную задачу, «осмыслив тяготы жизни в новом необычном окружении, характерном для обезличенного города XIX века»), а также романов, стихов и драм Эрнеста Хемингуэя, Роберта Фроста и Юджина О'Нила, созданных в нашем веке.

Беда в том, что Э.Кернан не может провести различие между совершенно разными

ми вещами. В самом деле, некоторые факультеты английского языка и литературы в американских университетах и колледжах в последнее время оккупированы салонными революционерами, чья критика основана на марксизме (обычно искаженном) или же на модной тарбарщине французского мудреца-деконструкциониста Жака Деррида. Эти люди действительно систематически подвергают литературные произведения смертельным пыткам. Но тот, кто имеет дело с читателями без посредничества этих душегубов, кто стоит лицом к лицу с самой литературой, тот не видит никаких признаков смерти литературы или ее неуместности.

Я выражаюсь иронически, но уверен, что мои наблюдения могут быть подтверждены на опыте других. Уже несколько весенних семестров я веду вечерний курс в Джорджтаунском университете. Материалом является описательная литература, художественная и документальная, а аудитория состоит из неглупых студентов последнего курса и аспирантов. Пока я еще не видел ни малейшего признака смерти или умирания литературы – совсем наоборот. А мы имеем дело с самыми разнообразными явлениями литературы – от библейских сказаний, сказок братьев Grimm, исторических трудов Маколея и Гиббона до романов, повестей и рассказов Тургенева, Толстого, Генри Джеймса, Уильяма Фолкнера, Вирджинии Вулф, Робертсона Дэвиса, воспоминаний и репортажей Ребекки Уэст и Мэри Маккарти. И это еще не все.

Пускай напыщенные критики произносят свои смертные приговоры литературе хоть до посинения – литература переживет эти некрологи по одной простой, но важной причине. Люди нуждаются в творческом воссоздании жизни потому же, почему наше тщеславие и любопытство побуждают нас смотреться в зеркало. Без литературы, как и без зеркала, мы бы не знали, похожи ли мы на своих сородичей, и если да, то в чем именно и в какой степени. Литература создает человеческую общность.

Покуда мы умираем и страшимся смерти (а еще и пустоты жизни), душераздирающая повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича» будет иметь значение – и не потому, что Толстой был белокожим мужчиной с деспотическим характером, который правил женщинами в своей семье и множеством крепостных, а потому, что он был гениальным художником с острым чувством правды. Покуда существуют различия в культуре и обычаях и покуда эти различия разрушают непосредственность любви – до тех пор будет нужен даже ранний роман Генри Джеймса «Европейцы». И не потому, что в нем затрагиваются классовые отношения или проблема снобизма, хотя все это в книге присутствует.

Э.Кернан и другие пессимисты могли бы сказать, что теперь лишь немногие писатели (если такие есть вообще) создают «литературу» в старом смысле слова, то есть художественную прозу, обладающую сильным воздействием на читателя. Но даже если это и так, то это уже иной вопрос.

Не каждая эпоха находит литературную форму и язык, которые производили бы на читателя самое глубокое впечатление. В наше время может показаться, что тирания критики кое-где притушила творческие порывы. И все же продолжают появляться великолепные произведения, следующие классической традиции. Всего несколько лет назад вышел в свет роман Питера Тейлора «Вызов в Мемфис». Я бы поставил эту книгу не ниже любого другого американского романа, старого или нового. Мои студенты разделяют это мнение, сравнивая «Вызов в Мемфис» с лучшими произведениями Джеймса, Фолкнера и Толстого.

Так что же означают все эти разговоры о «смерти литературы»? Это или необоснованный пессимизм отчаявшихся друзей литературы вроде Э.Кернана, или тяжеловесные излияния ученых-нигилистов, запутавшихся в своем причудливом жаргоне. Эти люди оторваны от жизни и от литературы, так что не следует смешивать их оценки с реальностью. Пока идет жизнь, о ней будут рассказывать. А пока будут такие рассказы, будет и литература, которая найдет читателей.

Олег ЮРЬЕВ (Ленинград)

ОТСУТСТВЕННОЕ МЕСТО

1.

Обыкновенно слова живут много дольше, чем предметы, понятия и действия, ими обозначаемые. С именами собственными такое случается, увы, сплошь и рядом, но и с нарицательными существительными, глаголами и прилагательными нередко происходит то же самое. Весь русский язык заполнен свидетельствами об исчезнувших реальностях – из этих свидетельств почти целиком состоят исторические романы и кулинарные книги.

Собственно, ничего в этом странного нет, так бывает в любом языке, в любой культуре, разве что в разной степени и с разной скоростью.

Но, вероятно, лишь в России ощутимо идет процесс, обратный вышеописанному, – это когда слова, с которыми дурно обращаются, отмирают раньше собственных реальностей.

Зато, быть может, самые интересные в русском языке – именно эти слова, – слова, которых нет. Обозначаемое – пока что есть, а обозначающего уже (или еще) не имеется. Вот взять хоть э т о т г о р о д. Ленинградом его назвать (кроме как в сугубо официальном или чисто бытовом случае) как-то... неловко. Питером? – глупо и фамильярно. Петроград – звучало смешно даже в 1914 году. А всерьез именоваться Санкт-Петербургом – в силах ли он уже? Поэтому и называем мы его при необходимости просто «город», наподобие древних римлян.

Пореволюционная судьба его чем-то похожа на судьбу евреев в России. История как бы ставит эксперимент: что останется, если все отнять? где предел, на котором количественные изъятия создают качественное уничтожение? Ни жизненного уклада, ни структуры отношений – социальных, национальных, религиозных, что составляли, осмысленно видоизменяясь, тело культуры, – ничего или почти ничего не осталось. Остались оболочки зданий, в которых разместились совсем другие люди и совсем другие учреждения. Но эти люди и эти учреждения так простодушно убеждены в з а к о н н о с т и своего наследования, что легко присоединяют к материальным объектам и нематериальные, очевидно, исходя из того, что в России ничто не бывает к а ч е с т в е н н ы м, даже уничтожение.

К примеру, ленинградская писательская организация, как известно, очень левая, прогрессивная и культурная, вдруг стала помешать в шапке своей газетки «Литератор» некое полиграфическое пятно, в котором не без изумления узнаешь что-то вроде герба Шереметьевых при шереметьевском же знаменитом девизе: *Deus conservat omnia* – «Бог сохраняет все». Все-то все, но для всех ли? Понятно, что чужой особняк реквизируют можно и можно от долгой привычки пользования искренне считать своим, но вот можно ли реквизируют чужой герб? Или писательская семья так сроднилась на почве своей прогрессивности, что ей срочно потребовалась общая фамилия?

2.

Всем уже до зевоты знакомы пресловутые русские вопросы: «Что делать?», «Кто виноват?» и «Почему такие дорогие помидоры на рынке?». Лица, взявшие за профессию задавание этих вопросов и неполучение на них ответов, в девятнадцатом веке именовались русской интеллигенцией, а в двадцатом – называются советскими инженерами, толкуя это понятие рас-

ширительно и включая сюда и гуманитариев, особенно как раз писателей, каковые, впрочем, до недавнего времени своего инженерства и не скрывали, и справедливо гордились нечеловеческой меткости прозвищем «инженеры человеческих душ».

Но вернемся к «проклятым» вопросам. Очень характерно, что вопросы типа «З а ч е м делать?», «К о м у выгодно?» и «Сколько это будет стоить?» в России никогда не бывали чрезмерно популярны. Встать на позицию здравого смысла – самое опасное в России интеллектуальное приключение.

Впрочем, все же рискнем. Взять, скажем, Союз писателей, – к о м у он нужен, з а ч е м туда вступать и в о ч т о это обойдется, причем именно в сегодняшней ситуации?

Понятно, зачем и кому он б ы л нужен; его структура совершенно подобна всем прочим структурам государства: от экономики до пионерии. Не столько даже пропагандистская прагматика, сколько эстетическое чувство повсеместной монопольности и иерархичности руководило инженерами-создателями Союза Советских социалистических писателей. Во что это все обошлось – причем не только отторгнутым, но и усвоенным этой структурой, – вполне общеизвестно.

Но кому и зачем это все нужно сейчас? Зачем монопольно-единственный Союз писателей со всеми его секретариатами, правлениями и бюро нужен в обществе, где те же самые совписы (я ведь говорю сейчас только о «приличных» людях) так жаждут изничтожить именно иерархии да монополии?

Раньше, в прекрасные, духовно-сосредоточенные, несуетные «годы застоя» у здравомыслящего человека, дорожающего остатками своей духовной суверенности, вырабатывался единственно возможный принцип: отвечать только за свои собственные действия, не отождествляться ни с какими казенными структурами и – при неизбежном соприкосновении – относиться к ним по поговорке: «с паршивой овцы хоть шерсти клок» (при понятном исключении нескольких однозвонных организаций, которые, впрочем, овечками никогда и не слыли). Состоять в членах Союза писателей само по себе ни хорошо, ни дурно, как ни хорошо, ни дурно быть пионером, учиться в вузе или смотреть телевизор. Другой вопрос, осознавалось ли при этом основное правило советского бытия: там, где начинается власть, пусть самая малейшая, на уровне студенческой группы или секции Союза писателей, может ненароком закончиться эскапизм, и овца обернется ежелем не волком, так, по меньшей мере, козлищем.

По всему по этому «приличный» человек, спрошенный: «Зачем, дядя?», заведет речь скорее всего о «домах творчества», бюллетенях, пенсии, продзаказах, Лавке писателей, одним словом, о м а т е р и а л ь н о м, о простейших мерах защиты от социального хаоса, о борьбе с государством за выживание с помощью самого государства. В этом смысле украсть с казенной стройки рубероид и получить продзаказ в Литфонде – явления одного порядка, в моральном смысле почти одинаково безразличные, хотя и по-разному оцениваемые в порядке уголовном.

Однако все это было р а н ь ш е. А сейчас?

Здрово рассуждая, ведь этому учреждению – Союзу писателей то есть – при нынешних общественных и литературных обстоятельствах не жить, слишком мощны центробежные силы. Разорвут на клочки и Литфонд, который, собственно, и является подателем вышеназванных немногочисленных благ. А если все рухнет, «вся эта нынешняя ерунда?» – шепчут мне опасно. Ну, в этом случае Союз писателей от того страшного, что будет, уж никак уберечь не сможет.

Но есть одно интересное обстоятельство. Для советского человека, даже считающего себя демократом, либералом, западником, евреем – кем угодно! – здравый смысл, то есть прагматика в пределах нравственности, есть не что иное, как бравада, напускная романтика. Правят им все равно мифологические представления. Небольшой «пример из жизни». Как известно, в Ле-

нинграде черноокрасносотенные писатели в сравнительно небольшом количестве, утратив власть, законно возмутились и выделились в особую писательскую организацию. Они потребовали себе журнал «Ленинград» и обвинили Ленинградский союз писателей в ужасном грехе – страшном количестве евреев, в нем содержащемся. И началась великая идеологическая битва: те заявляли, что процент евреев такой-то и такой-то, очень большой, а эти, очень смущаясь и извиняясь, опровергали по телевизору: дескать, это неважно, и стыдно даже считать, но процент этот не такой-то и такой-то, а, напротив, такой-то, довольно маленький. На мой личный вкус, одна расовая бухгалтерия стоит другой, но пытался я понять вот что: з а ч е м? И ничего не получал в ответ, кроме большевистского «надо». Дескать, «надо» что-то объяснить народу, но что именно, так и осталось неизвестным, кроме, конечно, того, что процент евреев такой-то и такой-то, а не такой-то и такой-то. А ответ, мне кажется, довольно прост: внутри системы можно общаться только на присущем ей языке, в данном случае, языке мифологической мерзости.

3.

Представление о специфическом «человеке советском» и его специфическом менталитете в последние годы усиленно разрабатывается и здесь, на исторической родине гомо советикуса, и в областях его рассеяния. Причем, в соответствии с генеральной методологией современной науки, разрабатывается преимущественно аналитически: целостный образ раздроблен на части, которые рассматриваются в различных срезах – экономических, политических, культурных. Когда раздробленный образ восстановится в своем единстве – пока что неизвестно, поскольку возникают существенные сложности с п е р е в о д о м отдельных понятий советского языка на все прочие, в первую очередь на русский. Думаю, что без составления тезауруса – как можно более толкового словаря специфических понятий, скрывающихся иной раз за самыми обычными словами, задача эта нерешима. Вот, например, такая строка: «Писатель (разг.) – бытовое сокращение от Член Союза писателей». Тут дело именно в сложившемся узусе, отразившем коллективно-бессознательное представление о мифологической единственности упомянутого учреждения, почти сакральной его связи с традиционно почитаемым в России ремеслом. Понятно, что внутри Союза писателей никто не захочет расстаться с такой картиной мира, психологически выгодной и правым, и левым, и малым, и великим.

Но составление толкового словаря – задача, увы, многотрудная, требующая многих десятилетий коллективной работы. А осознание кое-каких вещей необходимо уже сейчас, без него уже невозможно ни общение с нами, ни наше собственное общение друг с другом. Поэтому так необходимы попытки с и н т е т и ч е с к о г о восприятия, восприятия через генеральные образы, что может осуществляться лишь изнутри, через внутреннее выделение и отторжение новых архетипов.

Вот, к примеру, одно жаргонное словечко, что появилось сравнительно недавно, но успело приобрести немалый смысл.

Возникло оно, надо полагать, в кругах мелкотоварной молодежи, занятой натуральным обменом отечественного шила на неотечественное мыло. Обозначало же это словцо вещи совершенно конкретные и даже грубо-материальные: географически – всю могучую и необъятную («ну разве в совке могут производить такие здоровские штуки?!»), по отношению к отдельному лицу – его подданство и место проживания, а по отношению к вещи – место ее фабрики («Да это ж явный совок, что ты суешь ему свою матрешку?!», «А трусики-то кондовый совок...»).

Постепенно словцо перекочевало в более интеллектуальные круги, где, как известно, чрезвычайно склонны к заимствованиям из криминальных

жаргонов, и стало обозначать понятия куда менее определенные, нежели география, подданство или место фабрикация товара. Оно стало относиться к социально-психологической сфере человека и к ее проявлениям в поведении, мировоззрении и творчестве. Первый признак перехода слова из разряда терминов в разряд целостных понятий – это утрата им простейшей противоположности, антонимического дополнения. Применительно к вещи (или человеку как вещеносителю) мы говорим «совок» – или, наоборот «фирма». Применительно к роману, высказыванию или поступку мы говорим «совок» – или «несовок», точнее, во втором случае мы ничего не говорим, а пытаемся разобраться по существу. С «совком» разбираться по существу неинтересно и даже опасно, поскольку диалог с «совком» может происходить только на «совочном» языке (других он не то что не знает, а просто не догадывается об их существовании). А тому, кто еще надеется найти выход из советской ментальной ловушки, язык этот знать следует, конечно, но пользоваться им бы лучше поменьше, дабы окончательно не загрязнить сознание.

Вот поэтому, когда на экране телевизора какой-нибудь почтенный, например, писатель из либеральных, пусть самый наибожаемый интеллигенцией, произносит что-нибудь вроде: «Литература должна», – я говорю «совок» и выключаю телевизор не оттого, что имею что-то против почтенного писателя и даже не оттого, что отрицаю его таланты или право считать, что литература что-то должна, а оттого, что дальше все известно, ящер регенерирует из чешуйки, и этого ящера я уже много раз видел.

Есть культурные движения, которые пытаются использовать «совковость» для ее выявления и, надо полагать, вытеснения, – скажем, московский концептуализм Пригова и Рубинштейна или соц-артовская живопись. Однако эта затея – воспитать ящера в себе и водить его за собою на веревочке – представляется мне предприятием крайне рискованным для тех, кто на это идет, хотя, вероятно, и очень полезным для наблюдающих со стороны за этой прогулкой с ручным гадом. Гады плохо приручаются.

Конечно, «совковость» как интегральное понятие постигается не рассудком, но интуицией, и внешние приметы, по которым мы узнаем «совка» – совка целиком или совка частичного, в другом человеке или в себе самом, – эти приметы для каждого могут быть совершенно разными, но сам факт появления и функционирования этого смешного понятия должен, мне кажется, свидетельствовать о попытке оттолкнуться, размежеваться, без удачи которой и страна эта, и ее культура принуждены будут бесконечно ходить все по тому же кругу – как слепая кляча, вращающая нестираемые кровавые жернова.

4.

А для того, чтобы оттолкнуться, нужно хотя бы услышать, если не увидеть, себя со стороны.

Как известно, знаменитый доктор Хиггинс из «Пигмалиона» Бернарда Шоу легко определял по выговору, где человек родился, где живет, кто и откуда его родители – в Лондоне с точностью прямо-таки до улицы. Не оставалось для проницательного доктора тайной и в каких школах объект учился, и в каких странах служил. «Челтенхэм, Харроу, Кембридж, позднее Индия?» – «Совершенно точно, сэр!» – и полковнику Пикерингу ничего другого не остается, как только смиренно согласиться. Зарабатывал же себе эксцентрический лингвист на пропитание, оснащая американских миллионеров хорошим британским произношением. Зачем-то им это было надо. Зачем-то им это надо и теперь: одна моя знакомая, недавно переселившаяся из Ленинграда в Нью-Йорк, как ни странно, занимается там тем же самым: обучает на неких курсах американских бизнесменов изысканной английской речи.

Но, впрочем, я, конечно, не об Америке и не об Англии.

Интересно, задумался я как-то: а чем бы жил такой доктор Хиггинс в послереволюционной России? В двадцатых годах, пожалуй, мог бы он, в порядке частной инициативы, открыть лавочку по отучению лиц, скрывающих свое социальное происхождение, от прирожденного им языка и натаскиванию оных лиц на особенности фонетики, грамматики и лексики победившего класса. «Митюха! Займи треху, едрить-ты!» – старательно кривя рот, кричит какой-нибудь бывший граф, возмечтавший выдать себя на бирже труда за собственного камердинера. – «Петербург, Миллионная, Училище правоведения, Министерство внутренних дел» – недовольно отмечает доктор Хиггинс и продолжает, попутно демонстрируя настоящий классовый класс: «Че ж ты, чудила?! От тя, на иг, иксплуатацией на километр шибает!»

Но боюсь, что уже в тридцатых, а тем более во всех последующих годах бедному доктору в России делать бы стало практически нечего. Разве что наняли бы его в Художественный театр тренировать произношение народных артистов для «современного репертуара».

Да и сфера бескорыстного наблюдения у нашего языковеда со всяким новым десятилетием все сужалась бы и сужалась. И дело тут не в том, что произношение унифицировалось, что социальные и географические различия стерлись, совсем нет, – просто перепутались отражения этих различий в языке. Люди не стали говорить одинаково, наоборот, все как раз говорят как Бог на душу положит, но то, как человек говорит, уже ничего или еще почти ничего о нем не говорит.

Даже самые знаменитые, занесенные во все учебники языковые расхождения предстают нынче какими-то нарочитыми, выморочными. Например, разница между московским и ленинградским выговором поддерживается, боюсь, искусственно немногими старательными пижонами, да и те, перед тем как произнести «коришневый» или наоборот – «что», запинаятся, вроде как вспоминая – как же это делается.

На Волге, конечно, иногда еще окают, но заверяю вас, далеко не так часто, отчетливо и тщательно, как писатель Солоухин.

Даже «...где быть «га» и где стоять «глаголю»,» – как гневно вопрошал Михайло Ломоносов несчастного астраханца Тредьяковского, – и это перестало быть яблоком раздора. Говори, как придется. Горбачев, например, когда очень волнуется или, напротив, раскован и весел, «гакает» по-южнорусски, а в состоянии сосредоточенно-спокойном твердо употребляет северный «глаголь» (правда, последнее случается чаще всего за границей, где оценить эдакое по всей видимости не могут).

Но есть еще среди нас люди, которые говорят совершенно иначе, и не только в частностях, в особенностях, но вообще, по сути. Да, это, конечно, очень старые люди, сохранившие интеллигентный язык начала века. Причем именно интеллигентный, а не дворянский, что нередко путают нынешние многочисленные любители всего дореволюционного.

Прежде всего, у этих людей и звукоизвлечение, если можно так выразиться, совершенно другое: они говорят не горлом, как мы, а г р у д ь ю и чуть ли не всем телом. Это не механическое включение резонаторов, что умеют (или должны уметь) все драматические артисты, но некий секрет, наверное навсегда утерянный новыми носителями русской речи. У нас слово вылетает изо рта, как плевок, или вытекает боковой слюжкой, а они – е г о в ы д ы х а ю т. Слово, сказанное, еще некоторое время как бы окутывает говорящего своим мерцающим облачком.

И это, может быть, главное, в этом существо дела. И оттого, что это существо присутствует, характерные особенности, уже утраченные нашей речью, звучат естественно и осмысленно. Кое-какие слова, в е р ь т н о, вообще невозможны в своем прежнем облике, но эти звонкие, двуслойные шипящие... и эти стяженья – утерянные русские дифтонги, придающие речи почти матерьяльную плотность, – а вдруг это еще может зазвучать?.. Нет,

никогда. Подражать этому бессмысленно, это такое же самозванство, как нарочитая простонародность, окающая она или акающая.

Но как же иной раз бывает грустно слышать, да хоть себя самого, и горько сознавать, что пройдет пять, семь лет, уйдут последние из них и ты, слышавший их (неслышавшим легче), останешься один на один с хаосом воюющей сама с собой речи – со своим исковерканным зеркалом.

5.

Так что же такое этот город, у которого уже нет имени, а скоро не останется и остатков языка?

Каждый может себе представить какое-нибудь «Невы державное течение», какие-нибудь парады, балеты, какое-нибудь «Самовластительный злодей, тебя, твой трон я ненавижу...» или, наоборот, «Государей зданье славно и тенисты острова». Тут же, конечно, подвернется «александрийский столп», за какойю большинство народонаселения почитает нашу скромную Александровскую колонну, не имеющую никакого отношения к Александрии. Пушкин, как известно, по праву переводчика, подставил в соответствующем месте горацианской строфы одно чудо света вместо другого – Помпеевым маяком в Александрийской гавани он заменил фараонские пирамиды, тем паче, что и то, и другое в Египте. Но ведь никого это уже не убедит, а кое-кто пожалуй что и обидится. Недавно я в «Новом мире» в одной о ч е н ь культурной публикации наткнулся на совсем уж замечательного уродца – Александрийскую колонну.

Что ж, как говорится, «борьба за миф у нас в крови».

Отняв у города имя, вы в конце концов разрушите город. Но легче разрушить город, чем его миф.

Давным-давно исчез петербургский – предположим, действительно холодный, чиновничий и замкнутый – уклад жизни. Исчез и московский, – может быть, он действительно был барским, открытым и хлебосольным. Но забавно, что московский инженер с родословием, уходящим корнями в Рязань или Житомир, укоряет инженера ленинградского, чьи бабушка с дедушкой обосновались на берегах Невы, распротясь с родимым Псковом или Жлобином (как, например, мои), – все в том же – в закрытости, высокомерии, холодности... Но это еще не самое смешное. Самое смешное, что «ленинградец» (как это ни глупо выговаривается) и сам «так об себе понимает», в душе гордясь своим ниоткуда не вытекающим аристократизмом, да подчас и немножечко бывая таким...

...А где-нибудь «в Сарапуле или в Жиздре» какой-нибудь вьюнош с гуманитарными интересами, как сто лет назад, вздыхает о Москве – столице мира, или об Одессе – русском Марселе, или о Ленинграде – советском Петербурге.●

Эдуард БЕЛТОВ, Дмитрий ЮРАСОВ
(Москва)

1937 ТОЛЬКО ФАКТЫ. ТОЛЬКО ИМЕНА

Материалы для будущего историка

Продолжаем публикацию глав из книги Э.Белтова и Д.Юрасова, начатую в предыдущем номере журнала. Список жертв, которые понесла советская литература, приведенный в книге, настолько длинен – 1192 имени, – что воспроизвести его на страницах журнала физически невозможно. Поэтому мы позволили себе поместить вместо него лишь сводную таблицу, составленную на основании этого списка. В таблице указана национальность писателей, а также сведения о репрессированных, сообщенные «проверяющими» из КГБ и Главной военной прокуратуры. В графе «реабилитированы» указаны лишь те, кто реабилитирован союзными органами (по данным КГБ и ГВП). Здесь не учтены недавние решения республиканских органов, как, например, закон, принятый Верховным Советом УССР, о реабилитации всех жертв политических репрессий с ноября 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

В начале семидесятых годов Институт мировой литературы имени Горького Академии Наук СССР начал издание шеститомной «Истории советской многонациональной литературы». К этому времени были, хотя и приблизительно, известны сокрушительные размеры трагедии, которую пришлось нашей литературе пережить в конце тридцатых. Оставалось ждать, когда появятся эти шесть увесистых томов, чтобы из них узнать о судьбах тысяч советских литераторов, исчезнувших перед войной.

Ожидания не только не оправдались, напротив, стало ясно, что эти тысячи мало интересуют устроителей гигантской литературоведческой показухи. На тысячах страниц текста нашлось место только для такого вот пассажи, призванного вселить в читателя уверенность, что ничего страшного, в сущности, не произошло: «Несмотря на раны, нанесенные культом личности, сердце советского общества работало нормально». А вообще состояние растерзанной, измороженной сталинскими палачами советской литературы оценивалось весьма оптимистично: «Морально-политическое единство советского общества, утвердившееся в 30-е годы, привело не к унификации литературы, как о том твердят наши недруги, а к расцвету подлинного многообразия, к щедрости красок, разнообразию стилей, новизне и неодинаковости форм».

Это написано в 1-й книге 2-го тома. Если же взять вторую книгу, где в конце приложен указатель имен, и поставить крестики против фамилий литераторов, ставших жертвами репрессий, – какой страшный, какой кладбищенский вид откроется перед читателем...

Многолетние разглагольствования о расцвете советской многонациональной литературы, причем с упором на слово *многонациональная*, опровергаются простыми фактами, цифрами, сравнениями.

Судьбы многих делегатов I Съезда советских писателей, состоявшегося в 1934 г., уже сами по себе могут служить наглядной иллюстрацией к тезису о расцвете советской литературы: уже к 1939 г. не менее половины делегатов съезда было репрессировано. А ведь мы гордились тем, что на этом съезде впервые были представлены литераторы всех союзных и автономных республик.

Чтобы нагляднее представить себе всю бессмысленность утверждений авторов означенной «Истории» о расцвете и прочих прелестях тридцатых

годов, расшифруем некоторые положения «Истории» применительно к отдельным национальным литературам.

«1932–40 гг. в истории азербайджанской литературы явились периодом подъема литературы, укреплявшейся на позициях социалистического реализма... была проделана большая работа по укреплению теоретических основ социалистического реализма, пропаганде богатого опыта многонациональной советской литературы...»

Результат: расстреляно около тридцати виднейших литераторов, из них не менее двадцати – членов Союза советских писателей.

«Армянская литература 30-х годов активно обращается к исследованию социалистической практики человека... укрепляя связи с жизнью народа, она выходит на новые художественные рубежи».

Результат: в репрессиях погибло одних только членов Союза советских писателей около сорока. Среди них – блистательный Егише Чаренц.

«30-е годы были временем глубокого и плодотворного развития грузинской советской литературы. Всенародный подъем, связанный с осуществлением первых пятилетних планов, успехи социалистического строительства – эти объективные факторы поистине исторического значения оказали самое благотворное влияние на литературный процесс».

Результат: расстрелян поэт Тициан Табидзе – гордость грузинской и мировой литературы. Одно из его стихотворений начинается словами: «Здравствуй, жизнь!»...

«В ответ на призыв партии к активному участию в социалистическом строительстве Союз писателей Украины организовал поездки писателей в Донбасс, на Днепрострой, в колхозы, совхозы, на заводы республики».

Результат: знаний, полученных в этих поездках, украинскими писателями, как видно, не хватило. Видимо, поэтам из них с помощью НКВД были устроены долгие экскурсии в места подальше – на Колыму, на Соловки, на север Европейской части Союза. Те, кто приехал туда в 1937 г., вполне могли встретить тех, кто изучал там жизнь еще с конца двадцатых. И это не говоря уже о других (уж не сотнях ли тоже?), которые были расстреляны.

«30-е годы, период развернутого наступления социализма по всему фронту (напомним читателю, что эту сталинскую формулировку мы цитируем по книге, изданной в 1971 году. – Э.Б., Д.Ю.), зримой перестройки (а это слово, оказывается, тоже придумано не весной 85-го! – Э.Б., Д.Ю.) всего уклада жизни города и деревни, явились новым этапом в развитии белорусской литературы».

Результат: к 1938 г. из ста двенадцати членов Союза писателей Белоруссии сто десять было арестовано, а на двух оставшихся уже были выписаны ордера на арест.

Эти примеры можно продолжать до бесконечности – пока не будет исчерпан список существующих в нашей стране национальных литератур, включая, разумеется, русскую.

Кампания репрессий против писателей имела свои особенности. С одной стороны, так же, например, как работников промышленности судили по надуманным обвинениям во вредительстве или устройстве диверсий на заводах и шахтах, многих литераторов судили за то, что они писали. Это относилось, главным образом, к литераторам союзных республик: все они были признаны «буржуазными националистами», что проявлялось в их стремлении говорить и – что уж совсем преступно! – писать на родном языке, пропагандировать национальную культуру и национальные обычаи.

Были здесь, однако, и свои тонкости. В республиках, граничащих с Польшей, многие писатели оказывались хорошо замаскированными польскими шпионами, литераторы Карельской АССР были, разумеется, шпионами финскими (финским шпионом, конечно же, был и замечательный русский писа-

тель-маринист Сергей Колбасьев, побывавший в служебной командировке в Финляндии). Прозаик Давид Штерн, некоторое время занимавший пост пресс-атташе при советском полпредстве в Германии, – одновременно и фашист, и германский шпион. Связан был, как удалось выяснить вездесущим «органам», с разведкой «одного иностранного государства» поэт Борис Корнилов, «ловко скрывавший свое подлинное лицо под маской пьяницы». Сотни писателей оказались «троцкистами», «зиновьевцами», «двурушниками», «политическими проходимцами» и т.д. и т.п.

Были примеры прямо анекдотического свойства, если, конечно, само слово «анекдот» подходит для описания этого страшного случая, приведенного в воспоминаниях писателя Юрия Рытхэу. Молодой и очень талантливый писатель-юкагир Тэкки Одулок, живший в Ленинграде, был арестован по обвинению в том, что он никакой не Тэкки Одулок, а японский разведчик и чуть ли не полковник японского генштаба. Настоящий Тэкки Одулок по дороге в Москву на учебу был якобы убит японцами и подменен вот этим самым полковником. Разумеется, Тэкки Одулок был расстрелян. А ведь это был *первый* юкагирский писатель.

Впрочем, первым был когда-то и ивановский поэт Авенир Ноздрин – *первым* председателем *первого* Совета рабочих и солдатских депутатов в 1905 г. Расстрелять его не успели, – он умер в тюрьме, не выдержав пыток.

Это было время, когда сиротели не только дети – становились сиротами и стихи.

Вся страна с упоением пела «Нас утро встречает прохладой», но при этом в качестве автора указывался только композитор Дмитрий Шостакович; автор текста поэт Борис Корнилов был расстрелян.

Можно было открыть томик воспоминаний Надежды Константиновны Крупской и прочесть, что Владимиру Ильичу очень нравилась «Песня коммуны» поэта Василия Князева и он часто повторял полюбившиеся ему строчки:

Никогда, никогда,
Никогда, никогда,
Коммунары не будут рабами!

Но имя Василия Князева уже не упоминалось никем и нигде: в 1938 г. он умер в лагунке Атка на Колыме, превратившись в «лагерную пыль»...

В двадцатые годы «неистовые ревнители» классового подхода к литературе – члены Российской Ассоциации Пролетарских Писателей – призывали к прямой физической расправе со всякими там «попутчиками» и «литературными агентами буржуазии в советской литературе». В конце тридцатых казалось, что наступило их время: были арестованы такие писатели, как Борис Пильняк, например. Но скоро выяснилось, что радоваться «неистовым ревнителям» было рано да и нечему: один за другим были расстреляны бывшие главари РАППа Леопольд Авербах и Владимир Киршон (впрочем, по одной из версий, Авербах успел покончить с собой в тюрьме).

Уходили в небытие пролетарские поэты и крестьянские писатели (эти, конечно, были «кулацкие проповедники»: и пронзительно талантливый Николай Клюев, и Сергей Клычков, и Иван Приблудный), члены «Кузницы» и «Перевала», «Молодой гвардии» и всех других групп, группировок и литературных объединений.

Но если российская литература в силу хотя бы многочисленности писательских рядов сумела в большой степени сохранить свой потенциал, то куда страшнее обстояло дело с литературами других народов, в особенности малочисленных, таких, как, скажем, литература коми или марийская.

К концу тридцатых, как горько шутили тогда, в республике Коми осталось на свободе полтора писателя – один член Союза писателей и один кандидат (тогда существовал институт кандидатов). А горше всего было сознавать, что исчезли два самых талантливых литератора – Вениамин Чиста-

лев (Тима Вень) и Виктор Савин (Виттор Нёбдинса). Только потом все узнают, что Чисталев умер в тюрьме, не дожив до «суда», а Савин погиб в лагере.

О трагической судьбе литературы марийской рука не поднимается писать. Марийский литературовед Ким Васин, составивший мартиролог своих погибших в репрессиях земляков-литераторов, фактически предъявил документ, обвинявший сталинизм в культурном геноциде¹. А мы и по сей день невнятно лепечем что-то о «расцвете», «взаимовлиянии и взаимопроникновении национальных литератур». А ведь дело доходило до того, что во многих автономных республиках месяцами не выходили литературные журналы: их некому было делать и некого в них было печатать.

Еще одна группа погибших литераторов, стоящая особняком, – поляки, немцы (не наши, советские, а коммунисты-эмигранты), литовцы, латыши, венгры. Многие из них были членами Союза советских писателей, но в архивах сегодняшнего Союза невозможно оказалось отыскать документы, повествующие об их последних днях. Всем этим людям посмертно было восстановлено членство в СП СССР, но где и как большинство из них кончило свои дни – неизвестно.

Всего, по имеющимся у нас данным, перед войной было репрессировано около двух тысяч писателей, большая часть которых была расстреляна или погибла в лагерях.

Национальность писателей	Число репрессированных	В том числе			
		Реабилитированы	Не реабилитированы	Лиц с такой фамилией много	В карточках КГБ и ГВП нет
Абхазские	5	–	–	–	5
Адыгейские	2	–	–	–	2
Азербайджанские	26	8	–	–	18
Алтайские	5	–	–	–	5
Армянские	48	10	1	–	37
Башкирские	14	5	–	1	8
Белорусские	120	31	–	10	79
Болгарские	2	1	–	–	1
Бурятские	14	7	–	–	7
Венгерские	6	1	–	1	4
Грузинские	23	10	1	–	12
Еврейские	33	12	–	2	19
Кабардинские	13	8	–	–	5
Казахские	23	8	–	–	15
Калмыцкие	3	2	–	–	1
Каракалпакские	2	–	–	–	2
Из Карачаево-Черкесии	13	3	–	–	10
Киргизские	2	–	–	–	2
Коми	5	1	–	1	3
Корейские	1	–	–	–	1
Крымскотатарские	5	2	–	–	3
Латышские	59	16	–	4	39
Литовские	10	1	2	–	7
Марийские	47	9	–	3	35
Молдавские	8	3	–	1	4

¹ Всего в этой небольшой автономной республике было репрессировано примерно пятнадцать тысяч человек, в том числе практически вся интеллигенция, в первую очередь творческая – писатели, художники, актеры.

Мордовские	4	–	–	–	4
Немецкие	15	2	–	–	13
Осетинские					
(сев. и южные)	28	5	–	–	23
Польские	17	6	–	–	11
Румынские	1	1	–	–	–
Русские	366	147	1	49	169
С Сев. Кавказа (кумыки, лаки, лезгинцы, абазинцы, даргинцы, др. народы Дагестана)	11	3	–	2	6
Таджикские	7	1	–	3	3
Татарские	27	11	–	2	14
Туркменские	2	2	–	–	–
Удмуртские	5	–	–	–	5
Узбекские	26	8	1	2	15
Уйгурские	2	–	–	–	2
Украинские	147	49	1	2	95
Финские и карельские	16	3	–	–	13
Хакаские	2	1	–	–	1
Из Чечено-Ингушетии	8	1	–	1	6
Чувашские	9	3	–	1	5
Эстонские	7	3	–	–	4
Юкагирские	1	–	–	–	1
Якутские	2	1	–	–	1
Всего	1192	385	7	85	715

ОНИ ЕЩЕ НЕ ЗНАЛИ

В 1934 г. вышла книга, которой суждено было стать печально знаменитой: «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. История строительства». Написали ее 36 писателей, совершивших в сопровождении чекистов поездку по каналу. В заключительной главе руководитель писательского десанта А.М.Горький писал:

«Эта книга рассказывает, как лечили и вылечили социально-больных; как врагов пролетариата перевоспитали в сотрудников и соратников его. Тема – огромной и глубочайшей значительности...

К недостаткам книги вероятно будет причислен тот факт, что в ней слишком мало сказано о работе 37 чекистов и о Генрихе Ягода. Но этот недостаток допущен не по вине авторов – он объясняется скромностью тех людей, которых враги Союза советов изображают «исчадиями ада» и «порождениями сатаны». Лично я думаю, что чрезмерная скромность эта – неуместна и даже – может иногда вести к недостаточному ясному пониманию глубокой важности той работы, которую так удивительно успешно ведет Государственное политическое управление по линии преобразования различных правонарушителей и вредителей в полезных, отлично квалифицированных сотрудников рабочего класса и даже – более чем сотрудников. Знание приемов этой работы потребно конечно не для того, чтоб прекратить волчий вой и свиньячье хрюканье защитников рабовладельческого, капиталистического строя. Приемы, успехи и культурно-политический смысл работы ГПУ должны быть широко известны гражданам Союза советов».

Как сказано в начале книги, «за текст книги отвечают все авторы. Они помогали друг другу, дополняли друг друга, правили друг друга. Поэтому указание индивидуального авторства было нередко затруднительным». Тем не менее список авторов приведен. Вот он:

Л.Авербах, Б.Агапов, С. Алымов, А.Берзинь, С.Буданцев, С.Булатов, Е.Габрилович, Н.Гарнич, Г.Гаузер, С.Гехт, К.Горбунов, М.Горький, С.Диковский, Н.Дмитриев, К.Зелинский, М.Зощенко, Вс.Иванов, Вера Инбер, В.Катаев, М.Козаков, Г.Корабельников, Б.Лапин, А.Лебедев, Д.Мирский, Л.Никулин, В.Перцов, Я.Рыкачев, Л.Славин, А.Тихонов, А.Толстой, К.Финн, Э.Хацревин, В.Шкловский, А.Эрлих, Н.Юргин, Бруно Ясенский.

А.Авербах, С.Буданцев, А.Эрлих, Бруно Ясенский позднее сами стали жертвами «культурно-политической работы ГПУ». Из трех редакторов книги М.Горького, Л.Авербаха, С.Фирина не был репрессирован только сам М.Горький.●

КАЖДОМУ ПО ЕГО ВЕРЕ

Власть и время в романе «Мастер и Маргарита»

Михаилу Булгакову не пришлось быть русским писателем, он сразу стал советским. Вместе с другими молодыми авторами он описывал обустройство Москвы, гримасы нового строя, быт железнодорожников. Он пробивал дорогу в литературе в компании Катаева, Олеси, Ильфа и Петрова. Не случайно в одной из первых эмигрантских рецензий на роман «Мастер и Маргарита» Леонид Ржевский зачислил Булгакова в южную (одесскую) «метафорическую» школу. Общность пути определила близость взглядов и сюжетов, ненависть к обывательской среде и советскому бюрократизму, похожие исторические параллели, некоторые стилистические особенности. А.А.Курдюмов («В стране непуганых идиотов», 1983) отмечает, что в первую очередь этих авторов объединяла интеллигентская манера восприятия:

Ироническое отношение к привычному, сближение далеких понятий, острое ощущение глубокой бессмысленности бытового ритуала, сознание своей беспомощности в мире, неудержимое желание нарушить унылую респектабельность скандалом и неизлечимая интеллигентность в самых скандальных эскападах.

В записных книжках Ильфа мы читаем: «Борис Абрамович Годунов – председатель жилтоварищества»; «Иван Грозный, отмежевывающийся от своего сына». Это похоже на булгаковского домоуправа и царя Ивана Васильевича Грозного. Или зарисовки к роману об оккупации Одессы римлянами, переключющиеся с ершалаимскими главами «Мастера»:

Это было в консульство Публия Сервилия Ваттия Изаурина... Легат Рима жил во дворце командующего округом среди громадных бронзовых подсвечников... Если бы он был центурионом, он открыл бы отделение своего буфета на углу Тираспольской и Преображенской... Яшка уже служил в нумидийских вспомогательных войсках... он мчался, держась за хвост лошади, как это принято среди нумидийцев... Резкий звук римских труб стоял каждый вечер над Одессой... Первый римский меч продается на толчке.

Бросается в глаза сходство лексики. Легат, легионер, центурион, вспомогательные войска – самый первый и простой круг ассоциаций. Мы знаем эти слова из школьных учебников и детских книжек.

И Булгаков, и Ильф сталкивают древние и современные реалии, хотя каждый верен своей стилистической манере и тону повествования: Ильф – юмористическому («Яша, мы не держали тебя за нумидийца»), Булгаков – серьезному, даже патетическому («В белом плаще с кровавым подбоем шаркающей кавалерийской походкой...»).

Но было между молодыми одесситами и недавним киевлянином одно принципиальное различие: в недалеком прошлом они находились по разные стороны баррикад. Когда кто-то в редакции «Гудка» прошелся насчет консервативных политических взглядов Булгакова, Ильф заметил: «Ну что вы хотите от него? Миша только-только скрепя сердце примирился с освобождением крестьян от крепостной зависимости, а вы хотите, чтобы он стал бойцом социалистической революции! Подождать надо!» (цит. по кн. А.Курдюмова). В этой шутке была доля правды. Булгаков признал советскую власть, потому

что другой не было. Он не испытывал очарования революцией, не радовался уничтожению старого прогнившего режима, не был убежден в безусловных преимуществах исторического развития, как его было принято понимать. Булгаков искал иного объяснения происшедшему в стране, мерил иной мерой свои и чужие поступки, видел иные перспективы, а точнее, не видел «иных светлых перспектив».

В роковые минуты истории стали заметны смещения социальных пластов, связь скрытых исторических процессов с желаниями и поступками обыкновенных людей. Падение самодержавия, Октябрьская революция, гражданская война, индустриализация, коллективизация поразили воображение писателей: они испытали непреодолимое искушение историей. Слом тысячелетнего царства, приближение «светлого будущего», стремительный темп перемен – все это выводило эпопею в ведущий, если не единственно достойный литературный жанр.

Как некогда русская литература вышла из гоголевской шинели, так у истоков советской литературы возвышается могучая фигура яснополянского старца. Толстой стал учителем и Фадеева, и Солженицына. Все три советских нобелевских лауреата 60–70-х годов писали исторические романы. Воскресший из небытия роман Василия Гросмана «Жизнь и судьба» – классический образец эпопеи. По этим вехам видно главное направление советской литературы. В том же ряду стоит роман Михаила Булгакова «Белая гвардия», дань молодого автора велению времени.

Но на этом его роман с историей завершился. Из гоголевской «Шинели» Булгаков вышел в направлении, указанном Достоевским. Писателя интересуют «люди как люди», их судьбы для него связаны с извечными основами бытия. Роман «Мастер и Маргарита» отличается совершенно иным по сравнению с «Белой гвардией» взглядом автора на исторический процесс. Вместо традиционного восприятия времени, когда событие встраивается в причинно-следственный хронологический ряд, а критерием для оценки происшедшего служит его значение в перспективе предвидимого будущего (фактически – с точки зрения нашей интерпретации будущего), у Булгакова заявляет о себе космологическое сознание, которое, по определению Б.Н.Успенского, соотносит события с изначальным онтологическим состоянием: оценкой события служит его соответствие модели, существовавшей в далеком прошлом. Такой парадигмой служит Булгакову библейский сюжет. В древнем Ершалаиме был впервые разыгран трагический спектакль, персонажи которого хорошо известны: Иуда – предатель, Пилат – слабый, трусовый в решающую минуту человек, Иешуа – олицетворение веры в добро и великий Мастер человеческого духа, его не слишком способный и понятливый верный ученик Левий Матвей, Аффраний – начальник тайной стражи, деловитый и всеведущий, как все полицейские. Сюжет постановки – нравственный конфликт между внутренним чувством человека (совестью) и давлением внешних факторов. Автор убежден, что личная ответственность важнее любой совокупности обстоятельств, трусость – худшее из преступлений.

Спектакль разыгрывается снова и снова, герои меняют имена и одежды, пьеса усложняется и дробится на части, как яркое ершалаимское солнце разбито на тысячи осколков-отражений в окнах Москвы. Новые исполнители выходят на сцену, но разыгрывают похожие эпизоды. Это многократное воспроизведение стереотипических моделей поведения создает дополнительную глубину исторического пространства. Люди как люди. Эпоха как эпоха. Ничего нового ждать не приходится. Времена меняются, но люди остаются людьми. И везде и всегда одинокий человек противостоит власти кесаря и его полиции.

БОГ ИЗ МАШИНЫ («ОНИ»)

На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиверия. И не тебе, несчастный преступник, рассуждать о ней, –

кричит сорванным голосом Пилат, с ненавистью глядя на секретаря и конвой, невольных свидетелей его унижения. А вечером, один на один с начальником тайной службы Афранием, Пилат поднимает чашу с вином и произносит сакральное заклинание:

За нас, за тебя, кесарь, отец римлян, самый дорогой и лучший из людей!

Ему вторит собеседник:

Ручаться можно, – ласково поглядывая на прокуратора ответил гость, – лишь за одно в мире – за мощь великого кесаря.

Пилат и его окружающие прекрасно понимают тончайшие нюансы этого ритуального языка. Но и нам он хорошо знаком, и нам ведомы чувства несчастного прокуратора, подозреваемого в каждом приближенном соглядатая и вынужденного говорить и делать не то, что ему хочется. Этот хриплый голос, с ненавистью выкрикивающий казенные славословия по адресу гения всех времен и народов, шемяще близок. Мы знаем внутренние пружины подобного поведения, сами были свидетелями обожествления верховного правителя и легко верим автору, что так было всегда. Слово в подтверждение сказанного, советский цензор при первой публикации романа выбросил окончание приведенной выше фразы: «самый дорогой и лучший из людей», справедливо усмотрев в ней намек на современную действительность.

Высшая власть незримо присутствует при всех событиях, но редко вмешивается в них. Напротив, исполнительные органы, тайные службы необычайно активны, вездесущи и держат окружающих в паническом страхе. О них говорят, почтительно понижая голос, используя безличную форму глагола: «Пришли, постучали, задушевно спросили, разобрались, успокоили, как умели» (последнее, прямо скажем, не по их части). «Разъяснили, замели...». Они деловиты, туго перетянуты ремнями, в крагах, с пистолетами в руках. Двигаются быстро, стреляют метко и решительно. С рядовыми гражданами они властны делать абсолютно все, что угодно.

Они специалисты своего дела: к примеру, у них есть полный набор отмычек и от Ершалаимского храма, и от квартиры № 50 в доме 302-бис. Они знают все. Как пишет Б.Гаспаров («Slavica Hierosol.», 1978, III).

Всеведение и всемогущество, которое обнаруживает «симпатичный молодой человек» в сцене сна Никанора Ивановича, столь же сверхъестественны и безграничны, как у самого Воланда. Он также необъяснимым образом знает все о тетке Канавкина и ее особняке, как Воланд о киевском дяде Берлиоза, так же проникает в тайны семейной жизни Сергея Герардовича Дунчиля, как Коровьев в аналогичные обстоятельства Аркадия Аполлоновича Семплеярова.

Когда Азazelло уверяет Маргариту, что он «не из какого не из учреждения», она резонно спрашивает: откуда же он узнал про листки и про ее мысли? Заметим, что не менее ошеломляющую осведомленность проявляет Афраний. Он знает об отношениях Низы и Иуды, ему известно, что Иуда из Кириафа «получит сегодня вечером деньги».

Воланда и тайное ведомство связывает многое. По мнению Б.Гаспарова, подручные Афрания – убийцы Иуды – похожи на помощников Воланда Коровьева и Бегемота. Связь этих сил объясняет, возможно, и кажущуюся непоследовательность действия: Азazelло организовал картину смерти Маргариты у нее в квартире и смерть Мастера в больнице, но органы расследуют

другую версию их исчезновения. Похоже, осведомленность следователей не уступает информированности Воланда с его свитой.

Многие авторы указывают на параллель между Сталиным и Воландом. В одном месте дьявол прямо цитирует Иосифа Виссарионовича: «Это – факт. А факт – самая упрямая в мире вещь». Кому из живших в СССР в 30–50-е годы не знакомы эти слова!

С одинаковой легкостью органы безопасности и подручные Воланда распоряжаются судьбами людей.

Человек в белье может следовать по улицам Москвы только в одном случае, если он идет в сопровождении милиции, и только в одно место – в отделение милиции, –

сообщает швейцару хорошо разбирающийся в жизни Арчибальд Арчибальдович.

Мы видим, как один за другим исчезают в известном направлении жильцы квартиры 50. Мастер, горожанин, любивший квартирные обмены («Возможно, он сейчас имеет какую-нибудь комнату, но только, смею вас уверить, не в Москве»), Никанор Босой и все правление кооператива, все, у кого водится необходимая государственная валюта, все, знающие что-либо об этой валюте, Вольманы, Володиные и прочие лица, фамилии которых начинались на подозрительную букву «В», и так далее, и тому подобное. Для рядовых граждан связь загадочных исчезновений с нечистой силой достаточно очевидна. Не зря

суевренная Анфиса так напрямик и заявила..., что она прекрасно знает, кто утащил жильца и миллионера, только к ночи не хочет говорить.

Б.Гаспаров даже считает, что Воланд в Ершалаиме – это и есть Афраний. С этим трудно согласиться, однако сотрудничество между «нечистой силой» и другой силой не вызывает сомнений. Мы, например, узнаем, что Азazelло за коньяком нашептывал одному из весьма значительных лиц, приглашенных на бал сатаны.

как избавиться от одного человека, разоблачений которого он чрезвычайно опасался. И вот он велел знакомому, находящемуся от него в зависимости, обрызгать стены кабинета ядом.

– Как его зовут? – спросила Маргарита.

– А право, я сам еще не знаю, – ответил Коровьев,

Тут уж читатель вправе заметить бывшему регенту: «Подумаешь, бином Ньютона». Советские газеты в марте 1938 года писали, что Ягода, опасавшийся разоблачений со стороны Ежова, ставшего начальником НКВД, приказал своему помощнику Буланову опрыскать кабинет Ежова раствором ртути в смеси с каким-то ядом, что и было якобы проделано шесть или семь раз. Эту подробность сообщает М.Чудакова.

Неосведомленность Коровьева («А право, я сам еще не знаю») столь удивительна, что естественно предположить, что дело не в нем, просто автор романа не хочет упоминать некоторых имен. Есть и другие примеры подобной «забывчивости». В «Черном маге» говорилось о троцкистских листовках, в которые обращались волшебные деньги, о том, что после смерти Берлиоза в писательской среде поползли слухи о несчастной любви к акушерке Кандалаки и о правом уклоне. Автор нарочито опровергает эти сплетни:

Прямо и точно сообщаю, что все это вранье. Не только никакой акушерки Кандалаки Берлиоз не любил, но и вообще никакой акушерки Кандалаки в Москве нет, есть Кандалини, но она не акушерка, а статистик на кинофабрике. Насчет правого уклона категорически заявляю – неправда. Поплавковское вранье. Если уж и впал бы Антон Антонович, то ни в коем случае не в правый уклон, а скорее в левый загиб. Но он никуда не впал.

В окончательном варианте романа этот пассаж исчез. Вероятно, дело не только в осторожности автора. После знаменитых процессов игра с политическими ярлыками «правый», «левый» приобрела зловещий смысл.

У героев романа таинственное ведомство вызывает суеверный ужас. Кто бы ни рассказывал нам о Ершалаиме – Иуда, Иванушка или сам автор, все упоминают «страшную», «мрачную» и «безжалостную» башню Антония. Мимо этой башни проходят, боязливо оглядываясь, только Афраний деловито забегает туда время от времени.

Как к себе домой, входят два «посетителя» в квартиру Никанора Босого. Следом за ними вошла

почему-то очень бледная Пелагея Антоновна. При взгляде на граждан побелел и Никанор Иванович и поднялся.

Бойтся «их» и финдиректор Римский:

Странное дело: такому деловому человеку, как финдиректор, проще всего, конечно, было позвонить туда же, куда отправился Варенуха, и узнать, что с ними стряслось, а между тем он до десяти часов вечера не мог принудить себя сделать это... Римскому было известно, куда он ушел и... не пришел обратно!

Римский пожимал плечами и шептал сам по себе: «Ни за что!» Услышав от незнакомца, что он «по делу», Маргарита Николаевна восклицает: «С этого и нужно было начинать... Вы хотите меня арестовать!» Тут даже посланник Воланда удивляется. «Что это такое: раз заговорил, так уж непременно арестовать!» Надменная супруга Аркадия Аполлоновича, услышав, «откуда спрашивают».

как стрела полетела в спальню..., а через четверть минуты Аркадий Аполлонович в одной туфле на левой ноге, в одном белье уже был у аппарата, лепеча в него: «Да... Слушаю, слушаю...» Отмахиваясь от жены босой ногой и делая ей зверские глаза, бормотал в телефон: «Да, да, да, как же, я понимаю... Сейчас выезжаю».

При одном упоминании об органах дворник немедленно отпускает Иванушку.

Через минуту он забился в руках дворника сатанинского вида.

– Ах ты, буржуазное рыло, – сказал дворник, давя иванушкины ребра, – здесь кооперация, пролетарские дома, окна зеркальные, медные ручки, штучный паркет, – и начал бить Иванушку не спеша и сладко.

– Бей, бей! – сказал Иванушка. – Бей, но помни! Не по буржуазному рылу лупишь, по пролетарскому. Я ловлю инженера, в ГПУ его доставлю.

При слове ГПУ дворник выпустил Иванушку, на колени стал и сказал:

– Прости, Христа ради, распятого же при Понтийском Пилате.

Эта сцена напоминает эпизод в «Белой гвардии», когда дворник хватал Николку. Вероятно, дворники были иной ипостасью той отвратительной inferнальной силы обывателя, воплощавшейся для Булгакова в Василии Ивановиче, управдоме.

«Куда надо» попадают не только валютчики, бандиты или «вредители». Наиболее серьезное преступление – слово.

За тобою записано немного, но записанного достаточно, чтобы тебя повесить...

Я его умолял: сожги ты, Бога ради, свой пергамент.

В первоначальном варианте романа просьба Иешуа звучала, на наш слух, еще современной: «Сожги, пожалуйста, ты эту записную книжку».

Азazelло спрашивает трясущегося от страха Алозия Могарыча:

Это вы, прочитав статью Латунского о романе этого человека, написали на него жалобу с сообщением о том, что он хранит у себя нелегальную литературу?

Как мы знаем, «жалоба» была услышана, и к мастеру «в окно постучали».

Степа Лиходеев, увидев на дверях Берлиоза роковую печать, судорожно начинает вспоминать о

каком-то сомнительном разговоре... с Михаилом Александровичем... на какую-то ненужную тему... До печати, нет сомнений, разговор этот мог бы считаться совершеннейшим пустяком, но вот после печати...

«Вот этих бы врунов, которые распространяют гадкие слухи... вот их бы следовало разъяснить!» – шипит в ресторане мадам Петракова. Ей вторит Иван Бездомный: «Взять бы этого Канта, да за такие доказательства года на три в Соловки».

Воlanda это предложение приводит в восторг. Однако если вспомнить о конце философа Иешуа... (Отметим в скобках, что три года – срок относительно небольшой и свидетельствующий о сравнительно вегетарианском времени, как, впрочем, и самое упоминание о Соловках, служивших символом репрессий в 20-е годы.)

Пребывание «там» заметно отражается на психике арестованных: Мастер потерял главное для себя – импульс к творчеству, а Никанору Ивановичу снятся страшные сны. Оба после контактов с «ними» оказываются в психиатрической лечебнице. Следует заметить, что больница выступает в окончательной редакции романа как некий эвфемизм места заключения. Согласно сообщению М.Чудаковой, в третьей редакции (1933 г.) Никанора Ивановича ведут на окраину города в тюрьму.

И он понял, что его ведут для того, чтобы совершить с ним самое ужасное, что могут совершить с человеком, – лишить свободы.

Мастер появлялся на балу Воlanda в лагерном обмундировании:

Ватная мужская стеганая куртка была на нем. Солдатские штаны, грубые высокие сапоги.

Похоже, автор романа примерял арестантский костюм на себя. По словам Елены Сергеевны Булгаковой, в 1933–34 годах Булгаков боялся один ходить по улицам, а узнав об аресте Н.Эрдмана, сжег главы романа о пребывании Босого и Мастера в лагере.

Арест и допрос в романе – стихийное бедствие, против которого бесполезно протестовать, а надо лишь подчиниться и покорно ждать, что с тобой пожелают сделать. Мастер ненавидит литературных критиков и доносчика Алоизия, Босой поминает нехорошими словами Пушкина и артиста Савву Куролесова, но и Босой, и Мастер чуть ли не с почтением относятся к непосредственным мучителям и пославшей их высшей власти. Перед смертью казнимые (даже Иешуа) без возражений славят «великодушного игемона». Страх перед тайной полицией испытывают герои романа, независимо от того, в каком веке они живут. Да и сам автор предпочитает не упоминать «их» всуе. Характерная реакция первых слушателей романа. Е.С.Булгакова записывает в дневнике в мае 1939 года:

Миша за ужином говорил: «Вот скоро сдам, пойдет в печать». Все стыдливо хихикали... Последние главы слушали почему-то закоченев. Все их испугало, – Паша Марков потом в коридоре меня испуганно уверял, что ни в коем случае подавать нельзя – ужасные последствия могут быть.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ (ГОРОД)

Параллель между Москвой и Ершалаимом достаточно очевидна. Борис Гаспаров и вслед за ним другие исследователи приводят множество более или менее убедительных совпадений в изображении двух городов. Мариэтта Чудакова показала, что описание и Ершалаима, и Москвы восходит к картине Вечного города Рима, нарисованной Гоголем (с этой картины, между прочим, начиналась булгаковская инсценировка «Мертвых душ» в Художественном театре). И Чудакова, и Гаспаров вспоминают о Киеве в «Белой гвардии», Городе с большой буквы, который тоже состоит из двух частей: Верхний и Нижний город, с Лысой горой, расположенной неподалеку. «Как по-твоему? – спрашивает Воланд у клетчатого гаера, – Московское народонаселение значительно изменилось?

- Точно так, мессир...
- Горожане сильно изменились внешне, я говорю, как и сам город, впрочем.

Любопытен не столько ответ, сколько сам вопрос. Изменилось по сравнению с чем, с каким временем? В романе нет указаний, что Воланд и его приближенные прежде бывали в Москве, ничто в городе их специально не интересует, ни одно место не кажется вполне знакомым. Вероятно, они сравнивают московское народонаселение с жителями городов, которые они посещали прежде, например, с Римом или Ершалаимом. Скорее всего речь идет о некоторой единой модели Города, где от века живут люди, где сбегает с горы кривые улочки, а из освещенных окон слышится пение.

И силуэт города на горизонте призрачно-вечен:

Исчезли всякие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонейский дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды...

Пропал Ершалаим – великий город, как будто не существовал на свете.

Вид Москвы оказывается неотличим от Ершалаима.

Воланд не отрываясь смотрел на необъятное сборище дворцов, гигантских домов и маленьких обреченных на слом лачуг...

- Какой интересный город, не правда ли?..
- Мессир, мне больше нравится Рим!
- Да, это дело вкуса...

Это тьма, пришедшая с запада, накрыла громадный город. Исчезли мосты, дворцы. Все пропало, как будто никогда не было на свете.

Все то же: и пришедшая с запада тьма, и жара, и круглая золотая луна на небосклоне. В конце романа исчезающую на горизонте Москву Воланд прямо называет Ершалаимом:

- Так значит, туда? – спросил мастер, повернулся и указал назад, туда, где сооткался в тылу недавно покинутый город с монастырскими пряничными башнями, с разбитым вдребезги солнцем в стекле.

- Тоже нет, – ответил Воланд... махнул рукой в сторону Ершалаима, и он погас.
- ...Ни скал, ни площадки, ни лунной дороги, ни Ершалаима не стало вокруг.

Исчезновение города, его трагический конец – один из устойчивых лейтмотивов творчества Булгакова. Вслед за падением Иерусалима, Рима, Константинополя, обречен, очевидно, исчезнуть и «третий Рим», красная Москва. Она чудом избежала уничтожения в «Роковых яйцах» (летом 1928 года), и вновь гибель в облике нечистой силы приблизилась к ней (опять же в 1928!). В одном из первоначальных вариантов романа («Черный маг») Иванушка пророчествует:

– Ну, пусть погибает Красная столица, я в лето от рождества Христова 1943-е все сделал, чтобы спасти ее! Но... но победил ты меня, сын погибели, и заточил меня, спасителя.

Он поднялся и вытянул руки, и глаза его стали мутны, но неземной красоты.

– И увижу се в огне пожаров, в дыму увижу безумных, бегущих по Бульварному кольцу...

В ранних вариантах в конце романа действительно горела вся Москва, включая дом Пашкова. Кажется, что в отличие от Иванушки, Булгаков испытывает даже определенное удовольствие, описывая пожары и гибель столицы, вкладывая в эти описания наряду с апокалиптическими и историсофскими настроениями, личные эмоции. Отметим также, что в приведенном отрывке Иванушка титулуется себя «спасителем», что вновь отсылает нас к параллели с Христом.

Город у Булгакова – место действия в самом общем смысле слова. Каждая сцена разыгрывается чаще всего ограниченным числом действующих лиц на небольшой площадке (садовая скамейка, колоннада дворца, вершина холма, квартира, ресторан, приемная больницы, магазин и так далее). Город – это пейзаж, кулисы и задник сцены. Шум толпы, крики разносчиков воды, взрывы смеха при виде пробегающих дамочек в неглиже, – звуковое оформление, звучащее за сценой. О происходящих событиях мы узнаем из реплик героев; краткое авторское вмешательство носит характер репризы рассказчика, который появляется на авансцене в перерыве между картинами. Совмещая Москву и Ершалаим, автор как бы вкладывает один город в другой: рассказ о событиях в Ершалаиме происходит в Москве. Мы узнаем о московской жизни и одновременно видим ершалаимскую вместе с москвичами и глазами москвичей. Это напоминает русскую матрешку. Возникает как бы сцена на сцене, представление внутри представления. Такой прием ослабляет границу между читателем и героем, сценой и зрителем, ибо намечается еще одна граница, которая делает зрителей участниками представления. Граница между залом и сценой становится неопределенной, и каждый из нас чувствует себя наблюдателем, вовлеченным в то же время в общее, не прекращающееся вот уже много столетий действие. Похожий эффект создается, когда мы присутствуем в театре Варьете и Коровьев нарушает на наших глазах границу рампы, рассыпая по залу волшебные червонцы и приглашая зрителей посетить дамский магазин на сцене. Интересно, что соучастие зрителей в «доработке спектакля» было лозунгом оппонента Булгакова Всеволода Мейерхольда. Своеобразным итогом сложных отношений драматурга и режиссера был спектакль театра на Таганке «Мастер и Маргарита», поставленный последователем Мейерхольда и поклонником Булгакова Юрием Любимовым в 1977 году.

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ

Когда именно происходит действие «Мастера и Маргариты»? Автор не дал нам точного ответа на этот вопрос, чем доставил немало хлопот исследователям. В первом варианте романа встреча с подозрительным иностранцем происходила 14 июня 1935 года. В одной из последующих версий («Черный маг») названа дата 14 июня 1943 года. 14-е в Москве совпадает с 14 нисана в иудейских главах, – дата еврейской пасхи, события, играющего в романе ключевую роль. Отметим неточность в «Энциклопедическом словаре русской литературы» Вольфганга Казака: день рождения Булгакова указан по старому стилю 14-го, а не 15-го мая. По свидетельству племянницы писателя Е.А.Земской, день рождения Булгакова отмечали и 16 мая (см. ст.). Этот период со второго по четвертое мая по новому стилю, как будет показано дальше, весьма важен для времени действия романа.

Июнь, казалось бы, не связан с главной сюжетной линией произведения: ни полнолуния, ни пасхи в соответствующие годы на июнь не приходится. Однако в окончательном варианте романа время действия заставляет думать скорее об этом месяце: тут и изнуряющая жара (маловероятная в мае), и другие приметы лета (торгующие повсюду ларьки газированной воды, ресторанные столики, вынесенные на улицу, пение соловьев на даче в Перельгине, купанье в реке, заросли цветущей сирени около уборной театра Варьете и т.п.). Рискну высказать предположение, что в июне 1928 года была начата работа над романом и описания природы – зарисовка происходившего вокруг.

Точное время начала работы над романом неизвестно. Можно лишь сказать, что это был 1928 год. Первый вариант был завершен, по указанию Чудаковой, к началу мая следующего, 1929 года. Рукопись состояла из 15 глав (если не больше). Автором была проделана большая подготовительная работа, следы которой видны в черновиках. Обдумывание сюжета, чтение материалов, выписки, планы, наброски и т.д. должны были занять довольно много времени, следовательно, можно предположить, что непосредственное начало работы относится к концу весны – началу лета 1928 г. Совместная работа Булгакова и его жены (часть текста написана рукой Л.Е.Белозерской) скорее всего происходила в конце 1928 и начале 1929 г., так как весна, лето и осень 1928 года прошли в разъездах.

Завершив работу над пьесой «Бег», 22 апреля Булгаков с женой отправляется в путешествие по Кавказу: Тифлис, Батуми, Зеленый мыс, Чиатури, Владикавказ. В этой поездке, скорее всего на побережье Черного моря, 3 мая Булгаков встретил свое 38-летие. На небе светила большая южная луна. Совпадение дня рождения с полнолунием сыграло, возможно, некоторую роль в хронологии «Мастера и Маргариты». В конце мая – начале июня Булгаков и Белозерская посещают Ленинград, а в июне Любовь Евгеньевна едет на Волгу; М.А. остается в Москве. В конце лета Булгаков отправляется в Одессу, в октябре он в Тифлисе. По мнению М.Чудаковой («Жизнеописание Михаила Булгакова», 1988).

впечатления от летней поездки на Кавказ – именно от театра лилипутов – входили в роман и одновременно датировали работу над восьмой главой не ранее чем концом лета 1928 года.

Как сообщила Л.Белозерская, встреча с лилипутами состоялась в мае, во время первой поездки на Кавказ. До отправления поезда Владикавказ–Москва оставалось много времени, и они отправились в театр. Этот эпизод тоже нашел отражение в первом варианте романа: директор театра Герася Падулаев заброшен волшебной силой на Кавказ, где у подножия Столовой горы спрашивает лилипута: «В каком городе я?» Чтобы написать к исходу лета восемь глав, писатель, очевидно, должен был начать работу не позже начала мая – середины июня.

Отметим, что в середине июня 1928 г. Булгаков находился в Москве один: 14-го он посылает жене деньги и телеграммы в город Вольск. Возможно, именно в это время, в одиночестве, писатель делает первые наброски будущего произведения.

Дату происшествия на Патриарших прудах в окончательном варианте «Мастера и Маргариты» можно реконструировать. Бал у сатаны происходит в ночь полнолуния с пятницы на субботу, в мае. Согласно вечному календарю (см. С.Селешников, «История календаря и хронология», 1972), это могло случиться с 4 на 5 мая 1928 года. Цифра пять, по мнению Б.Гаспарова, имела для Булгакова особый символический смысл (пять доказательств бытия Бога, пятый прокуратор Иудей, пятисвечия, квартира № 50; дом 302, как и 14-е число, дают 5 в сумме цифр). Завершение романа пятого мая придает утверждению Гаспарова несколько большую убедительность.

Ряд косвенных сведений подтверждает, найденную нами дату (4–5.5.1928). Мастеру около 38 лет, столько же, сколько исполнилось Булгакову 3 мая 1928 г.

В этот день, точнее, в ночь на четверг 3 мая Мастер появляется в романе. Можно предположить, что изменение даты с 14 июня на 2 мая последовало за появлением Мастера в качестве героя произведения, чтобы подчеркнуть общей датой рождения близость автора и персонажа. Если совпадение 14 июня и 14 нисана в первом варианте романа было чисто формальным, числовым, то в окончательном тексте совмещены события: полнолуние, начало еврейской пасхи и распятие Христа. Правда, в 1928 г. еврейская пасха приходилась на 5 апреля (в 1929 – на 22 апреля, в 1927 – на 17 апреля; ни в XIX, ни в XX веке пасха вообще ни разу не выпадает на май).

Если верно предположение, что роман был начат 14 июня, то перенос даты начала действия на 2 мая должен был отчасти означать перемещение начального метафизического события – явления Воланда. Таким образом, вечер и ночь со 2 на 3 мая стали началом всех начал (день рождения Булгакова и Мастера, начало работы над романом и начало цепи событий в Москве и Ершалаиме).

Иешуа в романе 27 лет, что более или менее совпадает с предполагаемым возрастом Христа в 28 году н.э. Как замечают исследователи, это возраст князя Мышкина, что, быть может, бросает свет на литературные корни булгаковского персонажа. Круглая дата – 1900 лет со времени евангельских событий – явно привлекала автора. По сообщению Б.К.Соколова («Филол. науки», 1987, 12), в первой редакции романа говорилось: «Тысяча девятьсот лет пройдет, прежде чем выяснится, насколько они наврали, записывая за мной». Отголосок этой даты слышен в вопросе Маргариты о судьбе Пилата: «12 тысяч лун за одну луну когда-то, не слишком ли это много?» Конечно, много. Скорее всего тут просто арифметическая ошибка, 1900 лет – это почти 24000 лунных месяца (23499,7).

1928 год был последним годом нэпа, и многие его черты воспроизведены в романе. Обилие извозчиков, частные застройщики, частные врачи, относительное экономическое благополучие. В раннем варианте романа Арчибальд Арчибальдович угрожал швейцару: «Биржа труда по тебе плачет». В окончательном тексте стоит: «Ты лучше в церковь сторожем поступи». Биржа труда была закрыта в четвертом квартале 1930 г. в связи с формальной ликвидацией безработицы.

Вместе с тем множество деталей в тексте указывает на события начала, середины и даже конца тридцатых годов. Б.Гаспаров находит, что в романе прослеживаются два плана:

1924–26 гг. Многочисленные детали, указывающие на расцвет нэповского быта, процветание Соловков и ВАППа, а также биографический подтекст травли мастера с его романом хорошо согласуются с этой датировкой. Второй план – это время второго юбилея Пушкина, визитов в Москву знаменитых иностранцев, то есть 1936–38 гг.

«Мастер» вобрал в себя самые различные элементы советской жизни двадцатых–тридцатых годов. В ходе работы над книгой автор вводил в нее все новые характерные штрихи эпохи.

М.Чудакова установила, что глава «Сон Никанора Ивановича» появилась в работе над третьей редакцией романа осенью 1933 года; она составляла 175 страниц (около четверти всего текста), то есть была заметно больше, чем в окончательном варианте. Кампания изъятия ценностей развернулась в стране в начале тридцатых годов под флагом сбора средств для индустриализации, в 1933 году она была хорошо памятна всем. Тогда же, в начале тридцатых, был снесен храм Христа Спасителя, поблизости от которого в «Черном маге» купался Иван Бездомный.

Очень важен для героев романа паспорт: где выдан, где прописан, постоянно или временно. – жители Москвы хорошо разбираются в этих вопросах. Выдача паспортов началась в 1932 году. Примерно в то же время были открыты торгсины. Глава о последних похождениях Коровьева и Бегемота была написана осенью 1934 г. В середине 30-х годов были пушены в Москве

первые троллейбусы. (Открытие первой линии метро в мае 1935 г. почему-то не нашло отражения в романе.)

Пушкину в окончательном варианте романа уделяется больше внимания, чем в черновиках (сон Никанора Ивановича, арии, которыми сопровождается передвижение Ивана Бездомного по Москве); вероятно, это связано с празднованием в 1937 г. столетия со дня смерти поэта. В «Черном маге» вместо арий во дворах звучали частушки. В том же 1937 году, в июне, в Москве стояла необычайно сильная жара.

Последнее календарно определенное событие – появление на балу у сатаны Ягоды и его помощника Буланова. Они были осуждены и расстреляны 13 марта 1938 года.

Становление советского режима сопровождается формированием нового привилегированного слоя. В романе об этом сигнализируют писательские дачи в Перельгине, шикарный ресторан, дом Драмлита, отделанный черным мрамором. Ранний вариант романа («Черный маг») показывает, что эта роскошь не связана с нэпом. Не было сначала ни умеющего жить Амвросия с его филейчиками, ни фляжков господарских, ни куриных котлет де-воляй. Ели в Грибоедове на грязных скатертях и запивали шницели и эскалопы водкой и боржомом. Кончился нэп, и на улицах Москвы выстраиваются очереди за «яйцами, керосином и молоком». В романе в очередях за молоком стоит Аннушка.

Таким образом, здесь собраны факты, охватывающие более чем десятилетний период с конца 20-х до конца 30-х годов. Нарисованная картина, в сущности, относится ко всей советской жизни и проецируется на события двухтысячелетней давности. Под взглядом Воланда и его присных все актуальное становится малосущественным и вместе с тем вневременным. Это не историческое время, где каждое событие связано с предыдущим, составляя хронологическую цепочку, а некая неизменная длительность, которую Б.Успенский называет космологическим временем. Происходящее как бы прокручивает первоначальный онтологический текст – миф с его архетипическими персонажами. Конечно, события так или иначе приурочены к конкретным датам, но в конце концов это малосущественная с точки зрения вечности условность. «Чисел не ставим, с числом бумага станет недействительной», – решительно отказывается выполнить просьбу Николая Ивановича Бегемот.

Первоначально в романе события разных эпох включали еще один временной пласт, который связывал советскую Москву с веком Ивана Грозного. Иванушка кричит в Грибоедове:

Скажите, что я, мол, сказал, чтоб Алексей Иванович распорядился, чтоб послал стрельцов на мотоциклетке инженера ловить. Так они его нипочем не догонют...

Он рассказывает психиатру:

- С Москвы реки бросился в Кремль, но у Спасских ворот стремянные стрельцы не пустили! Иди, говорят, божий человек, проспись.
- Вооруженные были стрельцы?
- Пищалы в руках, как полагается.

Иванушка после гибели Берлиоза исполняет частушки о Пилате, а затем перевоплощается в блаженного нищего, чтобы, подобно пушкинскому юридому в «Борисе Годунове», осудить царскую власть:

Суровый голос послышался:

- Гражданин! Петь под пальмами не полагается. Не для того сажали их.
- В самом деле, не видал я пальм, что ли, – сказал Иванушка, – да ну их к лысому бесу. Мне бы у Василия Блаженного на паперти посидеть...

И точно, учинился Иванушка на паперти. И сидел Иванушка, погромыхивая веригами, а из храма выходил страшный грешный человек – исполу царь, исполу – монах. В трясущейся руке держал посох, острым концом его раздирал плиты. Били колокола. Таяло.

– Студные дела твои, царь, – сурово сказал ему Иванушка, – лют и бесчеловечен, пьешь губительные обещанные дьяволом чаши, вселукавый мних. Ну, а дай мне денежку, царь Иванушка, помолюсь ужю за тебя.

Отвечал ему царь, заплакавши:

– Почто пужаешь царя, Иванушка. На тебе денежку, Иванушка-верижник, божий человек, помолись за меня!

И звякнули медяки в деревянной чашке.

Завертелось все в голове у Иванушки, и ушел под землю Василий Блаженный. Очнулся Иван на траве в сумерках на Патриарших прудах, и пропали пальмы, а на месте их беспокойные МКХ уже липы посадили.

Кстати, пальмы на Патриарших, которые появляются в момент, когда Иванушка отправляется в иную эпоху, отсылают нас к стихотворению Гумилева «Заблудившийся трамвай», где трамвай выступает в качестве машины времени и пролетает сквозь рощу пальм, через Неву, Нил и Сену. Герой замечает умершего год назад старика, видит корзину с отрубленными головами, и среди них его собственная. Трамвай, пальмы и отрезанная голова появляются и в романе Булгакова.

В дальнейшем (в 1934 году) мотивы, связанные с Иваном Грозным, выпали, выделившись в самостоятельное произведение – пьесу «Иван Васильевич». Интересно, что вместе с царем Иваном Васильевичем из романа исчез его отвратительный двойник – Василий Иванович. Весной 1925 года, обдумывая будущий роман, Булгаков писал:

Клянусь всем, что у меня есть святого, каждый раз, как я сажусь писать о Москве, проклятый образ Василия Ивановича стоит передо мной в углу. Кошмар в пиджаке и полосатых подштанниках заслонил мне солнце. Я упираюсь лбом в каменную стену, и Василий Иванович надо мной, как крышка гроба.

Вероятно, вначале роль Василия Ивановича предназначалась Никанору Ивановичу Босому. Говоря о покое, уготованном Мастеру, автор упоминает и Никанора Ивановича:

Исчезнет из памяти дом на Садовой, страшный Босой, но исчезнет и мысль о Га-Ноцри и о прощенном игемоне.

В окончательном тексте Босой уже не пугает мастера, может быть, потому, что в конце 30-х годов воспоминание о мелких бесах, живущих по соседству, перестало быть столь мучительным: их вытесняют более крупные бесы. Никанор Босой оказывается жертвой системы и даже вызывает у нас сочувствие.

Вместе с царем Иваном Грозным из романа исчезла машина времени в ее «традиционном» (уэллсовском) виде. В окончательном тексте свободой перемещения обладают лишь Воланд и его свита, но близость различных эпох в романе еще достаточно ощутима.

Внимание исследователей привлекло и движение часовой стрелки в романе. Чешский ученый П.Абрагам считает, что Булгаков использовал философские идеи Павла Флоренского о мнимостях в строении вселенной, а также общие принципы теории относительности. Так, полет Маргариты на метле означает, по мнению П.Абрагама, движение со скоростью света, а когда Маргарита поворачивается вниз головой, она переходит в мнимое пространство с иной скоростью протекания времени. Расхождение между оценкой времени по солнцу (приговор произносится Пилатом приблизительно в полдень) и утверждением автора в конце главы: «Было около десяти часов утра», Абрагам объясняет тем, что «разъединенные стороны двойного пространства нельзя полностью координировать» («Павел Флоренский и Михаил Булгаков», журн. «Филологические науки», 1990, 7).

Примеры эти не кажутся нам убедительными, тем не менее вопрос о близости представлений Булгакова и Флоренского заслуживает тщательного исследования.

Упоминание времени в конце главы «Понтий Пилат» скорее всего – реликт первоначального замысла, когда время плавно перетекало из исторических глав в современные и обратно. В «Черном маге» глава о событиях в Ершалаиме кончалась репликой Воланда: «И был, достоуважаемый Иван Николаевич, час восьмой». Следующая глава начиналась в Москве с того же момента: «И был на Патриарших прудах час восьмой».

Этот принцип перетекания времени сохранялся в черновиках романа до тех пор, пока первая часть ершалаимских глав, которая заканчивалась смертью Иешуа Га-Ноцири на кресте вечером в восьмом часу, не была разорвана на два отрывка, оказавшиеся в разных местах романа (главы «Понтий Пилат» и «Казнь»). Это сделало невозможным сохранение времени действия, и автор использовал условный прием: начав следующую главу по-прежнему повторением времени, он указывает не московское, а все еще ершалаимское время. «Да, было около десяти часов утра, достопочтимый Иван Николаевич, – сказал профессор» (гл. «Седьмое доказательство»).

Дальнейшая работа над «Мастером» сделала рисунок времени довольно сложным, так что, например, П.Абрагам рассматривает роман как хитроумную, построенную по сложнейшим физическим законам конструкцию:

Мы видим, что в романе согласованы параллельные временные промежутки. Точный анализ движения времени позволяет заключить, что во время рассказа Воланда часы Иерусалима и Москвы измеряли в круговом движении часовых стрелок один и тот же (приблизительно) временной интервал, с четырех часов до десяти, хотя вместе с тем противоположный, обратный (вечер в Москве, утро в Иерусалиме...) Временная параллель сюжетных линий Москвы и Иерусалима не случайна, она повторяется в другом отрывке романа о Пилате, который автором описывается как сон поэта Бездомного. Этот сон начинается перед четвертым часом, как и казнь Иешуа (на этот раз в Москве утро, а в Иерусалиме наступает закат солнца)... Если сравнить движение времени в сюжетных линиях Москвы и Иерусалима в первой части романа, можно сделать следующее заключение: московское время движется в три раза быстрее, чем время в Иерусалиме. В Москве малая стрелка часов прошла три круга (36 часов), в Иерусалиме – один (12 часов)... В концепции Флоренского время вечного – по отношению ко времени на Земле – течет в обратном смысле. Подобного рода эффекта Булгаков достигает с помощью разных скоростей в круговом движении времени в отдельных сюжетных линиях.

Все это кажется сомнительным. Автор противоречит себе, когда утверждает, что стрелки часов движутся примерно одинаково со сдвигом на 12 часов, а затем говорит, что одна из стрелок бежит в три раза быстрее.

Правильней будет сказать, что в обеих частях романа события происходят синхронно. Они начинаются с прихода Иешуа в Ершалаим в среду вечером, в Москве – с разговора на Патриарших в среду вечером. Заканчивается действие в субботу ночью погребением казненного и сном Пилата в Ершалаиме, а в Москве – балом сатаны (не в честь ли распятия Христа устраивается этот бал для преступников всех времен и народов?); Мастер и Маргарита возвращаются к себе в подвал. Синхронность времени не означает, конечно, что все эпизоды отражены в тексте одинаково подробно. Напротив, одним фактам уделяется много внимания, о других мы узнаем по ходу дела из случайных реплик. Такое описание похоже на смену театральных картин, когда действие на сцене происходит со скоростью житейских событий, а в промежутках, за сценой, герои могут перенестись в любое место пространства и любую эпоху.

События в субботу вечером – это эпилог к обоим частям романа; не случайно там появляются все герои: Воланд, Левий Матвей, Мастер, Пилат, завершаются все сюжетные ходы, возникают и исчезают оба города – Москва и Ершалаим. Эта заключительная сцена напоминает театральную развязку, когда герои снимают маски и под аплодисменты зрителей выходят на авансцену.

Булгаков не разделял веры его современников в исторический прогресс. Ничто не ново под луной, мало что, в сущности, меняется в течение столетий, и меньше всего взаимоотношения человека с государством. Мерилом этической

оценки остается евангельская коллизия, вновь и вновь разыгрываемая в наших сердцах.

«Каждому воздается по его вере», – эти слова Воланда оказались такими же пророческими, как и хрестоматийное «Рукописи не горят». Мы сильно изменились за эти годы, почувствовали относительность прогресса, пришли к пониманию постоянства природы человека, ответственности личности. Мы обнаружили трещины на стенах нашей цивилизации и почувствовали маскарадно-карнавалный характер современной жизни. Нелегкий путь осознания этих проблем проделали на наших глазах блестящие писатели. Мы с интересом и благодарностью читали Кафку, Джойса, Камю, Сартра, Томаса Манна. И в конце дороги, вернувшись к коренным общечеловеческим ценностям, встретились с романом Булгакова. Автор «Мастера и Маргариты» предвосхитил многие наши сомнения, разочарования, колебания. О, как он угадал!

СПОРЫ О ПРОШЛОМ

Меньшевики и социалисты-революционеры – единственные из крупных российских партий, сохранившие легальный, а затем – полуделегальный статус после Октября 1917 г. Объясняется это не только тем, что это были партии левые, социалистические, а, значит, и родственные большевикам, но и тем, что это были партии советские в первоначальном смысле этого слова: Советы в 1917 г. – первой половине 1918 г. возглавлялись меньшевиками и эсерами. По до большевистского переворота Советы не являлись органами государственной власти, да и не претендовали на такую роль. Это, по нынешней терминологии, были скорее «неформальные» организации солдат, рабочих, крестьян. Другое дело, что влияние Советов в 1917 г. было велико, и Временное правительство – в котором сидели опять же социалисты-революционеры и меньшевики – не могло не оглядываться на Советы.

Потерпевшие крах после Октября, меньшевики и эсеры ушли в небытие. Но опыт проигравших не менее ценен для истории, чем опыт победителей. К тому же для вчерашних победителей – РКП(б)-КПСС – на наших глазах наступает двенадцатый час.

Обстоятельная история побежденных пока еще не написана. Но многое в этом направлении уже сделано. Не так давно в Голландии и в США вышли книги, посвященные истории партии меньшевиков (РСДРП) и Партии С.-Р. после Октябрьского переворота.

Амстердамский Институт социальной истории выпустил солидный – почти 800

страниц – том документов из архива П.С.-Р. Почти все эти документы никогда ранее не публиковались, они хранятся в западных архивах: в самом Институте социальной истории и в архиве Гуверовского Института войны, революции и мира в Стенфорде, Калифорния. Редактор сборника, голландский историк Марк Янсен сгруппировал документы по хронологическому и географическому принципам. Таким образом, мы можем наблюдать, как вела себя П.С.-Р. от месяца к месяцу, в том числе в отдельных регионах, например, в Сибири, на Украине, в Закавказье и, наконец, в эмиграции.

П.С.-Р. (не путать с левыми эсерами, союзниками большевиков после Октября), как и меньшевики, осудила переворот, разгон Учредительного Собрания и последующий большевистский террор, но в условиях гражданской войны надо было делать выбор: за «красных» или за «белых». И меньшевики, и социалисты-революционеры не были однородны: в их рядах были свои «правые» и свои «левые». И в той, и в другой партии с конца 1917 г. верх взяли «левые». Меньшевики считали, что воюя с «белыми», большевики защищают не только свою власть, но и некоторые общие интересы революции. Значит, надо поддержать большевиков в их борьбе с «белыми». П.С.-Р. полагала, что «именно большевистское извращение революции отбрасывает в лагерь «белых» широкие слои крестьян, интеллигенции и даже части рабочих, а потому для возврата этих элементов в русло революции необходимо занять позицию независимой третьей силы». Но – как писал лидер эсеров В.М.Чернов, – «ни поддержка больше-

Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П.С.-Р. Редактор Марк Янсен. Амстердам, 1989.

Меньшевики после Октябрьской революции. Сборник статей и воспоминаний. Редактор-составитель Ю.Фельштинский. Chaldize Publications, 1990.

вистской власти против белых, ни поддержка белого движения против большевиков недопустима. Партия не может стать ни под одно из этих, чуждых ей политических знамен, а останется под своим собственным знаменем; поражение под собственным знаменем для нее почетнее, чем победа под знаменем, ей органически чуждым».

Позиция «третьей силы» и привела партию к поражению. На бастионах и плацдармах, завоеванных эсерами, поднялись чуждые ей знамена. П.С.-Р. в массовом сознании воспринималась и воспринимается как партия террористическая. По еще 12 декабря 1917 г. ЦК этой партии принял решение отказаться от террора в борьбе с большевиками. Напротив, теперь сами эсеры становятся жертвами большевистского террора. Нескольким членам партии погибло во время демонстраций в защиту Учредительного Собрания в Петрограде и в Москве. При том, как говорится в одном из документов, опубликованном в сборнике, виновниками расстрела были не только большевики, но и их союзники по коалиции – левые эсеры.

Почему П.С.-Р., столь решительно воевавшая с царизмом, имевшая опору в народе, не смогла возглавить борьбу с большевиками? Партия попыталась это сделать во времена Комуча в Самаре, под знаменем Учредительного Собрания, опираясь на собственную Народную Армию. Но этот период длился всего около четырех месяцев, притом на ограниченной территории. Тем временем в стране началось белое движение, и тогда-то и укрепляется идея «третьей силы», окончательно сформулированная на 9 Совете П.С.-Р. (июнь 1919 г.). Однако отношение к двум другим силам у П.С.-Р. не было «симметричным»: партия решила временно отказаться от вооруженной борьбы с большевиками и ограничиться борьбой политической. Но «временные» меры, как известно, оказываются самыми длительными. Так оно случилось и здесь: решение 9 Совета партии осталось в силе навсегда.

К большевикам П.С.-Р. относилась несколько иначе, чем к белым генералам. В письме ЦК всем организациям П.С.-Р. конца 1919 г., опубликованном в сборнике, говорится: «Большевистская власть имеет то общее с денкинской, что и та, и другая являются узкопартийными тираниями меньшинства над населением или народами... Но сходство не есть тождество, и власть большевиков, опирающаяся на меньшинство низовых трудовых слоев населения, эта партийная деспотия, сдобренная охлократической демократией, существенно отли-

чается от диктатуры Деникина, опирающейся на старые, привилегированные и имущие слои... Большевиизм есть безумная уродливая форма порыва бедноты к лучшему будущему». «Мы не можем не считаться с тем, что власть большевистская все же власть, «помазанная народным безумием», – говорил В.М.Чернов. Что касается белых, то в глазах эсеров, они были продолжателями политики царизма.

Ради справедливости следует отметить, что в партии были «правые», относившиеся более непримиримо к большевикам, чем к белому движению (Н.Д.Авксентьев, В.М.Зензинов, И.И.Бунаков и др.). Их позиция вызвала критику со стороны ЦК, острую борьбу в эмиграции, где оказались эти «правые» уже в 1919 г. (включая А.Ф.Керенского). «Правые» были против прекращения вооруженной борьбы с большевиками и в какой-то степени за иностранную интервенцию. В 1920 г. они выступили с заявлением против планов некоторых союзных государств признать советское правительство (партия в целом эту идею поддерживала). С другой стороны, эта же группа выступала против независимости Украины, Финляндии, прибалтийских и закавказских республик. Но тут позиции «правых» и ЦК совпадали: партия выступала, например, за демократическую федерацию Украины с Россией и против независимости Украины. Грузинские социалы-революционеры отделились от П.С.-Р., так как они стремились к независимости Грузии (украинские с.р. отделились еще в апреле 1917 г.).

Актуально звучит сегодня документ ЦК П.С.-Р. 1918 г., где говорится: «Лицемерство Совета Народных Комиссаров соперничает с их невежеством, ибо одновременно и рядом с признанием России «федерацией советских национальных республик» Народные Комиссары провозглашают Россию «советской республикой», прибавляя к ней украшающие эпитеты «федеративная» и «социалистическая». Между тем, федерация республик и федеративная республика – два различных и по существу непримиримых типа государственных образований. Федерация республик – это союз государств. Федеративная республика – это союзное государство».

Какой же путь выбирает П.С.-Р.? Федерацию республик или федеративную республику? В документе об этом сказано четко: «Мировая эволюция государственной жизни идет в сторону «сложения», а не разложения государств на составные части... Расчленение России на самостоятельные и независимые друг от друга области и народы грозит неисчислимыми бед-

ствиями их хозяйственному будущему». Под Россией здесь понимается не нынешняя РСФСР, а империя в дореволюционных границах. Как видим, аргументация эсеров полностью совпадает с нынешней позицией Горбачева.

Развитие советской федерации пошло в дальнейшем по желанному для эсеров пути. Но «непечислимых бедствий» для хозяйственного развития все же не удалось миновать...

С другой стороны, нельзя не отметить, что эсеры быстро раскусили суть нового большевистского строя. ЦК П.С.-Р. писал в своем обращении «ко всем трудящимся» (1 августа 1919 г.):

«Коммунисты... обещают все блага социализма, а дадут всеобщее обнищание.

Они обещают освобождение, а дадут всеобщее рабство.

Они обещают вечный мир, а дадут кровь и войну без конца».

Лидер партии В.Чернов в очерке, опубликованном в сборнике, называет советский экономический строй «интегральным государственным капитализмом». Он пишет: «Генеральная линия этого планового хозяйства есть не что иное, как форсирование индустриализации и капитализации буквально на костях современного поколения, под предлогом ошачивления какого-то из поколений будущих, которому, без сомнения, под тем же предлогом суждено подвергаться той же самой эксплуатации».

Это было написано в Праге примерно в 1930 г., то есть в те времена, когда многие прогрессивные деятели Запада восхищались «достижениями» СССР.

Возможна ли мирная эволюция большевизма? Этот вопрос на протяжении десятилетий возбуждал острые споры в эмиграции, как социалистической, так и «белой». В.Чернов считал, что «эта диктатура может быть только или свергнута всенародным восстанием, или сдаться под угрозой его созревания и наступления». О том, какой строй придет на смену большевистскому, у социалистов-революционеров разногласий не было. Им было ясно — это будет социализм, такой, как они его понимали. «Партия отвергает всякие союзы с такими общественными элементами, которые хотят победы над государственным капитализмом с целью его раздробления и возврата к капитализму частно-буржуазному».

Одним из парадоксов стратегии П.С.-Р. в 20–30-е гг. заключался в том, что, не признавая легитимности власти большевиков внутри страны и не веря в мирную эволюцию их диктатуры, партия стояла за признание Советской власти западными госу-

дарствами. Объяснялась такая позиция следующим образом: П.С.-Р. против интервенции, против войны, а интересы защиты европейского мира требуют признания СССР.

Именно поэтому П.С.-Р. сознательно пошла на установление буферной республики на Дальнем Востоке, именно социалисты-революционеры были инициаторами создания такого буфера, заранее сознавая, что со временем ДВР будет поглощена Кремлем. По мысли эсеров, буферное государство должно было служить для защиты России (Советской) от иностранной интервенции. Большевики согласились с этой идеей и начали переговоры с эсерами в Сибири, однако, постоянно обманывали последних, нарушая соглашения, достигнутые в процессе переговоров. Они стремились — вопреки достигнутым соглашениям — максимально урезать территорию буферного государства, требовали, чтобы армия этого государства подчинялась Красной Армии, и, кроме всего прочего, даже арестовывали своих партнеров по переговорам. Ленин телеграфировал своему подчиненному в Иркутск: «Меньшевики и эсеры должны войти в буферное правительство без всяких условий. Если не подчинятся нам без всяких условий, будут арестованы» (В.И. Ленин. ПСС. т. 51, М. 1970, с. 413). Этот беспрецедентный в мировой истории приказ (или вы входите в правительство, или идете в тюрьму) объяснялся тем, что для будущего правительства нужен был международный «мидж», оно должно было включать в себя не только большевиков, но и представителей других партий.

ДВР оказалась не таким государством, каким его воображали социалисты-революционеры. Лишь в Приморской области было создано коалиционное правительство, где был представлен весь политический спектр — от коммунистов до кадетов. Однако, как пишет редактор сборника, «этому способствовало присутствие японцев; так как большевики и японцы в какой-то мере уравнивали друг друга, то открывались перспективы для других политических группировок».

Как только японцы стали уходить из Приморья (октябрь 1922 г.), ДВР, с точки зрения большевиков, сделалась ненужной и все депутаты Народного Собрания от П.С.-Р. были арестованы. Через несколько недель уже послушно большевикам Собрание проголосовало за присоединение ДВР к РСФСР.

Все это не могло быть неожиданностью для эсеров. Большевик Кушнарев еще в феврале 1920 г. заявил меньшевикам и

эсерам на переговорах: «на другой день после ухода японцев будет создана Советская власть».

Зачем же было огород городить? Почему П.С.-Р. помогла большевикам советизировать Дальний Восток? Редактор сборника пишет: «Социалисты-революционеры... в какой-то степени позволили им (большевикам) себя использовать. Их поведение можно частично объяснить тем, что для них национальные интересы превалировали над партийными: они считали, что Восточная Сибирь принадлежит России, а не Японии, и что японцы – большее зло, чем большевики».

Весь эпизод с ДВР сильно смахивает на историю, рассказанную Василием Аксеновым в романе «Остров Крым», хотя автор вряд ли отталкивался от конкретного исторического события.

В документе начала 1920 г. один из большевиков признается, что Советское правительство рассчитывало создавать буферные государства «на Украине, в Латвии, Белоруссии, Эстляндии», чтобы с помощью «этих буферных государственных образований разговаривать с Западной Европой». Но эти попытки оказались менее успешными, чем на востоке страны.

В другом документе зафиксировано обращение большевика Краснощекова к социалистам-революционерам: «Нам (большевикам) нужно сохранить Дальний Восток за Россией. Здесь наша цель совпадает, хотя вы (с.р.) исходите из лозунгов «единая Россия», а мы из лозунгов «единый земной шар».

Полное уничтожение П.С.-Р. как партии на территории СССР можно отнести к 1925–26 гг. За границей же партия продолжала действовать, кипели споры, но постепенно вся эта деятельность становилась все более и более призрачной, если не сказать «потусторонней». Сборник Марка Янсена, который без преувеличения можно назвать энциклопедией по истории П.С.-Р. послеоктябрьского периода, отражает и это «потустороннее» бытие партии.

И вдруг, открывая № 9 «Литгазеты» за 1991 год, читаем в статье Ю.Черниченко: «Крестьянская партия России, учрежденная в сентябре 1990 года, продолжает процесс, возглавлявшийся социалистами-революционерами». Однако в этой же статье выясняется, что партия Ю.Черниченко стоит за частную собственность на землю, тогда как для П.С.-Р. это было совершенно неприемлемо. Хотя и крестьянской они были партией, но все же социалистической.

Послеоктябрьская история другой социалистической партии – меньшевиков – во многом сходна с историей П.С.-Р.

В сборник статей и воспоминаний «Меньшевики после Октябрьской революции», выпущенный Chahidze Publications, включены статьи Б.Николаевского, Г.Аронсона и С.Волина. По объему этот сборник меньше чем амстердамское издание, но и он достаточно информативен.

Меньшевики, как и социалисты-революционеры, поддерживали лозунг Учредительного Собрания, вместе возглавляли движение уполномоченных фабрик и заводов, в 1918 г. стояли на позиции полного и принципиального отрицания всего того, что составляло основы созданного большевиками государственного строя, как «губительного для революции и антидемократического» (из резолюции майского партийного совещания 1918 г.). «Основным и неизменным условием для ослабления экономической разрухи в настоящем и для экономического возрождения в будущем, – говорилось в этой резолюции, – является ликвидация большевистского режима, полное прекращение всяких утопических опытов над отсталой и истерзанной страной и установление демократического строя». Крушение большевизма казалось меньшевикам неизбежным и скорым. «Главной заботой партии, – пишет Б.Николаевский, – должно было... быть не столько содействие этому крушению, сколько подготовка условий для успешной борьбы против неизбежных попыток социально-реакционных классов на следующий день после этого крушения взять реванш за все обиды, нанесенные им в годы революции». За большевиками шли значительные группы пролетариата, и нужно было позаботиться, чтобы в процессе борьбы против большевистской диктатуры не была вырыта непроходимая пропасть между этими группами, с одной стороны, и всеми остальными элементами демократии – с другой. «Именно поэтому борьба против большевиков... должна была оставаться в рамках идейной борьбы, но не переходить в формы насильственного свержения большевистской диктатуры, во всяком случае, до того момента, когда антидемократический и антипролетарский характер последней не станет очевидным для всех».

В этих рассуждениях можно увидеть глубоко продуманную стратегию, но при условии, что крушение большевиков действительно наступит «завтра». Эта предположка оказалась чересчур оптимистической, и вся стратегия пошла насмарку...

В самом начале гражданской войны меньшевики, как и П.С.-Р., стояли на позиции «третьей силы», но это был весьма короткий период. С осени 1918 г. по целому ряду причин меньшевики снимают лозунг Учредительного Собрания и от

«третьего пути» отказываются. Это совпадает с переменой в отношении Советского правительства к меньшевистской партии, переменной, имевшей свои, в основном, международные причины. Под влиянием международных событий меняется и стратегия меньшевиков: революция в Германии, говорили их лидеры Ю.Мартов и Ф.Дан, открывает эпоху мировой социальной революции. Путь к социализму лежит через демократию. Проблемы русской революции решаются на фоне мировой социальной революции. «Решительно отвергая все планы насильственного свержения советской власти, совещание (РСДРП, конец 1918 года) взяло курс на превращение партии в оппозиционную партию, действующую на базе советского строя». Совещание потребовало от властей далеко идущих реформ демократического характера, в том числе, что особенно интересно сегодня, и такую: «лишение каких бы то ни было партийных организаций характера правительственных учреждений и прав на особые привилегии по сравнению с другими партиями революционной демократии». Почему нет точки после слов «другими партиями»? Потому что «партии революционной демократии» «более равны», чем другие.

В советской и в эмигрантской литературе сейчас можно встретить утверждение, что провозвестником идей нэпа был Троцкий. На самом деле, идеи перехода к нэпу – без употребления этой аббревиатуры – были выработаны меньшевистской экономической комиссией весной – летом 1919 г. и опубликованы в особой декларации под названием «Что делать?». Большевики были знакомы с комплексом этих предложений и так или иначе учли их в 1921 г.

В 1919 г. меньшевики переходят от позиции «третьей силы» к поддержке большевиков. Такова была официальная линия ЦК РСДРП, хотя нашлось и немало несогласных. Да и указание ЦК гласило: «не отклоняться от самостоятельной линии партии, остающейся оппозиционной данному режиму». Б.Николаевский пишет, что власти «относились к агитации меньшевиков, даже когда она была направлена на поддержку Красной Армии, с большим недоверием, так как это укрепляло общеполитические позиции меньшевиков... В некоторых местах доходило до того, что собрания партийной организации для обсуждения вопроса о мобилизации (в Красную Армию) приходилось проводить нелегально».

Как и П.С.-Р., ЦК меньшевиков был «левоцентристским». «Правые» выступали на конференциях и совещаниях с содокла-

дами, но «генеральная линия», в основном, определялась «левыми». Зарубежный представитель партии А.Аксельрод, непримиримо относившийся к большевикам, не устраивал больше ЦК, и вскоре ему на смену в Берлин были направлены более левые Ю.Мартов и Р.Абрамович. Правые меньшевики считали, что «нормальные капиталистические отношения явились бы шагом вперед по сравнению с большевистской практикой, и с точки зрения общего хозяйственного развития страны, и под углом защиты интересов рабочего класса специально». Отметим, что П.С.-Р. куда более настороженно относилась к капитализму: сказывалось народническое происхождение этой партии, ее «генетическая память».

Окончание гражданской войны не принесло успокоения стране и сопровождалось усилением репрессий против меньшевиков и П.С.-Р. Как пишет С.Волин, «недовольство режимом охватило все слои населения и даже взорвало единство РКП. И правящая партия, и оппозиция должны были перестроить свои ряды и свернуть на новую дорогу». Ситуация напоминала нынешнюю: «В Москве, Киеве, Туле и в других городах возникли рабочие волнения с требованием хлеба, свободной торговли, уничтожения на заводах коммунистических ячеек, выполнявших полицейские функции».

Меньшевики весьма критически оценили нэп: «В той реальной форме, которую принял нэп, он был мало похож на то, что предлагала РСДРП. Отступление от военного коммунизма было вынужденным и неискренним... Опыт нэпа убедил меньшевиков в том, что он представлял собою значительное улучшение по сравнению с военным коммунизмом, но половинчатое, трусливое и недостаточное, а не радикальный отказ от утопии и государственной опеки» (С.Волин).

Нэп принес меньшевикам новые репрессии, вынудил уйти в подполье (последнее легальное собрание парторганизации в Москве было в феврале 1921 г.), и, в конечном счете, РСДРП, как и П.С.-Р., была разгромлена.

Особый интерес в рецензируемом сборнике представляет статья Г.Аронсона «К истории правого течения среди меньшевиков». «Правые» были и внутри меньшевистской партии, и вне ее – имеются в виду внепартийные социал-демократы и группы. Среди внепартийных правых – такие крупные фигуры, как Г.В.Плеханов и И.А.Потресов, создатели российской социал-демократии. Фактически вне партии, которую он много лет идейно возглавлял,

оказался и П.Б.Аксельрод. В то время (1920 г.), когда руководство партии смотрело на большевиков скорее как на заблудших братьев, чем как на врагов (враги ведь были справа!), П.Аксельрод писал: «Не из полемического задора, а из глубокого убеждения, я характеризовал 10 лет назад ленинскую компанию прямо как шайку черносотенцев и уголовных преступников внутри социал-демократии. Такого же (по существу) характера методы и средства, при помощи которых ленинцы достигли власти и удерживают ее в своих руках». П.Аксельрод считал, что «в борьбе с этой властью мы имеем право прибегать к таким же средствам, какие мы считали целесообразными в борьбе с царским режимом».

Я не случайно писал выше, что две новые книги, о которых идет речь, будут полезны историкам. Казалось бы: гласность, отмена цензуры, отмена «шестой статьи», раскрепощение – пора отходить от ленинско-сталинских схем в историографии. Но вот собрались за «круглый стол» в Москве («Литгазета», 15 августа 1990 г.) доктора исторических наук и обсуждают проблемы революции, террора, гражданской войны. Цитирую:

«А.Велидов. Большевики не раз предлагали эсерам и меньшевикам отказаться от конфронтации. Но они не пошли на это.

Г.Иоффе. Они все не проявили доброй воли, я считаю.

В.Логинов. В условиях острейшего противоборства революции с контрреволюцией, характерных для гражданской войны, попытка меньшевиков и эсеров создать «третью силу»... была заведомо обречена на провал. Там, где им временно удавалось взять верх, они немедленно становились ширмой, вернее, трамплином для подготовки и перехода власти в руки кровавой диктатуры царских генералов».

Это неправда. Во-первых, свалены в кучу меньшевики и эсеры, а мы видели, что именно в разгар войны, «в условиях острейшего противоборства», меньшевики как раз отказались от позиции «третьей силы». Они поддержали большевиков, и что получили взамен? Уничтожение партии, а затем и собственное физическое уничтожение.

Неправда, что власть П.С.-Р. оказалась «трамплином» для власти генералов. Она действительно оказалась трамплином, но для перехода власти в руки другой кровавой диктатуры – большевистской (вспомним Иркутск, ДВР, Приморье...).

Большевики предлагали отказаться от конфронтации, а меньшевики и эсеры не проявили доброй воли? Кролик не проявил доброй воли и не полез сам в пасть удава? Здесь уместно вспомнить слова Ленина, повторенные им в разных модификациях, в которых он указывал место, где должны находиться эсеры и меньшевики: в тюрьме.

Борис Вайль (Копенгаген)

В КОНЦЕ НОМЕРА

Наш журнал гордится своим кулинарным отделом. В № 8 за 1986 г. мы опубликовали меню XXVII съезда КПСС, а в № 3 за 1988 г. – меню буфета ЦК КПСС. Теперь гласность в расцвете и секреты – даже кулинарные! – уже не прячут. 30 июля с.г. дипломатический корреспондент ТАСС сообщил:

«Самым взыскательным вкусам отвечает меню официального обеда, который был дан в Грановитой палате Большого Кремлевского дворца в честь президента США Джорджа Буша и его супруги.

Что же предложили американским гостям и сопровождающим их лицам советские мастера кулинарии? В меню представлены и русская классическая, и современная западная кухня. Знаменитая зернистая икра и расстегаи – пироги из слоеного теста с рыбной начинкой «открыли программу». Участникам обеда предложили белорыбицу с лимоном, за которой последовала утка жареная с яблоками и черносливом. Затем подавалось старинное русское блюдо – солянка рыбная «столичная». В качестве основных блюд были нельма в шампанском со спаржей и филе говядины, фаршированное грибами. Десерт включал апельсиновое мороженое с лимонным желе, фрукты, различные пирожные, кексы. Естественно, не были забыты чай и кофе. Виноделы солнечной Грузии были представлены известными напитками – подавалось сухое белое вино циннандали, 1988 года урожая, сухое красное телнани, 1988 года. Было сервировано советское шампанское брют».

Если вы полагаете, что на президентских обедах всегда так положено, то вы ошибаетесь. Вот впечатления участницы обеда у другого президента, Рональда Рейгана:

«Обнесли сначала телячьими отбивными с итальянской лапшой; затем отдельно – капуста брокколи. На сладкое был торт-мороженое, красно сделанный внутри дыни с узорно вырезанными краями, и затем – кофе. Все вкусно, хорошо приготовлено, но ничего такого, чего не мог бы позволить себе на ланч средний американец» (Л.Алексеева, «Форум», № 2, 1983).

Чтение книг, братья, полезно для каждого христианина, и сказал блаженный: «Впитывающие мысли его всем сердцем – отыщут его». Что значит – «впитывающие мысли его»? Читая книги, не старайся поспешно листать от главы до главы, но вдумайся, о чем говорят книги, вчитайся в слова их, возвращаясь троекратно к каждой главе. Ибо сказано: «В сердце моем сокрыл я слова твои, чтобы не обмануть тебя». Ведь не сказал он: «Одними устами изрек», но – «в сердце сокрыл, чтобы не обмануть тебя», – имея в виду глубины написанного, его направлявшего. И я скажу: узда коню – всадник, сущность же праведного – в книгах его. Ведь не создать ни корабля без гвоздей, ни праведника без чтения книг, и, подобно тому, как разум растет от истоков своих, так и праведник – от читанных книг: воина красота – в оружии, а корабля – в парусах, но праведника – в чтении книг. «Открой, – говорит, – очи мои – да уразумею тайны законов твоих», – ибо очами именуется душевное воображение, и так далее; «не сокрой от меня заповедей твоих», – понимай так, что не нужно от глаз скрывать, от разума лишь и от сердца. И всегда осуждай уклоняющихся учения, говоря: «Прокляты избегающие заповедей твоих».

«Изборник 1076 года»

Рис. В.Сысоева, 1991